This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

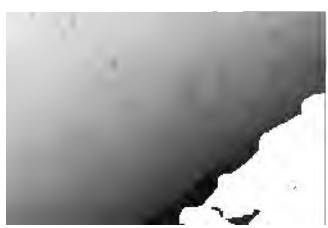
О программе Поиск кпиг Google

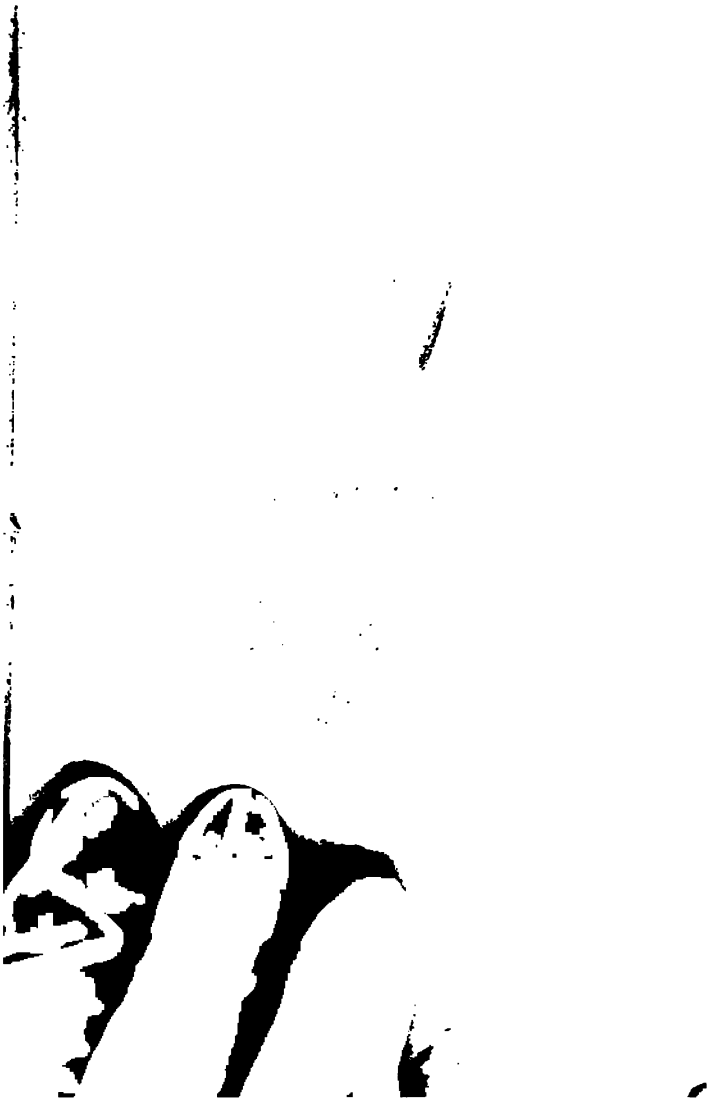
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

82263

52265

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES





Sobranie stikhotvoreniĭ

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

ПУШКИНА, РЫЛѢЕВА, ЛЕРМОНТОВА

и

другихъ лучшихъ авторовъ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

1858.

PG 3232
S63

Читателямъ.

Изъ всѣхъ изданій стихотвореній нашихъ отечественныхъ поэтовъ, какъ-то: Пушкина, Лермонтова, Рылѣева и др., именовавшихся полными, ни одно изъ нихъ не оправдовало своего названія. Многія изъ стихотвореній, недопущенныхъ, многія же хотя и явившіяся отдѣльными брошюрами или въ журналахъ, не вошли въ составъ этихъ изданій. Это обстоятельство не могло не возбудить въ любителяхъ отечественной литературы желанія, чтобы недостатокъ этотъ былъ пополненъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи рукописи въ достовѣрности которыхъ мы убѣдились съ достаточною точностію, мы рѣшились удовлетворить этому желанію, предпринявъ полное изданіе стихотвореній нашихъ отечественныхъ поэтовъ, включивъ на этотъ разъ и тѣ стихотворенія, которыя до нынѣ извѣстны малому числу, имѣвшему или читавше-

82263

Sobranie stichotvoreniĭ

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

ПУШКИНА, РЫЛѢЕВА, ЛЕРМОНТОВА

и

другихъ лучшихъ авторовъ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

1858.

PG 3232
S63

Читателямъ.

Изъ всѣхъ изданій стихотвореній нашихъ отечественныхъ поэтовъ, какъ-то: Пушкина, Лермонтова, Рылѣева и др., именовавшихся полными, ни одно изъ нихъ не оправдовало своего названія. Многія изъ стихотвореній, недопущенныхъ, многія же хотя и явившіяся отдѣльными брошюрами или въ журналахъ, не вошли въ составъ этихъ изданій. Это обстоятельство не могло не возбудить въ любителяхъ отечественной литературы желанія, чтобы недостатокъ этотъ былъ пополненъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи рукописи въ достовѣрности которыхъ мы убѣдились съ достаточною точностію, мы рѣшились удовлетворить этому желанію, предпринявъ полное изданіе стихотвореній нашихъ отечественныхъ поэтовъ, включивъ на этотъ разъ и тѣ стихотворенія, которыя до нынѣ извѣстны малому числу, имѣвшему или читавше-

му ихъ въ рукописи. Не знаемъ въ какой мѣрѣ мы достигнемъ нашей цѣли: удовлетворить вкусу читающей публики и ознакомить ее со всѣми произведеніями, вышедшими изъ подъ пера нашихъ поэтовъ. Вниманіе и благосклонность читателей будутъ служитъ намъ достаточнымъ ручательствомъ успѣха нашаго дѣла, для котораго можемъ сказать, мы не пожалѣли добросовѣстнаго труда.

За тѣмъ приглашаемъ любителей русской литературы, владѣющіе рѣдкими рикописями и печатаными произведеніями довѣрить для печатанія оныхъ, адресуя на имя: Вольфгангъ Гергарда въ г. Лейпцигъ.

Ласкаемъ себя надеждою, что любители русскаго слова на оставятъ безъ вниманія предлагаемаго; мы же въ свою очередь не пожалѣемъ ни труда, ни издержекъ, чтобы оправдать довѣріе, читающей публики.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. А. ПУШКИНА.

Вольность 1
Посланіе къ Чаадаеву 6
Деревня 7
Въ Сибирь 10
Кинжалъ 11
Посланіе къ М. Орлову 13
Моя Родословная 15
На кладбище 19
Мірская Власть 21
На выздоровленіе Лукула 22
Христосъ Воскресъ 25
Сказка 27
Царь Никита 29
Сѣятель 33
Пропущенныя строфы изъ стихотворенія „Наполеонъ“ 34

П. К. РЫЛѢЕВА.

Войнаровскій (поэма) 37
Волынскій (дума) 81

стр.

Борисъ Годуновъ (дума) 86
Дмитрій Самозванецъ (дума) 90
Глинскій (дума) 95
Отрывки онъ поэмы „Наливайко.“
I. Кіевъ 102
II. Исповѣдь Наливайко 106
III. Смерть Чигиринскаго Старосты . . 106
Гражданское мужество 109
Стансы (къ А. Б—ву) 113
Гражданинъ 115
Двѣ строфы изъ оды великому князю Александру Николаевичу, 30 Августа 1823 года 116

III. ЛЕРМОНТОВА.

Демонъ (поэма) 117
Посвященіе 172
Другое посвященіе къ поэмѣ „Демонъ“ 173
Тамара 175
На смерть Пушкина 178

IV. ДРУДИХЪ ЛУЧШИХЪ ОВТОРОВЪ.*)

Москва 1846г. Марта 182
Того же 184
Насильный бракъ 185
Изъ Апостола Іоанна 189
Московскому Генералъ-Губернатору 192

---

*)Мы не имѣимъ права выставить фамилій нашихъ *великихъ поэтовъ.*

стр.
Русскій Богъ 194
Пророчество 196
Русскому народу 202
И—ру 215
Отвѣтъ на посланіе Пушкина 218
На родинѣ 219
Русскій пѣвецъ 220
* * * 223
Пьяница 224
Французамъ 226
Вѣчевой колоколъ 228
Арестантъ 232
Когда нашъ Новгородъ великій 234
Къ Н..... 235
Кавказскому Офицеру 235
Двуглавый Орелъ 239
И——ру 241
Упованіе 242
1849 годъ 245
Совершеннолѣтіе 247
Искандру 249
Конь 251
Шарманка 253
Филантропъ 257
Двѣ пѣсни крымскихъ солдатъ 265

Вольность.

Бѣги сокройся отъ очей,
Цирепы слабая царица,
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свобода гордая пѣвица?
Приди, сорви съ главы вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру,
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла
Которому средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтренной судьбы,
Тираны міра трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Возстаньте падшіе рабы!

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,

Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы!
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть!

Лишь тамъ надъ царскою главой
Неслышимо людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ и твердый щитъ,
Гдѣ сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ.

И преступленье свысока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ,
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.
Владыки! Вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но выше васъ стоитъ законъ. (*)

*) *Варіантъ* „Но выше васъ самихъ законъ.

И горе, горе племенамъ
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О! мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ.
Падетъ преступная сѣкира
И самовластная порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостію вижу.
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы,
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ,
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ,
Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средъ тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью преданный дворецъ.

Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами;
Онъ видитъ... въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны,
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ.

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъемный,
Врага отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наемной.
О стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары,
Падутъ преступные удары,
Погибъ увѣнчанный злодей.

Внемлите истинѣ цари,
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона,
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой.

Посланіе къ Чаадаеву.

Любви, надежды, тихой славы
Не долго нѣжилъ насъ обманъ,
Изчезли юныя забавы,
Какъ сонъ, какъ утренній туманъ;
Но въ насъ горитъ еще желанье,
Подъ гнетомъ власти роковой,
Не терпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванье.
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты вѣрнаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ.
Души прекрасные порывы.
Товарищъ вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена!

1818.

Деревня.

„Привѣтсвую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья.
Я твой... Я промѣнялъ порочный дворъ царей
Безумные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья,
Я твой... Люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ уставленный душистыми скирдами
Гдѣ чистые ручьи въ кустарникахъ журчатъ.
Вездѣ передо мной прелестныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбарей бѣлѣетъ иногда;
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Въ дали разсыпанныя хаты,

На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты,
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанье презирать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ,
Въ уединеньи величавомъ*)
Слышнѣе вашъ отважный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ,
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ,
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества убійственный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На погубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое безъ чувства, безъ закона,

*) Начало это было напечатано.

Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по броздамъ,
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ душѣ моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ.
Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря!.

Въ Сибирь. (*)

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье,
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра —
Надежда въ мрачномъ подземельи
Разбудитъ бодрость и веселье.
Прійдетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечь вамъ отдадутъ.

---

*) Стихи эти были присланы Пушкинымъ въ 1827 г. сосланнымъ въ Сибирь послѣ 14 Декабря.

Кинжалъ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься вездѣ — подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ;
Какъ адскій лучь, какъ молнія боговъ —
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.
Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ

Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Не Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Кинжалъ, ты кровь излилъ, и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.
Изчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачъ уродливый возникъ.
Апостолъ гибели, усталому Аиду,
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
И вышній судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду.
Свободы мученикъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ,
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ,
Твоей Германіи Ты грозной тѣнью сталъ,
И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

Посланіе къ М. Орлову.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной,
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенный;
О ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ,
Преподаешь царей науку;
Но не безславить сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача.
Орловъ, ты правъ, я забываю
Свои геройскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля суеты.
На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ,

Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ — придворный... обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.
Смиривъ не мирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ.
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и халатѣ
Я буду пѣть моихъ боговъ,
Я буду ждать — когда возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей.
Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

Моя Родословная.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ;
Смотри, пожалуй, вздоръ какой,
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто русскій мѣщанинъ.

Понятна мнѣ временъ превратность:
Непрекословлю, право, ей;
У насъ нова рожденьемъ знатность
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ —
Бояръ старинныхъ я потомокъ,
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгаль изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ, —
Кудажъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ!

Мой предокъ, ради службы бранной,
Святому Невскому служилъ,
Его потомство гнѣвъ вѣнчанной
Иванъ четвертый пощадилъ.
Возились Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство,
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало нами дорожили,
Но я, я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
Въ свою родню неукротимъ,
Съ Петромъ мой прадуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ,
Его примѣръ будь намъ наукой,
Не любитъ спора властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средъ петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый
И я родился — мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ,
И не якшаясь съ новой знатью
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я просто Пушкинъ не Мусинъ,
Я самъ большой не царедворецъ
Я грамотѣй — я мѣщанинъ.

Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ проданъ за бутылку рома
И въ руки шкипера попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

Сей шкиперъ дѣлу былъ доступенъ,
И сходно купленный Арапъ
Возросъ усердень, неподкупенъ,
Царю наперстникъ, а не рабъ.
И былъ отцомъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ среди морскихъ пучинъ
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.

На кладбище.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу,
И на публичное кладбище захожу,
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ
Какъ гости жадные за нищенскомъ столомъ,
Купцовъ, чиновниковъ усопщикъ мавзолеи,
Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи,
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ,
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ —
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ
Что злое на меня унынie находитъ,
Хоть плюнуть, да бѣжать

Но какъ-же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ,
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ,
Къ нимъ ночью темною не лезетъ бѣдный воръ.
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздахомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ вѣчными гробами
Колеблясь и шумя...

1836.

Мірская Власть.

Когда великое свершилось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа
Марія грѣшница и пресвятая дѣва,
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены;
Но у подножія теперь креста честнаго,
Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зримъ поставлено на мѣсто женъ святыхъ
Съ ружьемъ и въ киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе казенная поклажа
Иль вы боитесь воровъ иль мышей?
Иль мните важности придать царю-царей,
Иль покровительствомъ спасать могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушна плоть свою
Бичамъ мучителей гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила
И чтобъ непотѣснить гуляющихъ господъ
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

1836.

На выздоровленіе Лукула

(подражаніе латинскому.)

Ты угасалъ, богачъ младой
Ты слышалъ плачь друзей печальныхъ,
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливой,
Торча въ передней молчаливой,
Нетрогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались,
Твоихъ наемниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались,
Вздыхали вѣрные рабы,
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ что сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой;
Уже скупой его сургучь
Пятналъ замки твоей конторы
И мнилъ загрѣсть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучь.

Онъ мнилъ: „Теперь ужъ у вельможъ
Не стану нянчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ;
Теперь мнѣ честность трынь-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!“

Но ты воскресъ. Твои друзья
Въ ладоши хлопая ликуютъ;
Рабы какъ добрая семья
Другъ друга въ радости цалуютъ,
Бодрится врачь, поднявъ очки,
Гробовой мастеръ взоры клонитъ
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею,
Смотри безцѣнный даръ она,
Умѣй-же пользоваться ею;
Укрась ее, года летятъ,
Пора! введи въ свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

Христосъ Воскресъ. (*)

Христосъ воскресъ! Питомецъ Ѳеба,
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ,
Онъ что-то кажется исчезъ.
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ Академіи почтенной
Воскресли члены ото сна,
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель,
Чтобы Шихматовымъ на зло,
Воскреснулъ новый Буало,
Расколовъ, глупости свидѣтель,
А съ нимъ по больше серебра
И золота et caetera...
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ,
Да не воскреснетъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,

---

*) Писано въ Лицеѣ.

И Николевъ, поэтъ покойный,
И не покойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть нескладно и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.
О Муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный кличъ;
Не нужно мнѣ гремящей лиры
Вручи мнѣ Ювенала бичъ.
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
Не безотвѣтнымъ риѳмачамъ
Готовлю язву эпиграмъ.
Миръ вамъ, несчастные поэты!
Миръ вамъ, смиренные глупцы!
А вы ребята подлецы
Впередъ! всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда;
Но если-же когѳ забуду
Прошу напомнить, господа!
О! сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О! сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать.

Skazka.

Ура! въ Россіи скачетъ
Качующій деспотъ,
Спаситель горько плачетъ,
За нимъ и весь народъ.
Марія въ хлопотахъ
Спасителя стращаетъ:
„Не плачь дитя, не плачь сударь!
„Вотъ бука, бука — русскій царь.“
Царь входитъ и вѣщаетъ:
„Узнай народъ россійскій
„Что знаетъ цѣлый міръ —
„И прусскій и австрійскій
„Я сшилъ себѣ мундиръ.
„О! радуйся народъ, я сытъ и тученъ.
„Меня газетчикъ прославлялъ;
„Я ѣлъ и пилъ и обѣщалъ,
„И дѣломъ не замученъ.

„Узнай еще въ прибавку,
„Что сдѣлаю потомъ:
„Лаврову дамъ отставку
„А Соца въ желтый домъ.
„Законъ поставлю на мѣсто вамъ Горгона
„И людямъ всѣ права людей
„По царской милости моей
„Отдамъ изъ доброй воли.“
Отъ радости въ постелѣ
Расплакалось дитя,
А мать ему: „бай, бай закрой свои ты глазки,
„Пора уснуть ужъ наконецъ,
„Послушавши какъ царь отецъ
„Разсказываетъ сказки.“

„Царь Никита.“

Отрывокъ исъ сказки.

Царь Никита жилъ когда-то
Праздно весело богато;
Не творилъ добра ни зла
И земля его цвѣла.
Царь трудился понемногу,
Кушалъ, пилъ, молился богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей, —
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Милыхъ сердцемъ и душой!
Что за ножка — боже мой!
А головка, темный волосъ,
Чудо-глазки, чудо-голосъ,
Словомъ съ головы до ногъ
Душу, сердце все плѣняло

Однаго не доставало...
Такъ бездѣлки, ничего...
Ничего иль очень мало,
Все равно недостовало.
Какъ бы это изъяснить,
Что-бъ совсѣмъ не разсердить
Богомольной нашей дуры,
Слишкомъ чопорной цензуры.
Какъ же быть поможь мнѣ богъ!
У царевенъ между но.....
Нѣтъ! ужъ это слишкомъ ясно
И для скромности опасно;
Такъ иначе какъ нибудь.
Я люблю въ Венерѣ грудь,
Губки, ножку особливо;
Цѣль желанья моего...
Что такое? — ничего...
Ничего иль очень мало,
И того-то небывало
У царевенъ молодыхъ...

. . . . . .

Ихъ чудесное рожденье,
Привело въ недоумѣнье
Всѣ придворныя сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальныхъ

Какъ узналъ о томъ народъ,
Ахалъ, охалъ, дивовался,
А иной хоть и смѣялся,
Да тихонько, чтобы въ путь
До Нерчинска не махнуть.
Царь собравъ своихъ придворныхъ
Нянекъ, мамушекъ покорныхъ
Издалъ имъ такой указъ:
„Если кто нибудь изъ васъ
„Дочерей грѣху научитъ,
„Или мыслить ихъ приучитъ,
„Или только намекнётъ,
„Что у нихъ недостаетъ,
„Иль двусмысленное скажетъ
„Или кукишь имъ покажетъ,
„То шутить я не прывыкъ —
„Дамамъ вырежу языкъ,
„А мужчинамъ нѣчто хуже,
„Что порой гораздо туже.“
Царь былъ строгъ но справедливъ,
А приказъ краснорѣчивъ.
Всякъ со страхомъ поклонился,
Остерегся всякъ рѣшился,
Ухо всякъ держалъ востро
И берегъ свое добро.
Жены бѣдныя боялись,

Что-бъ мужья непроболтались;
Въ тайнѣ думали мужья —
Провинись жена моя!...

. . . . . .

. . . . . .

Сѣятель.

„Изыде сѣятель сѣяти слово свое.“

Свободы сѣятель пустынной,
Я вышелъ рано до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды!
Паситесь добрые народы,
Васъ не разбудитъ чести кличь.
На что стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ рода въ роды
Ярмо съ гремушкою, да бичь.

Пропущенныя строфы

изъ стихотворенія „Наполеонъ.“

. . . . . .

IV

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ вѣтхій свой кумиръ,
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный
Свободы свѣтлый день насталъ.

V

Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.

VI

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ,
Новорожденная свобода
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась крылъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты власти жажду утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

VIII

Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ;
Тильзитъ — при звукѣ семъ обидномъ
Уже не поблѣднѣетъ Россъ,
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ;
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.

IX

„Губитель, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ непостигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?

Великодушнаго пожара
Непредузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Русскихъ разгадалъ..." *)

X

Россія бранная царица,
Воспомни древніе права!
Померкни солнце Аустерлица!
Пылай великая Москва!
Настали времена другія,
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Въ Москвѣ не царь, въ Москвѣ Россія,
Война по гробъ нашъ договоръ.

XI

. . . . . .

*) Строфа была напечатана, мы ее помѣщаемъ для ясности.

Войнаровскій.

поэма

часть I.

Въ странѣ мятелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны!
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ главы церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ
Бѣлѣютъ снѣжные равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины...
Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака....

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалый
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ
Съ толпой приступниковъ усталой,
Дружина воиновъ придетъ;
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ;
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой,
Все зашумитъ засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и Юкагиръ пустынный,
Неся богатый свой ясакъ,
Лѣсной Тунгузъ и, съ пикой длинной,
Сибирской строевой казакъ.

Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ;
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины

По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ,
Почти убитаго тоской,
Страдальца узника порой
Души минутное веселье,
Такъ въ душу мрачную влетитъ
Подъ часъ спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя осѣнитъ.....

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ, раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной,
Въ полукафтанѣ, въ шапкѣ черной,
И перетянутъ кушакомъ,
Какъ стражъ Днѣпра казакъ проворной
Въ своемъ парядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И съ *видомъ* нестерпимой муки,
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

„О, край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ больше не видать,
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать!“

„Горитъ напрасно пламень пылкій,
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальней и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.“

„О, край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ больще не видать;
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать! — “

Сказалъ; пошелъ по косогору,
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ изчезъ въ глуши лѣсной.
Кто ссыльный сей никто не знаетъ,
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И посѣдѣли ужъ примѣтно

Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ, смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для человѣчества постыдной,
Въ чело вклейменной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ предъ бури мрачнымъ днемъ;
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ,
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ какъ отчужденный бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ....

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славный
Въ укромномъ домикѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынный завлеченъ

Къ познаньямъ страстію высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ разсказы стариковъ
Про Ермака и казаковъ,
Про ихъ отважные походы
По царству хлада и снѣговъ.
Какъ часто вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому,
Или по дебрямъ и горамъ.
Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламень
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за кангалацкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климатъ жестокій и суровый,
И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гналъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій, —
И мракъ, и тишина кругомъ.
По всюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ иніи сѣдомъ;

Сплѣлися вѣтьви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ.... вдругъ выстрѣлъ! быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался — и на снѣгъ
Окровавленный упадаетъ.
Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда гдѣ палъ олень, бросаетъ —
Сквозь чашу, вѣтьви, дичь и боръ,
И зритъ: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный дахою черной
И въ длинно-шерстномъ чебакѣ,
Охотникъ ловкій и проворной....

То ссыльный былъ. — Угрюмый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылый,
Все душу странника страшило.
Но трепеща съ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,

Преодолѣлъ онъ ужасъ свой.
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
„Кто-бъ ни былъ ты,“ онъ такъ сказалъ,
„Будь мнѣ вожатымъ ради Бога;
„Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
„И въ глушь нечаянно попалъ;
„Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?“

— „Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ;
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ ли до ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле,
Уже вечерняя пора....
Но мы вблизи заимки скудной.
Пойдемъ, тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной. —“

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже виденъ сводъ небесъ...
Погасло дневное свѣтило;
Настала ночь.... Вотъ мѣсяцъ всплылъ, —
И одинокой и унылой
Дремучій лѣсъ осеребрилъ,
И юрту путникамъ открылъ.

Пришли и есыльный тороплиро
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освѣщая малчаливый.
И каждый въ сталь ударъ кремня,
Въ углу обители пустынной,
То дуло озарялъ ружья,
То ратовище пальмы длинной,
То саблю, то конецъ копья.
Глазъ съ незнакомца не спуская,
Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ.....
Вотъ, вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ,
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,
Заводитъ странникъ любопытный
Съ нимъ о Сибири разговоръ.
Въ какое-жъ Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ,
И кто бы ни былъ пораженъ:

Странъ европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Покинувъ родину съ тоскою,
Два года Миллеръ, какъ чужой,
Бродилъ безломнымъ сиротою
Въ странѣ забытой и глухой.
Но тутъ въ пустынѣ отдаленной,
Онъ, неожиданно въ глуши,
Впервые могъ тоску души
Отвесть бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдаго пришлеца,
Въ избыткѣ чувствъ, текли какъ волны.
Въ бесѣдѣ долгой и живой
Глаза у обоихъ сверкали,
Они другъ друга понимали:
И какъ друзья въ глуши лѣсной
Взаимно души открывали.
Усталый странникъ позабылъ
И поздній часъ и сонъ отрадный
И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье былъ.
„Ты знать желаешь, добрый странникъ,
Кто я и какъ сюда попалъ?“
Такъ незнакомецъ продолжалъ. —

„Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.
Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
Они не поняли-бъ меня,
И повѣсть мрачная моя
Не взволновала бы ихъ груди.
Тебѣ же тайну ввѣрю я
И чувства сердца обнаружу.
Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
Наукой просвѣтилъ себя,
Ты все поймешь, ты все оцѣнишь,
И несчастливцу не измѣнишь....
Дивись же странникъ молодой,
Какъ гонитъ смертныхъ рокъ свирѣпый,
Въ одеждѣ дикой и простой,
Узнай сидитъ передъ тобой
И другъ и родственникъ Мазепы. —
Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой
Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ не разъ съ тоской глубокой...
Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
Брожу какъ остовъ, очи впали,
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.

Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
И какъ климатъ сибирскій сталъ,
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальніе снѣга,
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны
Чѣмъ сожалѣніе врага.

. . . . . .

И ты печально не гляди,
Не изъявляй мнѣ сожалѣнья,
И такъ жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски уснувшей на мгновенье.
Признаться-ль странникъ: я-бъ желалъ,
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,

Чтобы меня, средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія боялись.
Ахъ! можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой...
Но зналъ и я когда-то радость
И отъ души людей любилъ
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческія годы
Ручьемъ игрывымъ протекли,
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье;
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суета,
Война, любовь, печаль, волненье
И пылкой юности мечта."

„Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ поляковъ,
Я часто за Палѣемъ въ слѣдъ,
Съ ватагой храбрыхъ гайдамаковъ
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
Бывало кони быстроноги
Въ степяхъ и дикихъ и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.

Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы, безъ сна,
Мы воздухомъ питались въ полѣ,
И малой горстью толокна;
Въ неотразимые наѣзды
Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ странъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій наѣзжали станъ.
Дружины грозныя громили
Селенія и грады въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ.
Враги вездѣ отъ насъ бѣжали,
И трепеща постыдныхъ узъ,
Постыдной данью покупали
У насъ сомнительный союзъ."

„Однажды, увлеченъ отвагой,
Я съ малочисленной ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ
Ударилъ на толпы враговъ.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смѣшалися въ рядахъ,

И строясь далѣ на холмахъ,
Намъ уступали поле драки.
Вдругъ слышимъ крымцевъ дикій гласъ...
Поля и стонутъ и трясутся...
Глядимъ — со всѣхъ сторонъ на насъ
Толпы враждебныя несутся...
Въ одно мгновенье тучи стрѣлъ
Въ дружину нашу засвистали.
Вотще я устоять хотѣлъ;
Враги все болѣ насъ стѣсняли,
И наконецъ, покинувъ бой,
Мы степью дикой и пустой
Разсыпались и побѣжали...
Погоню слыша за собой,
Изранепный и изнуренный,
Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страшася въ плѣнъ попасть презрѣнный.

„Ужъ крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали.
За рубежемъ родной страны —
Ужъ хутора вдали мелькали,
Ужъ въ куреняхъ я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ — вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался,

И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной....."

„Одинъ вблизи степной могилы,
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Лежалъ я мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,
Изъ раны кровь ручьемъ текла...
Напрасно помощь призывая,
Я слабый голосъ подавалъ;
Въ степи пустынной исчезая,
Едва родясь онъ исчезалъ."

„Все было тихо... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила,
И одинока, и блѣдна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ,
Ужъ я казалось замиралъ,
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною жищный вранъ леталъ...
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ,
И зрю — покрытая серпяномъ,
Казачка юная стоитъ,
Склоняясь робко надо мною,

И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ."

„О незабвенное мгновенье!...
Воспоминанье о тебѣ,
На зло враждующей судьбѣ,
И здѣсь страдальцу упоенье!
Я не забылъ его съ тѣхъ поръ;
Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковыя рѣчи.
И полный состраданья взоръ.
Я помню радость дѣвы нѣжной,
Когда страдалецъ безнадежной,
Былъ подъ хранительную сѣнь
Снесенъ къ отцу ея въ курень...
Съ какой заботою ходила
Она за страждущимъ больнымъ,
Съ какимъ участіемъ живымъ
Мои желанія ловила.
Я всѣ утѣхи находилъ
Въ моей казачкѣ черноркой;
Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
И облегчалъ недугъ жестокой.
Въ часы безсонницы моей,
Она, приникнувъ къ изголовью,
Сидѣла съ тихою любовью

И не сводя съ меня очей.
Въ часъ моего успокоенья
Она ходила собирать
Степные травы и коренья,
Чтобъ ими друга врачевать.
Какъ часто нѣжно и привѣтно
На мнѣ прекрасный взоръ бродилъ,
И я казачку непримѣтно
Душою пылкой полюбилъ.
Въ своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковалъ, кипѣла кровь!
Но скоро пылкая любовь
И въ милой дѣвѣ запылала...
Настала счастія пора!
Подругой юной исцѣленный,
Съ душой любовью упоенной,
Я обновленный всталъ съ одра;
Не долго мы любовь таили,
Мы скоро жаръ сердецъ своихъ
Ея родителямъ открыли,
И на союзъ сердецъ просили
Благословенія у нихъ."

„Три года молніей промчались
Подъ кровомъ хижины простой;

Съ моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
Въ кругу рѣзвящихся дѣтей,
На мирномъ лонѣ сладострастья,
Съ казачкой милою моей
Вполнѣ узналъ я цѣну счастья.
Угрюмый Гетманъ насъ любилъ,
Какъ дѣдъ дарилъ малютокъ милыхъ,
И наконецъ изъ мѣстъ унылыхъ
Въ Батуринъ насъ переманилъ."

„Все шло обычной чередой,
Я счастливъ былъ: но вдругъ покой
И счастіе мое сокрылось;
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украйнѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летятъ на бой;
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій.
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ,
И равнодушнѣе внималъ
Полковъ привѣтственныя клики."

„Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всѣхъ скрывался,
Молчалъ и собиралъ полки.
Однажды, позднею порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ.
Вхожу и слышу: „я желалъ
„Давно бесѣдовать съ тобою,
„Давно хотѣлъ открыться я
„И важную повѣрить тайну;
„Но наперед завѣрь меня,
„Что ты, прислучаѣ, себя
„Не пожалѣешь за Украйну.“ —
— „Готовъ всѣ жертвы я принесть,“
Воскликнулъ я, „странѣ родимой;
„Отдамъ дѣтей съ женой любимой,
„Себѣ одну оставлю честь.“ —
Глаза Мазепы засверкали,
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла
Съ его угрюмаго чела
Сбѣжало облако печали.
Сжавъ руки мнѣ, онъ продолжалъ:
„Я зрю въ тебѣ Украйны сына;
„Давно прямаго гражданина
„Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
„Я не люблю сердецъ холодныхъ:

„Онѣ враги родной странѣ,
„Враги священной старинѣ,
„Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ,
„Имъ чувствъ высокихъ не дано,
„Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы,
„Отъ колыбели до могилы
„Имъ пресмыкаться суждено.
„Ты не таковъ, я это вижу;
„Но чувствъ твоихъ я не унижу,
„Сказавъ, что родину мою
„Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
„Какъ должно юному герою,
„Любя страну своихъ отцовъ,
„Женой дѣтями и собой
„Ты ей пожертвовать готовъ...
„Но я, но я! пылая местью,
„Ее спасая отъ оковъ,
„Я жертвовать готовъ ей честью.
„Но къ тайнѣ приступить пора:
„Я чту великаго Петра,
„Но покоряяся судьбинѣ,
„Узнай: я врагъ ему отъ нынѣ!...
„Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я,
„Отъ случая всему рѣшенье,
„Успѣхъ не вѣренъ — и меня
„Иль слава ждетъ илъ попошенье.

„Но я рѣшился; пусть судьба
„Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
„Ужъ близокъ часъ, близка борьба.“
Началомъ бѣдъ моихъ была
Сія бесѣда роковая!
Съ тѣхъ поръ, пора утѣхъ прошла,
Съ тѣхъ поръ, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!...
Мазепѣ предался я слѣпо,
И другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ великаго Петра.
Ахъ, можетъ бытъ я въ заблужденьи,
Кипящей ревностью горя,
Но я въ слѣпомъ ожесточеньи
Тираномъ почиталъ царя...
Быть можетъ, увлеченный страстью,
Не могъ я цѣну дать ему,
И относилъ то къ самовластью,
Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой;
Но ахъ! Вдали страны родной,
Могу-ль всегда быть равнодушенъ?
Рожденный съ пылкою душой
Полезнымъ бытъ родному краю,

Съ надеждой славиться войной,
Я безполѣзно изнываю
Въ странѣ пустынной и чужой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною,
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу! —
Судьбу — всю жизнь влача въ кручинѣ,
Тая тоску въ душѣ своей,
Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
Далеко отъ родныхъ степей...
Почто, почто въ борьбѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой!
Почто съ безславіемъ, иль славой
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы, умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокій рокъ;
Умру я — и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!“

Часть II.

Ужъ было ясно и свѣтло,
Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы,
По небу сѣрому текло
Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый,
Но въ юрту день не проникалъ;
Скользя сквозь вѣтьви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя
Лучь одинокой ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дотлѣли,
Лишь угли красныя блестѣли
Порою синимъ огонькомъ.
Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Страдальца горестный разсказъ,
И часто гнѣвъ его объемлетъ,
Иль слезы падаютъ изъ глазъ....
„Видалъ-ли ты когда весной
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,

Иль поднимая дикій вой
Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ,
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи?...
И мы, порвавъ подданства цѣпи,
На гласъ отчизны и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей."

„Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ,
Я степи кровью обагрилъ,
И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости русскихъ притупилъ."

„Мазепа съ сѣвернымъ героемъ.
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ
Дымились кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили;
Ихъ псы и волки теребили;
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ; —
Часъ битвы роковой приспѣлъ —
И мы отчизну погубили!

Часть II.

Ужъ было ясно и свѣтло,
Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы,
По небу сѣрому текло
Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый,
Но въ юрту день не проникалъ;
Скользя сквозь вѣтьви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя
Лучь одинокой ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дотлѣли,
Лишь угли красныя блестѣли
Порою синимъ огонькомъ.
Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Страдальца горестный разсказъ,
И часто гнѣвъ его объемлетъ,
Иль слезы падаютъ изъ глазъ....
„Видалъ-ли ты когда весной
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,

Иль поднимая дикій вой
Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ,
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи?...
И мы, порвавъ подданства цѣпи,
На гласъ отчизны и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей."

„Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ,
Я степи кровью обагрилъ,
И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости русскихъ притупилъ."

„Мазепа съ сѣвернымъ героемъ.
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ
Дымились кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили;
Ихъ псы и волки теребили;
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ; —
Часъ битвы роковой приспѣлъ —
И мы отчизну погубили!

Полтавскій громъ загрохоталъ...
Но въ грозной битвѣ, Карлъ свирѣпый
Противъ Петра не устоялъ!
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему и мы съ Мазепой."

„Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ;
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ денъ отъ зноя
Едва сидѣли мы верхомъ....
Однажды въ полночъ подъ лѣскомъ,
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ
Вокругъ синѣла спешь глухая,
Луну затмили облака,
И тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа подъ костромъ сосновымъ,

Въ дали на почернѣвшемъ пнѣ
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ
Какъ другу открывался мнѣ:“

— „О, какъ не вѣрны наши блага,
„О, какъ подвластны мы судьбѣ!
„Вотще въ душахъ кипитъ отвага,
„Уже насталъ конецъ борьбѣ.
„Одно мгновенье все рѣшило;
„Одно мгновенье погубило
„Отчизны моея родной
„Надежду, славу и покой.
„Мазепѣ-ль духомъ унижаться?
„Не буду рока я рабомъ;
„И мнѣ ли съ рокомъ не сражаться,
„Когда сражался я съ Петромъ?
„Такъ, Вейнаровскій, испытаю,
„Покуда длится жизнь моя,
„Всѣ способы, всѣ средства я,
„Чтобы помочь родному краю.
„Спокоенъ я въ душѣ своей.
„И Петръ и я — мы оба правы,
„Какъ онъ и я живу для славы,
„Для пользы родины моей.“
Замолкнулъ онъ, глаза сверкали;

Дивился я его уму
Дрова треща ужъ догорали,
Мазепа легъ: но вдругъ къ нему
Двухъ плѣнныхъ казаки примчали.
Облокотяся вождь сѣдой,
Волнуемъ тайно мрачной думой,
Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
„Что новаго въ странѣ родной?“

— „Я изъ Батурина недавно,“
Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ:
„Народъ Петра благословлялъ,
„И радуясь побѣдѣ славной,
„На стогнахъ шумно пировалъ;
„Тебя-жъ, Мазепа, какъ Іуду,
„Клянутъ украинцы по всюду;
„Дворецъ твой взятый на копье,
„Былъ преданъ намъ на расхищенье,
„И имя славное твое
„Теперь и брань, и поношенье.“
Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся,
Прилегъ безмолвный на траву
И въ плащь широкій завернулся.
Мы всѣ съ участіемъ живымъ,
За Гетмана пылая местью,

Стояли молча передъ нимъ,
Поражены ужасной вѣстью.
Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнутъ тронъ,
Мнѣ Гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя
Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
И, странникъ, повторю: не знаю,
Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю;
Но знаю то, что затая
Родство, и дружбу, и природу,
Его сразилъ бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ народу."

„Съ разсвѣтомъ дня, мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,

Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой!“

„Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,
Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
Быть можетъ, думалъ я, рыдая,
Украйны мнѣ ужъ не видать!
Хоть ты земля роднаго края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая...“

„Увы! предчувствіе сбылось!
Судьбы велѣньемъ самовластной,
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной,
Мнѣ побывать не довелось...“

„Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили,
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ.*)

*) Карлъ XII.

И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный недугъ Гетманъ впалъ,
Онъ непрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросая быстрый,
Меня и Орлика онъ звалъ,
И задыхаясь увѣрялъ,
Что Кочубея видитъ съ Искрой."

„Вотъ, вотъ они!... при нихъ палачъ!"
— Онъ говорилъ дрожа отъ страху —
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
„Кругомъ стенанія и плачъ,
„Готовъ ужъ исполнитель муки;
„Вотъ засучилъ онъ рукава,
„Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
„Вотъ покатилась голова.....
„И вотъ другая, всѣ трепещутъ!
„Смотри какъ страшно очи блещутъ!..."

„То въ ужасѣ, порой съ одра
Бросался онъ въ мои объятья:
„Я вижу грознаго Петра!
„Я слышу страшныя проклятья.
„Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,
„Съ *кадильницъ* вьется ѳиміамъ....

„Митрополитъ, грозящій взоромъ,
„Такъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:
„Мазепа проклятъ въ родъ и родъ!
„Онъ погубить хотѣлъ народъ.“

То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь,
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь.
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ,
То горько плакалъ и рыдалъ,
То дикіи взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ какъ безумный хохоталъ;
То въ память приходя порою,
Онъ очи полные тоскою
На насъ уныло устремлялъ.“

„Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ подъ вечеръ труднѣй;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй. .
Томимъ болѣзнію своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку....
Къ нему я бросился, взялъ руку! —
Увы! она уже была

И холодна, и тяжела!
Глаза, остановясь, смотрѣли,
Потъ выступалъ, онъ отходилъ...
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели,
И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
„О Петръ! о родина!“ воскликнулъ;
Но съ симъ въ страдальцѣ замеръ гласъ,
Онъ вновь упалъ, главой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ,
И вздохъ послѣдній испустилъ.....
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ хладный,
Передъ умершимъ я стоялъ,
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной...
Насталъ день грустныхъ похоронъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали;
Я шелъ какъ тѣнь въ кругу друзей.
О, страникъ! страникъ! всѣ мечтали,
Что мы съ Мазепой погребали
Надежду родины своей.
Увы! послѣдній долгъ герою
Чрезъ силу я отдать успѣлъ.

Въ тотъ самый день внезапно мною
Недугъ жестокій овладѣлъ.
Я былъ ужъ на краю могилы:
Но жизнъ во мнѣ зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова началъ я страдать."

„Бендеры мнѣ противны стали,
Я ихъ покинулъ и летѣлъ
Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ
Разсѣять мракъ своей печали,
Но ахъ, напрасно! рокъ за мной,
Съ неотразимою бѣдой,
Какъ духъ враждующій стремился:
Я схваченъ былъ толпой враговъ,
И въ вѣчной ссылкѣ очутился,
Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ....."

„Ужъ много лѣтъ прошло въ изгнаньи,
Въ глухой и дикой сторонѣ;
Спасеніе и упованье
Была святая вѣра мнѣ."

„Привыкнулъ я къ несчастной долѣ;
Лишь объ Украйнѣ и родныхъ,
Украдкой отъ враговъ моихъ,

Грустилъ я часто по неволѣ.
Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ — врага иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?
Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
Увижу-ль я своихъ друзей?
Такъ я души покой минутный
Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
И отъ тоски и думы смутной,
Покинувъ городъ безпріютный,
Въ лѣса и дебри убѣгалъ.
Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьи,
Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ;
Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы и плескъ валовъ;
Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе въ глуши
Душа страдать переставала.
Разъ у якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой;
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня
И свирѣпѣлъ морозъ жестокой;
Передо мной скалы и лѣсъ
Грядой тянулися безбрежной;

Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты въ даль тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался между горъ
Въ боку былъ видѣнъ черный боръ
И берегъ Лены величавый.
Вдругъ вижу, женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней, и что же?... я узнаю
Въ несчастный сей, морозъ и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!..."

„Узнавъ объ участи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнаньи
О, странникъ! тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданья.
Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы! я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я,
Начальникъ самъ того не знаетъ.

Объ этомъ спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ."

„И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена
Тая тоску въ душѣ высокой.
Ахъ, говорилъ ли страникъ мой,
Тебѣ я радости печальной
При встрѣчѣ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальной?"

„Я ожилъ съ нею; но дѣтей
Я не нашелъ уже при ней:
Отца и матери страданья
Имъ не судилъ узнать Творецъ,
Они не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ..."

„Съ моей подругой возвратилось
Въ душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будто легче становилось;
Я началъ рѣже тосковать;
Но ахъ, не долго счастье длилось;
Оно какъ сонъ изчезло вдругъ.
Давно закравшійся недугъ

Въ младую грудь подруги милой,
Съ весной примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилой.
Тутъ мнѣ судилъ творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдалицы несчастной.
Болѣзнею изнурена,
Съ какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ о дѣтяхъ,
Къ ней жизнь, казалось, возвращалась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея,
Но часто тайно отъ меня
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить,
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ни чѣмъ не отвратить.
Насталъ для сердца часъ ужасный!
„Мой другъ!“ — сказала мнѣ она, —
„Я умираю, будь покоенъ,
„Намъ здѣсь печаль была дана:
„Но, другъ, есть лучшая страна:
„Ты по душѣ ея достоинъ.
„О! тамъ мы свидимся опять!

„Тамъ ждетъ награда за страданья,
„Тамъ нѣмъ ни казней, ни изгнанья, —
„Тамъ насъ не будутъ разлучать.“
Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угосать огонь очей.
И, наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно въ Сибири хладной,
Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душной, безотрадной,
Могильный грустный холмъ ея
Близъ юрты сей насыпалъ я.
Съ закатомъ солнца я, порою,
На немъ въ безмолвіи сижу,
И чудотворною мечтою
Лѣта протекшія бужу.
Все воскресаетъ предо мною,
Друзья, Мазепа и война, —
И съ чистою своей душою
Не возвратимая жена.“

„Остранникъ! память о подругѣ
Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ
И плачетъ сладостно о другѣ.“

„Какъ часто вспоминаю я
Надъ хладною ея могилой,
И свойства добрыя ея,
И пылкій умъ, и образъ милый!
Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила,
Съ какою живостью о немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль
Ее тагча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зрѣлъ москаль;
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть,
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной,
Въ самомъ страданіи хранить.“

„Съ утратой сей, отъ бѣдъ усталый,
Съ душой для счастія увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ.

Я много горя испыталъ,
Но тяжкой жизнью не довольный,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья смерти самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила
И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
Чтить съ дѣтства славныхъ я привыкъ;
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободной,
Дѣлами истинно великъ;
Но онъ достоинъ укоризны,
Согражданъ самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ.
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ-бъ смерть отрадою была;
Но жизнь и смерть я презираю....
Мнѣ надо жить, еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ..."

Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
Съ лица изчезнулъ мракъ печали,
Глаза злезами засверкали,
И онъ молиться тихо сталъ.
Гость просвѣщенный угадалъ,
Объ чемъ страдалецъ сей молился;
Онъ самъ невольно прослезился,
И несчастливцу руку далъ,
Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
Въ знакъ дружбы вѣрной, до могильной...

Дни уходили съ быстротой,
Зима обратно налетала
Рукою хладной одѣвала
Природу въ саванъ снѣговой.
Въ пустынѣ странникъ просвѣщенный
Страдальца часто навѣщалъ,
Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
И объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны онъ мечталъ.
Однажды онъ въ уединеньи
Съ отрадной вѣстью о прощеньи
Къ страдальцу другу поспѣшалъ,
Морозъ трещалъ, глухой тропою
Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой нартѣ мчалъ.

Уже онъ ловитъ жадными взоромъ
Сквозъ вѣтви древъ въ глуши лѣсной,
Кровъ одинокій и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
Скажу: окончены страданья!
Мой другъ, покинь страну изгнанья!
Лети въ родимыя края!
Тамъ ждутъ тебя въ странѣ прекрасной
Благословенья земляковъ
И кругъ друзей съ душою ясной,
И мирный домъ твоихъ отцовъ!
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался;
Никто встрѣчать его нейдетъ.
Онъ входитъ въ двери. Лучь привѣтной
Сквозъ занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ:
Все пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишъ мракъ и холодъ въ ней живетъ.
Все въ запустѣньи! мыслитъ странникъ:
„Куда-жъ сокрылся ты изгнанникъ?“
И думой мрачной удрученъ,

Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ.
И что же видитъ предъ собою? —
Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудъ челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ,
Въ оцѣпенѣньи роковомъ.
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

Волынскій.

(дума).

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоятъ за правду и законъ
Какъ Долгорукій безъ боязни.

„Пусть будетъ онъ, душа войной.
Врагамъ, въ часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Какъ покоритель Казани;
Пусть удивляетъ... но, когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья,
Бѣда несчастному, бѣда! —
Онъ сынъ не славы, а безславья!

„Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства, —
И на проклятія вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства!
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полѣзный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!

„Не тотъ, кто съ гордыми въ борьбѣ
Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ,
И, забывая о себѣ,
Все въ жертву родинѣ приноситъ.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ;
Въ часъ казни правотою гордъ,
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

„Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный сѣти —
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи!

„И хоть падетъ, — но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной,
И онъ, и пламенный порывъ
Души свободной, благородной.
Славна кончина за народъ!
Цѣвцы герою въ воздоянье
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянья.

„Вражда къ неправдѣ закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ —
И Русь священная узритъ
Неправосудіе въ обломкахъ.“
Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынскій думалъ справедливо;
Душею чистъ и правъ въ дѣлахъ
Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнью и Бирономъ
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ тропомъ;
Открылъ царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій,
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Не долго вольности лишенъ
Герой влачилъ свои оковы:
Однажды вдругъ запоровъ звонъ —
И входитъ стражъ къ нему суровый.

Приникъ — и, осѣнясь крестомъ
Сказалъ: „за истину святую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ!
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!“

Въ его очахъ при мысли сей
Сверкнула съ гордостью отвага;
И бодро изъ тюрмы своей
Шелъ другъ общественнаго блага.
Притекъ.... увидѣлъ палача —
И голову склонилъ безъ страха,
Сверкнуло лезвіе меча
И кровью освѣтилась плаха!

Сыны отечества! въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ,
Почіетъ прахъ врага Бирона!
Отецъ семейства! приведи
Къ могилѣ мученика сына,
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
Да, все для ней онъ переноситъ,
И благородная душа
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ железной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью!

Борисъ Годуновъ.

(дума).

Москва рѣка дремотною волной
Катилась тихо межъ брегами;
Въ нее, гордясь, глядѣлся Кремль стѣной
И златоверхими главами.
Умолкъ по улицамъ и вдоль береговъ
Кипящаго народа гулъ шумящій,
Все въ тихомъ снѣ, лишь Годуновъ,
На ложе бодрствуетъ стенящій.

Предъ образомъ Спасителя въ углу
Лампада тусклая трепещетъ
И блѣдный лучь, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца странно блещетъ...
Тутъ зрѣлся скипетръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы! лишь добродѣтели и сна
Великому недоставало...

Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши,
До сна-ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему цареубійства повѣсть.
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой,
И трепету невольно преданъ онъ
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.

„Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его народу,
Лишь одному злодѣйству буду врагъ,
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные и села,
Полезному открою всѣ пути,
И возвеличу блескъ престола!

„Я мнилъ: народъ меня благословитъ,
Зря благоденствіе отчизны
И общая любовь мнѣ будетъ щить
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю, но ропота души
Оно остановить не можетъ,
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши.
Вездѣ равно меня тревожитъ.

„Вездѣ, какъ неотступный, стражъ земной,
Какъ зло неумолимый геній,
Влачится въ слѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно совѣсть преступленій...
Ахъ удались, дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь, —
Полна ужъ чаша наказанья!

„Взываю я, но тщетны всѣ мольбы!
Не отгоню ужасной думы;
По всюду зрю грозящій перстъ судьбы,
И слышу сердца гласъ угрюмый...
Терзай же тайный гласъ, коль суждено,
Терзай! но я восторжествую,
И смою черное съ души моей пятно,
И кровъ царевича святую!

„Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня,
Не утомлюся отъ страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для однаго благодѣянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правленіе прославлю,
И прахъ несчастнаго почтить слезой
Потомка поздняго заставлю.

„О! такъ, хоть станутъ проклинать во мнѣ
Убійцу отрока святаго,
Но не забудутъ же въ родной странѣ
И дѣлъ полезныхъ Годунова!“
Страдая внутренно, такъ думалъ онъ,
И вдругъ, на гласъ святой надежды,
Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ,
И осѣнилъ страдальца вѣжды.

И съ той поры державный Годуновъ,
Перенося гоненье рока,
Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ,
И врагъ лишь одного порока.
Скончался онъ, — и тихо приняла
Земля несчастнаго въ объятья;
И загремѣли во его дѣла
Благословенья и проклятья!...

Дмитрій Самозванецъ.

(дума.)

Чьи такъ дихо блещутъ очи?
Дыбомъ черный волосъ всталъ.
Онъ страшится мрака ночи
Зрю: сверкнулъ въ рукѣ кинжалъ!
Вотъ идетъ, стоитъ... трепещетъ...
Быстро бросился назадъ;
И, какъ злой преступникъ, мещетъ
Вдоль чертога робкій взглядъ!...

Не убіица-ль сокровенный,
За Москву и за народъ,
Надъ стезею потаенной
Самозванца стережетъ?...
Вотъ къ окну оборотился,
Вдругъ луны сребристый лучь
На чело къ нему скатился
Изъ-за мрачныхъ грозныхъ тучъ.

Что я зрю!... то хищникъ власти,
Лжедимитрій тамъ стоитъ;
На лицѣ пылаютъ страсти,
Трепеща онъ говоритъ:
„Тамъ, въ чертогахъ кто-то бродитъ,
„Шорохъ!... заскрипѣла дверь!...
„И вотъ призракъ чей то входитъ,
„Этоты, Бориса дщерь!...

„О, молю — избавь отъ взгляда!
„Укоризною горя,
„Онъ вселяетъ муки ада
„Въ грудь преступнаго царя!...
„Но изчезла у порога.
„Это кто-жъ мелькнулъ и сталъ,
„Притаясь въ углу чертога?...
„Это Шуйскій!... я пропалъ!...“

Такъ страдалъ злодей коварный
Въ часъ спокойствія въ Кремлѣ,
Выступалъ все безпрестанный
Потъ холодный на челѣ.
„Не укроюсь я отъ мщенья!“
Онъ невнятно прошепталъ, —
„Для тирана нѣтъ спасенья,
„Другъ ему — одинъ кинжалъ!...

„На престолѣ, иль на ложѣ,
„Иль въ толпѣ, на площади,
„Рано-ль, поздно-ли, но все-же
„Быть ему въ моей груди.
„Прекращу-жъ свой вѣкъ постылый,
„Мнѣ наскучило страдать
„Во дворцѣ, какъ средь могилы,
„И убіицу ожидать!“

Сталь занесъ, она сверкнула, —
И приступный задрожалъ...
Смерть тирана ужаснула,
Выпалъ поднятый кинжалъ.
„Не настало еще время —“
Простоналъ онъ, „но придетъ!
„И несносной жизни бремя,
„Тяжкой ношею спадетъ!“

Но, какъ будто бы очнувшись,
„Что свершить рѣшился я?!“
Онъ воскликнулъ ужаснувшись;
„Нѣтъ не погублю себя...
„Завтра-жъ, завтра все разрушу,
„Завтра хлынетъ кровь рѣкой;
И встревоженную душу
„Вновь порадуетъ покой!

„Вмѣсто праотцевъ закона
„Я введу законъ Римлянъ;
„Грозной местью гряну съ трона
„Въ подозрительныхъ гражданъ.
„И твоя падетъ на плахѣ,
Буйный Щуйскій, голова...
„И, дымясь въ крови и прахѣ,
„Затрепещешь ты Москва!“

Смолкъ. Преступныя надежды
Удалили страхъ; — и онъ
Легъ на пышный ордъ, и вѣжды
Оковалъ тревожный сонъ. —
Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близъ дворца!
И тиранъ съ одра воспрянулъ
Съ смертной блѣдностью лица!...

Побѣжалъ, — и зритъ у входа,
Изо всѣхъ кремлевскихъ вратъ,
Волны шумныя народа,
Ко дворцу стремясь, кипятъ.
Вотъ приблизились, напали,
Храбрый Шуйскій впереди —
И Сарматы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди! —

„Все погибло!... нѣтъ спасенья!
„Смерть прибѣжище одно!“ —
Рекъ тиранъ... еще мгновенье —
И бросается въ окно.
Палъ на камни, и при стукахъ
Копій, сабель и мечей,
Жизнь окончилъ въ страшныхъ мукахъ
Нераскаянный злодей!

Глинскій.

(дума.)

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
Куда лучь привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
Страшился проникнуть; гдѣ въ области темной
Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцая бродилъ, —
Гремѣвшій въ Варшавѣ, въ Литвѣ и Россіи,
Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

Волосъ уцѣлѣвшихъ сѣдые остатки
На сморщено вѣкомъ и грустью чело
Спадали кудрями, вiясь въ безпорядкѣ;
Страданье на Глинскомъ бразды провело...
Сидѣлъ онъ склоненный на длань головою,
Угрюмою думой въ минувшемъ леталъ,
Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
И, тяжко стоная, вздыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
Прелестная дѣва, отрада слѣпца;
Свободой, и счастьемъ и свѣтомъ презрѣла,
И блага всѣ въ жертву она для отца.
Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
Могильная мрачность темницы сырой,
Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
И жизни зарю молодой.

„О, долго ли будешь стоная лить слезы?“
Рекла она нѣжно. „Печали забудь!“
„Быть можетъ расторгнешь сіи ты оковы;
„Надежда лелѣетъ и узниковъ грудь.
„Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
„Спокоя волненье и бурю души,
„Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ отчизны,
„Ты счастливо кончишь въ тиши! —“

„На лонѣ отчизны!“ Воскликнулъ изгнанникъ.
„Не мнѣ утѣшаться надеждою сей!“
Страшась угрызеній стенающій плѣнникъ
Несчастный и вспомнить трепещетъ о ней.
„Могу-ль быть покоенъ, хотя на мгновенье?
„Червь совѣсти тайно терзаетъ меня,
„Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
„И мучусь, измѣну кляня.

„Природа дала мнѣ возможныя блага
„Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ и грознымъ въ войнѣ;
„Богатство, познанья, порода, отвага,
„Все съ щедростью было ниспослано мнѣ.
„Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
„Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ...
„Вдругъ поднялися на Польшу сосѣды,
„И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

„Монгольскія орды влетѣли бѣдою,
„Литва задымилась въ пылу боевомъ, —
„И старцы, и жены, и дѣти толпою
„Влеклися въ неволю свирѣпымъ врагомъ.
„И въ пепелъ деревни и пышные грады,
„И буйный Татаринъ въ крови утопалъ;
„Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады,
„Мечь жадный надъ всѣми сверкалъ.

„Встревоженъ невзгодой я къ хищнымъ на встрѣчу
„Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой.
„Достигъ — и отважно въ кровавую сѣчу —
„И кровь полилася, запѣнясь рѣкой.
„Покрылись тѣлами поля и равнины,
„Литвинъ и Татаринъ упорно стоялъ;

„Но съ яростью новой за мною дружины —
„И гордый Монголъ побѣжалъ.

„Боролся съ кончиной властитель державный,
„Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ —
„И вдругъ о побѣдѣ и громкой и славной
„Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.
„Чело Александра веселость покрыла.
„Когда торжествуетъ родная страна —
„Онъ рекъ предстоящимъ, — тогда и могила
„Повѣрьте друзья, не страшна! —

„Симъ подвигомъ славнымъ, чрезъ мѣру надменнымъ,
„Не могъ укратить я волненье страстей —
„И родъ Забржензенскихъ, давно мнѣ враждебный,
„Внезапно средь сѣчи палъ жертвой мечей.
„Погибъ онъ — и други мнѣ стали врагами;
„И преданъ душею лишь мести одной
„Дерзнулъ я внестись съ чужими полками
„Въ отчизну свирѣпой волной.

„О, муки! о, совѣсть тиранъ неотступный!...
„Ни зрѣлище стоговъ родимой земли,
„Ни тайный гласъ сердца, изъ длани преступной
„Въ часъ битвы исторгнуть меча не могли!

„Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
„И ярыхъ и грозныхъ душей Москвитянъ,
„Увы къ преступленью влекомъ преступленьемъ,
„Разилъ я своихъ сограждан!

„Бой конченъ — и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ,
„Растерзанны трупы и груды костей;
„Душа предалася невольно кручинѣ
„И брызнули слезы на грудь изъ очей.
„Не въ пору позналъ я тоску преступленья,
„Вся гнусность измѣны представилась мнѣ;
„Молилъ Сигизмунда поступкамъ забвенья,
„Мечталъ о родной сторонѣ. —

„Но геній враждебный, о тайнѣ душевной
„Царю въ злое время извѣстіе далъ,
„И русскій властитель, смущенный и гнѣвный
„Раскаянье сердца измѣной назвалъ!
„Лишилъ меня зрѣнья владыка суровый,
„Забывши и славу и старость мою;
„На дядю царицы надѣлъ онъ оковы
„И ввелъ его въ бездну сію!

„Лѣтъ десять живу въ могилѣ я хладной,
„Ни звѣзды, ни солнце не свѣтятъ ко мнѣ
„Тоскую угрюмый въ душѣ безотрадной,

„И думой стремлюся къ родимой странѣ.
„Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ;
„Чутъ сердце трепещетъ нѣмѣетъ мой гласъ,
„И медленно льется кровь хладная въ жилахъ,
„И смерти ужъ близится часъ!

„О дочь моя! скоро надъ гробомъ рыдая,
„Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли!
„Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края,
„Отъ милой отчизны жить грустно въ дали!
„Свободный народъ нашъ, дѣяньями славный,
„Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
„Проступокъ несчастныхъ отцовъ своенравный
„Не будетъ отмщать на дѣтяхъ.

„Край милый увидишь, и сердца утраты,
„И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь:
„И башни, и храмы, и предковъ палаты,
„И сердцу святыя гробницы узришь!
„Отца проклиная, дочь милую нѣжно
„И ласково примутъ отчизны сыны, —
„И ты дни окончишь въ тиши, безмятежно
„На лонѣ родимой страны.

„Пусть рокъ мой, исполненъ тоской и мученьемъ
„Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей;

„Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ,
„Итти не посмѣетъ стезею страстей.
„Да видятъ во мнѣ моей родины братья,
„Что рано, иль поздно измѣнѣ взгремятъ
„Ужасныя сердцу согражданъ проклятья
„И совѣсть отъ сна пробудятъ!...“

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою,
Вдругъ стонъ по темницѣ — и Глинскій упалъ
На дочери лоно сѣдой головою,
И холодъ кончины его оковалъ!...
Такъ Глинскій, мужъ думы и пламенный воинъ,
Погибъ на чужбинѣ въ тюремной глуши,
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мирѣ достоинъ,
Когда-бъ не надмѣнность души.

Отрывки изъ поэмы.

Наливайко.

I. Кіевъ.

Едва возникнувшій изъ праха,
Съ полуразвѣнчаннымъ челомъ,
Добычей дерзостнаго ляха
Дряхлѣетъ Кіевъ надъ Днѣпромъ.
Какъ все измѣнчиво и прочно!
Когда-то роскошью восточной
Въ странѣ богатой онъ сіялъ;
Смотрѣлся въ Днѣпръ съ береговъ высокихъ,
И красотой изъ странъ далекихъ
Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
На шумныхъ торжищахъ звенѣли
Царьградскихъ золотомъ купцы,
Въ садахъ по улицамъ блестѣли
Великолѣпные дворцы.
Среди Хазаръ и Печенѣговъ
Дружиной витязей хранимъ,

Онъ посмѣвался, невредимъ,
Грозѣ ихъ буйственныхъ набѣговъ.
Народамъ диво и краса:
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились къ небесамъ
Главы обители Печерской,
Какъ души иноковъ святыхъ
Въ своихъ молитвахъ не земныхъ.
Но ужъ давно, давно не видно
Богатствъ и славы прежнихъ дней,
Все Русь утратила постыдно
Междоусобіемъ князей;
Дворцы, сребро, врата златыя,
Толпы гражданъ, толпы дѣтей —
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедиминъ нанесъ ударъ:
Прошло владычество Татаръ!
На мигъ раздался гласъ свободы,
На мигъ воскреснули народы...
Но Кіевъ на степи глухой,
Дивить ужъ болѣ не способный,
Подъ властью Ляха роковой
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный,
Надъ угнетенною страной!

II. Исповѣдь Наливайки.

„Не говори отецъ святой
Что это грѣхъ! слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу. —
Отступничество Уніатовъ,
Всѣ преступленія Сарматовъ
Я на душу принять готовъ.

И такъ ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть — рай!
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ.
Козакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,

Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все исчезло какъ призракъ,
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, Уніятъ Литвинъ, Полякъ —
Какъ стаи кровожадныхъ враговъ
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.
Къ Полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ и кровь бунтуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуетъ какъ тѣнь:
Она мнѣ не даетъ покоя,
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ Церквахъ святыхъ.
„Пора!“ мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
„Пора губить враговъ Украйны!“
Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа —
Судьба меня ужъ обрекла.

Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!

III. Смерть Чигиринскаго Старосты.

Съ пищалью мѣткой и копьемъ,
Съ булатомъ острымъ и съ нагайкой,
На аргамакѣ ворономъ
По степи мчится Наливайко.
Какъ вихоръ, бурный конь летитъ,
По вѣтру хвостъ и грива вьется,
Густая пыль изъ-подъ копытъ
Какъ облако во слѣдъ несется...
Летитъ... привсталъ на стременахъ,
Въ туманъ далекій взоры топитъ,
Узрѣлъ — и съ яростью въ очахъ
Коня и нудитъ и торопитъ...
Какъ точка передъ нимъ въ дали
Чернѣетъ что-то въ дымномъ полѣ;
Вотъ отдѣлилась отъ земли,
Вотъ съ каждымъ мигомъ болѣ, болѣ,

И наконецъ, на вышинѣ,
Средь мглы сѣдой, въ степи пустынной,
Вдругъ показался на конѣ
Красивый всадникъ съ пикой длинной...
Козакъ коня быстрѣй погналъ;
Въ его очахъ веселье злое...
И вотъ... почти ужъ доскакалъ...
Копье направилъ роковое,
Настигъ, ударилъ — всадникъ палъ,
За стремя зацѣпясь ногою,
И конь испуганный помчалъ
Младаго Ляха подъ собою.
Летитъ какъ ястребъ витязь въ слѣдъ;
Коня измученнаго колитъ
Или въ ребро, или въ хребетъ,
И въ дальній бѣгъ его неволитъ.
Напрасно ногу бѣдный Ляхъ
Освободить изъ стремя рвется,
Летитъ, глотая черный прахъ,
И слѣдъ кровавый остается...

Гражданское мужество.

Кто, кто сей дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело спокойно, строенъ станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой,
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ли, мужество гражданъ,
Неколебимыхъ благородныхъ?
Не ты-ли, геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ;
О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,

Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Надежною опорой троновъ.

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ,
Не погасала въ ихъ сердцахъ,
Любовь къ согражданамъ своимъ;
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

Оты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Тобою славны на судѣ
И Панинъ папъ и Долгорукій,
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины,
И вопль и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославять подвиги вождя,
И юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи;
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ,
Сіять для будущихъ племенъ.
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ,
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ,
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;

Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Аттилъ и Цесарей, и Бренновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой,
Они являлися толпой...
Но много-ль было Цицероновъ?...

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ
Но намъ ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ временъ
Для блага сѣверныхъ племенъ
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

И такъ, сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье
Благодаренье небесамъ,
За ихъ святое снисхожденье;
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;

Вотще коварство вкругъ шипитъ,
Онъ наступилъ ему на выю:

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть козни строя,
Въ безумной дерзости своей,
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ.
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и въ судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпора власти и народу.

Такъ въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ;
Внизу несутся облака.
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка,
Но тщетны дерзкіе порывы;
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Возноситъ верхъ свой горделивый.

Стансы.

(Къ А. Б—ву.)

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей.

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ,
Но ужаснѣй истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу,
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

Гражданинъ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности, влачить сво вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

Двѣ строфы изъ оды великому князю

Александру Николаевичу.

30. Августа 1823 года.

Гласъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри, въ волненіи народы,
Смотри, въ движеньи сонмъ царей!
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцемъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородной,
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель,
Она — есть первый долгъ царей,
Будь просвѣщенья покровитель,
Оно — надежный другъ властей.

К. Рылѣевъ.

Демонъ.

(поэма.)

Частъ первая.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей,
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой, —
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ,
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ,
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,

Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни страха, ни сомнѣнья,
И не грозилъ душѣ его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

II.

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта.
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья.
Нигдѣ искуству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья, —
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ;
И глубоко внизу, чернѣя,
Какъ трещина — жилище змѣя, —

Вился излучистый Дарьялъ.
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, — и хищный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ
Глаголу водъ его внимали, —
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали.
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны.
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего, —
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...

IV.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И куща розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ безотвѣтныхъ,
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ;
Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой...
Но, кромѣ зависти холодной,

Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной,
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ, —
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ...

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени:
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ —
Звучитъ зурна и льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою;

На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужь спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая,
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится, легче птицы,
То остановится, — глядитъ, —
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ развѣсистой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка.
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна;
И лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучемъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порой,
Своей алмазною росой
Не брызгалъ на подобный станъ;
Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала...
Увы! заутра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая по нынѣ
И незнакомая семья.

И часто грустныя сомнѣнья
Темнили свѣтлыя черты;
Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны милой простоты,
Что если-бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То прежнихъ братьевъ вспоминая,*)
Онъ отвернулся-бъ и вздохнулъ...

IX.

И Демонъ видѣлъ... на мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ;
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный духъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты.
И долго сладостной картиной
Онъ любовался; — и мечты
О прошломъ счастьи цѣпью длинной,
Какъ-будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,

*) Воріантъ „По прежній рай воспоминая.“

Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ;
Въ немъ сердце вдругъ заговорило
Роднымъ, понятнымъ языкомъ.
То былъ ли признакъ возрожденья:
Онъ словъ покорныхъ въ утѣшенье
Найти въ умѣ своемъ не могъ....
Забыть? забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взяль бы забвенья...

X.

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшитъ женихъ петерпѣливый.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжкой ношею даровъ,
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорогой тянется, мелькая;
Ихъ колокольчики звенятъ...
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ стройный станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блестить на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной.

Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи; кругомъ она
Вся галуномъ обложена,
Цвѣтными вышито шелками;
Его сѣдло, узда съ кистями,
Подъ нимъ весь съ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой,
Питомецъ рѣзвый Карабаха,
Прядетъ ушми и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежный...
Утесы съ лѣвой стороны,
На право глубь рѣки мятежной;
Ужъ поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
Съ тѣхъ поръ на праздникъ, иль на битву
Куда бы путникъ не спѣшилъ,
Всегда усердную молитву

Онъ у часовни приносилъ.
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но презрѣлъ молодой женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ;
Его коварною мечтою
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... Выстрѣлъ... Что такое?
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ,
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ,
Нагайка щолкъ — и какъ орелъ
Онъ кинулся, и выстрѣлъ снова, —
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ тишинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали рабкіе Грузины!

XII.

И стихло всё. Тѣснясь толпой,
Верблюды съ ужасомъ глядѣли
На трупы всадниковъ; порой

Ихъ колокольчики звенѣли. *)
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица!
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ сводомъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Покрыты бѣлыми чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами,
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
За то усердною рукою
Здѣсь, у дороги, подъ скалою,
На память водрузится крестъ.
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьётъ —
Своею сѣткой изумрудной,
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ...

---

*) Варіантъ „Затихло всё. Тѣснясь толпой,
На трупы всадниковъ порой,
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ ночной
Ихъ колокольчики звенѣли."

XIII.

Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется, будто въ брани,
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая;
То разомъ въ землю ударяя
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ естъ всадникъ молчаливый;
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
Припавъ на гриву головой;
Ужъ онъ не правитъ поводами,
Задвинувъ ноги въ стремена, —
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна.
Скакунъ надежный господина
Изъ боя вынесъ, какъ стрѣла;
Но злая пуля Осетина
Его во мракѣ догнала.

XIV.

Въ семьѣ Гудала плачь и стоны.
Толпится на дворѣ народъ.

Чей конь примчался запыленый
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?...
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела;
Въ крови оружіе и платье,
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
Не долго жениха младаго,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово:
На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы! но никогда ужь снова
Не сядетъ на коня лихова!...

XV.

На беззаботную семью
Какъ громъ слетѣла Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдаетъ, бѣдная Тамара;
Слеза катится, за слезой,
Грудь высоко и трудно дышетъ...
И вотъ она какъ-будто слышетъ
Волшебный голосъ надъ собой:
„Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласный

Живой росой не упадетъ;
Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Ланиты дѣвственныя жжетъ!
Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей:
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что́ жизни мелочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ! жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля, и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ, безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,

Имъ прошедшаго не жаль,
Въ день томительный несчастья
Ты объ нихъ лишь вспомяни;
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ,
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ, —
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотыя навѣвать..."

XVI.

Слова умолкли; въ отдаленьи,
Во слѣдъ за звукомъ умеръ звукъ;
Она вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье
Въ ея груди; печаль, испугъ,
Восторга пылъ — ничто въ сравненьи;
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ, чудно новый,
Ей мнилось, всё еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смыкалъ;
Но мысль ея онъ возмущалъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью,
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на неё смотрѣлъ,
Какъ-будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей

Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ, — о нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!...

Часть вторая.

I.

„Отецъ, отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани...
Я плачу. Видишь эти слезы?
Уже не первыя они.
Не буду я ни чьей женою —
Скажи моимъ ты женихамъ:
Супругъ мой взятъ сырой землею —
Другому сердца не отдамъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой,
Меня тревожитъ духъ лукавый
Неотразимой мечтой;

Въ тиши ночной меня тревожитъ
Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ;
Молиться днемъ душа не можетъ:
Мысль далеко отъ звука словъ,
Огонъ по жиламъ пробѣгаетъ...
Я сохну, вяну день отъ дня.
Отецъ! душа моя страдаетъ...
Отець мой, пощади меня!
Отдай въ священную обитель
Дочь безразсудную свою:
Тамъ защититъ меня Спаситель,
Предъ нимъ тоску мою пролью
На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...
Святыни миромъ осѣня,
Пусть приметъ сумрачная келья,
Какъ гробъ, заранѣе меня."

II.

И въ монастырь уединенный
Её родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчей,
Всё беззаконною мечтой

Въ ней сердце билося какъ прежде.
Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
Въ часы божественнаго пѣнья,
Знакомая, среди моленья
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ ѳиміама
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ манилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчатливъ былъ!*)

III.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой,
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ — и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ кельи
Лампада ехимницы младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,

---

*) Варіантъ. „Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ... но куда?“

Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи съ студёною водой;*)
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески, въ ущельи,
Катились дальше, межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы
При блескѣ утренней авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая.
Въ торжественный и мирный часъ,
Когда Грузинка молодая,
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой.
Вершины цѣпи снѣговой

*) Варіантъ „Волной.“

Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались,
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ, всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но Демонъ огненнымъ дыханьемъ
Тамары душу запятналъ,
И Божій міръ своимъ блистаньемъ
Восторга въ ней не пробуждалъ.
Страсть безотчетная, какъ тѣнью,
Жизнь оцѣпила передъ ней;
И стало всё предлогъ мученью,
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьи упадетъ
И плачетъ; и въ ночномъ мольчаньи
Ея тяжелое рыданье,
Тревожитъ путника вниманье,
И трель живую соловья,

Сквозь шумъ далекаго ручья.
Порою разбросавъ на плечи*)
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна,
И страстныя лепечутъ рѣчи
Ея дрожащія уста.
Желанье грудь ея волнуетъ,
И чудный призракъ ей рисуетъ
Предъ нею въ сумракѣ мечта!

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ,
И смотритъ въ даль прелестнымъ окомъ,**)
И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
Ей кто-то шепчетъ: „онъ придетъ!“
Не даромъ сны её ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.

---

*) Варіантъ. „Порою разбросавъ на плечи
Волну шелковую кудрей,
Лепечетъ сладостные рѣчи“. и. т. д.

**) „прилежнымъ окомъ,“

Ужъ много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святымъ захочетъ помолиться,
А сердце молится ему.
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна,
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вдругъ вскочивъ, дрожитъ она:
Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи,
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ....

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѣлъ.
Привычкѣ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ;
Но долго, долго онъ не смѣлъ
Святыно мирнаго пріюта
Нарушить. И была минута,
Когда, казалось, онъ готовъ*)
Оставить умыселъ жестокій;
Задумчивъ у стѣны высокой

*) Варіантъ „Когда, касалось, былъ готовъ
Онъ бросить замыселъ жестокій."

Онъ бродитъ; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ.
Онъ поднялъ взоръ; ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого-то ждетъ она давно.
И вотъ, средь общаго молчанья,
Чингуры стройное брянцанье
И звуки пѣсни раздались.
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не ангелъ-ли съ забытымъ другомъ
Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его мученье?...
Тоску любви, ея волненье,
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться,
Его крыло не шевелится,
И, чудо! изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...
По нынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный видѣнъ камень

Слезою жаркою, какъ пламень,
Не человѣческой слезой!

VIII.

И входитъ онъ любить готовый,
Съ душой открытой для добра,
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье...
Онъ входитъ; смотритъ, передъ нимъ
Посланникъ рая — херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага, съ улыбкой ясной,
Пріосѣнилъ её крыломъ...
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ.

IX.

„Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во мглѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
Зло не дышало здѣсь по нынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!
Кто звалъ тебя?“... Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно улыбнулся;
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Стариной ненависти ядъ.
„Она моя,“ сказалъ онъ грозно,
Оставь её, она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно,
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце полное гордыни
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни!
Зтѣсь я владѣю, я люблю!!...“
И Ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ,
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эфирѣ неба потонулъ...

X.

Тамара.

О кто ты? рѣчь твоя ужасна!*)
Тебя послалъ мнѣ адъ, иль рай?
Чего ты хочешъ?

Демонъ.

Ты прекрасна!

Тамара.

Но молви, кто-жъ ты?... отвѣчай!**)

Демонъ.

Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгоняла,
Чей образъ видѣла во снѣ.
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда разцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;

---

*) Опасна.

**) Но кто ты, кто ты?... отвѣчай!

Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ;
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы;
И видишъ — я у ногъ твоихъ!!...
Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня къ добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ;
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
Какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ!
О! только выслушай, молю,
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Когда я въ первый разъ увидѣлъ*)

---

*) Варіантъ „Лишь только я тебя увидѣлъ,
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою.
Своею властью недоволный,
Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной;
Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
И страшно розно жить съ тобой.
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ надежды
Опять засвѣтился свѣтлѣй."

Твой чудный, твой волшебный взоръ,
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Мою свободу, какъ позоръ.
Своею властью недовольный,
Я позавидовалъ невольно
Неполнымъ радостямъ людей;
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный
Опять затеплился живѣй,
И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилася, какъ змѣй.
Что́ безъ тебя теперъ мнѣ вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность? —
Пустыя свучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

Тамара.

Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю я врагу.
Творецъ!... увы, я не могу.
Молиться; гибельной отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ. —
Послушай, ты меня погубишь,
Твои слова огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

Демонъ.

Зачѣмъ, красавица? увы!
Не знаю; полонъ жизни новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,
Я все былое бросилъ въ прахъ;
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты —
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты!
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатленъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эфира;
Давно, тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало.
Во дни блаженства мнѣ въ раю
Одной тебя не доставало!
О! еслибъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь влачить безъ раздѣленья,
И наслаждаться, и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья!
Жить для себя, скучать собой

И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья;
Всегда желать, и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Всё противъ воли ненавидѣть
И всё на свѣтѣ*) призирать!
Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось, съ того же дня
Природы жаркія объятья
На вѣкъ остыли для меня...
Синѣло предо мной пространство,
Я видѣлъ брачное убранство
Свѣтилъ, знакомыхъ мнѣ давно;
Они текли въ вѣнцахъ изъ злата,
И что же! прежняго собрата
Не узнавало ни одно!...
Изгнанниковъ себѣ подобныхъ
Я звать въ отчаяніи сталъ;
Но словъ, и лицъ, и взоровъ злобныхъ,
Увы, я самъ не узналъ.
И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами,
Помчался. Но куда? Зачѣмъ? —
Не знаю. Прежними друзьями
Я былъ отверженъ; какъ эдемъ

*) Варіантъ „Все безпощадно призирать."

Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
По вольной прихоти теченья
Какъ поврежденная ладья,
Безъ парусовъ и безъ руля
Плыветъ, не зная назначенья;
Такъ ранней утренней порой
Отрывокъ, тучи громовой,
Въ лазурной вышинѣ*) чернѣя,
Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
Летитъ безъ цѣли и слѣда,
Богъ вѣстъ, откуда и куда!
И я людьми не долго правилъ,
Грѣху не долго ихъ училъ,
Всё благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ —
Не долго. Пламень чистой вѣры
Легко навѣкъ я залилъ въ нихъ.
А стоили-ль трудовъ моихъ
Одни глупцы и лицемѣры?...
И скрылся я въ ущельяхъ горъ
И сталъ бродить, какъ метеоръ,
Во мракѣ полночи глубокой.
И мчался-ль путникъ одинокой
Обманутъ близкимъ огонькомъ

*) Вариантъ „синевъ."

И въ бездну падаетъ съ конемъ,
Напрасно звалъ... и слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ...
Но злобы мрачныя забавы
Не долго нравилися мнѣ.

Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ, межъ небомъ и землей,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ я мрачный и нѣмой.
И бѣлогривыя мятели,
Какъ львы, у ногъ моихъ ревѣли.
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Какъ часто подымая прахъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Я шумно мчался въ облакахъ;
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть!
Что́ повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій?
Что́ люди? Что́ ихъ жизнь и трудъ?

Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ;
Простить онъ можетъ, хоть осудитъ;
Моя-жъ печаль безсмѣнно тутъ,
И ей какъ мнѣ конца, не будетъ,
И не вздремнуть въ могилѣ ей!
Она, то ластится, какъ змѣй,
То, жжетъ и блещетъ, будто пламень,
То давитъ мысль мою, какъ камень:
Мечтаній прежнихъ*) и страстей
Несокрушимый мавзолей!

Тамара.

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ.....

Демонъ.

Противъ тебя ли?

Тамара.

Насъ могутъ слышать!

Демонъ.

Мы одни.

Тамара.

А Богъ!

---

*) Варіантъ „Надеждъ погибшихъ."

Демонъ.

На насъ не кинетъ взгляда;
Онъ занятъ небомъ, не землей!

Тамара.

А наказанье, муки ада?

Демонъ.

Такъ чтожъ? ты будешь тамъ со мной!

Тамара.

Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ случайный,
Покой на вѣки погубя,
Невольно, я, съ отрадой тайной,
Страдалецъ, слушаю тебя.
Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты обманъ тая...
О! пощади... какая слава!
На что тебѣ душа моя?
Ужели, я тебѣ, дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже;
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Не смято смертною рукой!...
Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
Скажи! ты видишь, я тоскую,
Ты видишъ женскія мечты!
Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...

Но ты все понялъ, ты все знаешь,
И сжалишся, конечно, ты?
Клянися мнѣ... отъ злыхъ желаній *)
Отрѣчься нынѣ дай обѣтъ!
Уже-ль, ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?

Демонъ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ,
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой,
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грядущею разлукой,
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братьевъ мнѣ подвластныхъ,
Слезами **) ангеловъ безстрастныхъ,
Моихъ недремлющихъ враговъ,
Клянуся небомъ я и адомъ,
Землей, святыней и тобой,
Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,

---

*) Варіантъ. „Клянися ты, отъ злыхъ стязаній."
**) „Мечтами."

Твоею первою слезой,
Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шелковыхъ кудрей,
Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовію моей —
Отрѣкся я отъ старой мести,
Отрѣкся я отъ гордыхъ думъ;
Отъ нынѣ ядъ коварной лести
Ни чей ужъ не встревожитъ умъ!
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня,
И міръ въ невѣденьи спокойномъ
Пустъ доцвѣтаетъ безъ меня.
О, вѣрь мнѣ! я одинъ по нынѣ
Тебя постигъ и оцѣнилъ.
Избравъ тебя моей святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ;
Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ.
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ!
Тебя, я, вольный сынъ эфира,

Возьму въ надзвѣздныя края,
И будешь ты царицей міра
Подруга вѣчная*) моя.
Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты;
Гдѣ преступленья лишь, да казни,
Гдѣ страсти пылкой горько жить;**)
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни,
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое,
Но дни бѣгутъ и стынетъ кровь.
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
И своенравія мечты?***)
И пусть другіе-бъ утѣшались

---

*) Варіантъ „первая."

**) „Гдѣ страсть подъ маской только жить."

***) „Нѣтъ, ни тебѣ, мосй подругѣ,
Узнай, назначено судьбой
Увянутъ молча, въ тѣсномъ кругѣ,
Ревнивой грубости рабой, —

Ничтожнымъ жребіемъ своимъ:
Ихъ души неба не касались,
Міръ лучшій недоступенъ имъ,
Но ты прекрасное созданье
Не въ жертву имъ обрѣчена:
Тебя иное ждетъ страданье,
Иныхъ восторговъ глубина!
Оставь же прежнія желанья
И жалкій свѣтъ его судьбѣ.
Пучину гордаго познанья
Взамѣнъ открою я тебѣ;
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ,
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ*)
Тебѣ, красавица, я дамъ,

Средь малодушныхъ и холодныхъ
Друзей притворныхъ и враговъ,
Боязни и надеждъ безплодныхъ,
Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ.
Печально за стеной вѣсокой
Ты не угаснешь, безъ страстей
Среди молитвъ — равно далекихъ,
Отъ Божества и отъ людей.
О нѣтъ, прекрасное созданье!
Къ иному ты присуждена.“

*) Варіантъ „Толпу духовъ моихъ послушныхъ
Я приведу къ твоихъ стопамъ,
Прислужницъ легкихъ и воздушныхъ“ и. т. д.

И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой;
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучемъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой обовью,
И яркій перстень изъ агата
Надѣну на руку твою;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою;
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное...
Люби меня!.....

XI.

И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ,
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи,
Онъ жегъ её во мракѣ ночи;

Надъ нею прямо онъ сверкалъ
Неотразимый, какъ кинжалъ.
Увы, злой духъ торжествовалъ!
Смертелный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ грудь ея проникъ
Мучительный, но слабый*) крикъ
Ночное возмутилъ молчанье;
Въ немъ было всё: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой
И безнадежное прощанье,
Прощанье съ жизнью молодой.....

XII.

Въ то время сторожъ полуночный
Одинъ вокругъ стѣны крутой
Когда ударилъ часъ урочный,**)
Бродилъ съ чугунною доской;
И подъ окошкомъ дѣвы юной***)
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,

---

*) Варіантъ „ужасный.“
**) „Свершая тихо путь урочный.“
***) „И возли кельи дѣвы юной.“

Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Чуть внятный*) крикъ и слабый стонъ.
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ душу старика.
Но пронеслось еще мгновенье —
И смолкло все. Издалека
Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святаго
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ наважденье духа злаго
Отъ грѣшной мысли отогнать.
Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.

XIII.

Какъ Пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала;
Бѣлѣй и чище покрывала

---

*) Варіантъ „Минутный крикъ....."

Былъ томный цвѣтъ ея чела;
На вѣкъ опущены рѣсницы...
Но кто-бъ, взглянувши, не сказалъ,
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ,
И, чудный, только ожидалъ
Иль поцѣлуя, иль денницы?
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой;
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родные цѣловали —
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать.
И все, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила, —
Теперь одинъ ничтожный прахъ.
Улыбка страстная*) застыла
Едва мелькнувши на устахъ;
Но теменъ, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что въ ней? — пасмѣшка-ль надъ судьбой,
Непобѣдимое-ль сомнѣнье,**)
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ небомъ гордая вражда, —

---

*) Варіантъ „странная.“

**) „неотразимое.“

Какъ знать? Для свѣта, навсегда
Утрачено ея значенье!
Она невольно манитъ взоръ,
Какъ древней надписи узоръ,
Гдѣ, можетъ быть, подъ буквой странной
Таится повѣсть древнихъ лѣтъ,
Символъ премудрости туманной,
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ...
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ ангелъ разрушенья;
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждый выраженья,
Лишенный чувства и ума,
Таинственный, какъ смерть сама.
Ни разу не былъ въ дни веселья,
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ.
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И, сжаты мертвою рукой,
Какъ-бы прощаются съ землей.
И ничего въ ея лицѣ, —
Не намѣкало о концѣ,
Въ пылу страстей и упоенья;

Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ея устамъ;
О многомъ грустномъ говорила
Она внимательнымъ глазамъ:
Въ ней было хладное презрѣнье
Души готовой отцвѣсти,
Послѣдней мысли выраженье,
Землѣ беззвучное — прости,
Напрасный отблескъ жизни прежней;
Она была еще мертвѣй,
Еще для сердца безнадежнѣй
На вѣкъ угаснувшихъ очей,
Такъ въ часъ торжественный заката,
Когда, растая въ морѣ злата,
Ужъ скрылась колесница дня,
Снѣга кавказа, на мгновенье
Отливъ румяный сохраня,
Сіяютъ въ темномъ отдаленьи;
Но этотъ лучъ полуживой
Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
И путь ни чей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной.

XIV.

Ужъ собрались въ печальный путь*)
Друзья, сосѣди и родные.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня —
И поѣздъ тронулся.**) Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться:
Межь старыхъ дѣдовскихъ костей
Пріютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель путниковъ и сёлъ,
Когда болѣзнь его сковала
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье
Построить церковь обѣщалъ
На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ, —

---

*) По другой рукописи:

Толпой, сосѣди и родные
Ужъ собрались въ печальный путь
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь, и. т. д.

**) Варіантъ „двинулся.“

И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злаго человѣка
Вновь успокоилися тамъ;
И превратилася въ кладбище
Скала родная облакамъ:
Какъ-будто ближе къ небесамъ,
Теплѣй посмертное*) жилище!
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится.
Напрасно! Мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прошлыхъ дней.

XV.

Едва на жесткую постель
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи горы обложили
И разыгралася мятель.
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ замѣтала
Недавно ввѣренный ей прахъ.
И только за скалой сосѣдней
Утихъ моленья гласъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ, —

*) Варіантъ послѣднее“

Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился Ангелъ легкокрылый,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы младой;
И въ тоже время царь порока.
Туда примчался, съ быстротой
Въ снѣгахъ рожденнаго потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась;
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя.
Когда-жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Всё, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ;
И взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

На склонѣ каменной горы
Надъ Кайшаурскою долиной
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной;
Расказовъ страшныхъ для дѣтей
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,

Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ;
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, и караваны
Идутъ, звѣня,*) издалека;
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслужившій
Когда-то очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы,
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;

*) Варіантъ „гремя“

Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совьётся въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ грозныхъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою...
— Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ; рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!...
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межь тучъ еще понынѣ;
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады

Съ уступовъ будто водопады,
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ;
И тамъ мятель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока облака однѣ
Спѣшатъ толпой на поклоненье.
И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли,
На рубежѣ зубчатыхъ льдовъ,
Гуляютъ нынѣ лишь мятели
Да стаи вольныхъ облаковъ...
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ!
Скала угрюмая Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.

V.

(по другой рукописи.)

Но полно думою преступной,
Томары сердце недоступно

Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью,
И утра лучь и мракъ ночей!
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Передъ божественной иконой,
Она въ безумьи упадетъ
И плачетъ... и въ ночномъ молчаньи
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье;
И мыслитъ онъ: то черный духъ,
Прикованный къ пещерѣ стонетъ,
И чутко напрягая слухъ,
Коня измученнаго гонитъ.

XV.

(по другой рукописи.)

Въ пространствѣ синяго эфира,
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ,
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,

И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносилися, какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ.
Онъ былъ могучъ, какъ ветеръ шумный,
Блисталъ, какъ молніи струя,
И гордо въ дерзости безумной
Онъ говоритъ: „она моя!“
Молитвой ужасъ заглуша,
Къ груди хранителя прижалась
Тамары грѣшная душа;
Судьба грядущаго рѣшалась —
Предъ нею снова онъ стоялъ;
Но Боже! ктобъ его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, незнающей конца,
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.
„Исчезни мрачный духъ сомнѣнья,“ —
Посланникъ неба отвѣчалъ, —
„Довольно ты торжествовалъ;
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо божіе рѣшенье.

Дни испытанія прошли;
Съ одеждой бренною земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай: давно её мы ждали;
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ.
Творецъ изъ лучшаго эфира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ.
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои,
Она страдала и любила,
И рай открылся для любви."
И Ангелъ строгими очами
На искусителя взглянулъ,
И радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяньи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви.

Посвященіе.

Я кончилъ, — и въ груди невольное сомнѣнье:*)
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ, —
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье, —
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ?

Пробудится-ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты — только мертваго, пустаго одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать, —

И не узнаешь здѣсь простаго выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей много лѣтъ,
И пріймешь за игру, иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ?...

---

*) Варіантъ „Я кончилъ и въ груди больной
Невольное родилося самнѣнье.

Другое посвященіе къ поэмѣ „Демонъ.“*)

Прими мой даръ, моя Мадона!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.

Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего:
Ты не способна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того!

Скажу ли? — преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбѣ,

---

*) Это стихотвореніе доставлено Н. И. Шаповаловымъ въ журналъ „Москвитянимъ“ съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: Имѣвши случай достать экземпляръ „Демона“ писанный рукою самаго автора, я нашелъ тамъ прилагаемое у сего Посвященіе. Долгомъ считаю прибавить, что рукапись отмѣчена 1831 годомъ и заключаетъ въ себѣ списокъ поэмы въ ея первоначальномъ видѣ.

Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я — тебѣ.

Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ;
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.

Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ наслажденій
И для надеждъ, и для небесъ.

(См. Москвитянинъ, 1855г. N. 6, мартъ, книга вторая стр. 186.)

Тамара.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный
Какъ демонъ — коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ почной.

И слышался голосъ Тамары:
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворяются двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ.
И странные, дикіе звуки
Всю ночь раздавлися тамъ.

Какъ-будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и жёнъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.

Но только-что утра сіянье
Кидало свой лучь по горамъ:
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарилися тамъ.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя нарушалъ тишину:
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: „прости!“

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ...

1841.

На смерть Пушкина.

Отмщенье, государъ, отмщенье,
Паду къ ногамъ твоимъ, —
Будь справедливъ и накажи убійцу, —
Чтобъ казнь его въ позднѣйшія вѣка.
Твой правый судъ потомству восвѣстилъ,
Чтобъ видѣли злодеи въ немъ примѣръ.
(Изъ неизданной трагедіи Вяземскаго.)

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ,
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде — и убитъ!
Убитъ!... къ чему теперь рыданья?
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ состраданья?
Судьбы свершился приговоръ!

Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ,
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ!...
Чтожъ? — веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ,
Угасъ, какъ свѣточь, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ — спасенья нѣтъ,*)
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ.
И что за диво! изъ далека,
Подобный сотнямъ бѣглецовъ
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Чужой земли языкъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку поднималъ!
И онъ погибъ, — и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,

*) Варіантъ „Навелъ ударъ, надежды нѣтъ."

Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,*)
Сраженный какъ и онъ безжалостной рукой.
За чѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый, и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнокъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него,
И иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ..
Замолкли звуки дивныхъ пѣсень
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать.

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,

*) Варіантъ „Воспѣтый имъ съ такою страстной силой.“

Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ,
Вы жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы; генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона
Предъ вами судъ и правда — все молчи;
Но есть и божій судъ, наперстники разврата!
Есть грозный судъ, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата
И мысли и дѣла онъ знаетъ наперед.
Напрасно вы тогда прибѣгнете къ злословью,
Оно вамъ непоможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

М. Ю. Лермонтовъ.

Москва 1846г. Марта.

Когда колокола торжественно звучатъ,
Иль ухо чуткое услышитъ звонъ ихъ дальній,
Невольно думою печальною объятъ,
Какъ будто пѣсни погребальной
Веселымъ звукамъ ихъ внимаю грустно я,
И тайнымъ ропотомъ полна душа моя.

Преданье-ль темное тайникъ взволнуетъ груди,
Иль точно въ звукахъ тѣхъ таится звукъ иной,
Но мнится, колоколъ я слышу вечевой,
Разбитый можетъ быть, на тысячи орудій,
Властямъ когда-то роковой.

Да, умеръ онъ, давно замолкъ языкъ народа,
Склонившаго главу подъ тяжкій царскій кнутъ;
Но встанетъ грозный день, но воззоветъ свобода,
И камни вопли издадутъ

И расточенный прахъ и кости исполина
Совокупитъ опять духъ божій во едино.

И звучнымъ голосомъ онъ снова загудитъ
И въ оный судный день, въ расплаты день кровавый
Въ немъ новгородская душа заговоритъ
Московской рѣчью величавой...
И весело тогда на башняхъ и стѣпяхъ
Народной вольности завѣетъ красный стягъ...

Того-же.

Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ
Нетерпѣливо ждать въ передней,
Ни ѣсть за княжескимъ столомъ,
Ни съ умиленьемъ слушать бредни.

Нѣтъ, не рожденъ я быть рабомъ,
Мнѣ даже въ церкви за обѣдней
Бываетъ скверно, коюсь въ томъ
Прослушать августѣйшій домъ,

И то, что чувствовалъ Маратъ,
Порой способенъ понимать я,
И будь самъ Богъ аристократъ,
Ему-бъ я гордо пѣлъ проклятья...
Но на крестѣ распятый Богъ
Былъ сынъ толпы и демагогъ.

Насильный бракъ.

Старый баронъ.

Сбирайтесь слуги и вассалы
На кроткій господина зовъ,
Судите, не боясь опалы,
Я правду выслушать готовъ.
Судите споръ, вамъ всѣмъ знакомый.
Хотя могучь и славенъ я,
Хотя всесильнымъ чтутъ меня,
Не властенъ у себя я дома.
Все непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена...

Ее я призрѣлъ сиротою
И раззоренной взялъ ее,
И далъ съ державною рукою
Ей покровительство мое?
Одѣлъ её парчой и златомъ
Не смѣтной стражей окружилъ

И врагъ её чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ,...
Но не довольна и грустна
Не благодарная жена.

Я знаю, жалобой, навѣтомъ,
Она вездѣ меня клеймитъ,
Я знаю, передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровь и щитъ,
И косо смотритъ изъ-подлобья,
И повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни... точитъ ножъ...
Вздуваетъ огнь междоусобья;
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена!

И торжествуя и довольны
Враги мои на насъ глядятъ,
И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный
И суетной гордынѣ льстятъ.
Совѣтъ мнѣ дайте благотворный,
Судите, кто межъ нами правъ?
Языкъ мой строгъ, но не лукавъ,
Теперь внемлите непокорной
Пусть защищается она,
Мнѣ непокорная жена.

Жена.

Раба-ли я или подруга,
То знаетъ Богъ... я-ль избрала
Себѣ жестокаго супруга,
Сама-ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый,
Я предана... я продана,
Я узница, а не жена.

Напрасно иго роковое
Властитель мнитъ озолотить,
Напрасно мщенье мнѣ святое
Въ любовь онъ хочетъ превратить;
Не нужны мнѣ его щедроты,
Его я стражи не хочу!...
Сама сторонныхъ научу
Платить мнѣ мирно долгъ почета;
Лишь имъ однимъ унижена,
Я врагъ ему, а не жена.

Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,

Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ.
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Старинным именемъ моимъ —
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться;
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена.

Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье,
Всѣхъ вѣрныхъ лучшихъ слугъ моихъ;
Меня-же предалъ притѣсненью
Рабовъ, лазутчиковъ своихъ.
Позоръ гоненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ,
И мнѣ-ль ропотъ запрещенъ?
Еще-ль терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ ее должна
Насильно взятая жена?

Изъ Апостола Іоанна.

Когда пустынникъ Іоаннъ
Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой
Пришелъ крестить на Іорданъ
Воимя истиннаго Бога,
Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
Бѣжалъ, ища съ Пророкомъ встрѣчи,
И былъ глубоко пораженъ
Святою жизнію Предтечи;
Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
Во власяницу облекался,
Подъ изголовье камень клалъ,
Одной акридою питался...
И фарисеи — для того
Чтобъ потушить восторгъ народный —
Твердили всюду про него
Съ усмѣшкой дерзкой и холодной.
Не вѣрьте! видано-ль во вѣкъ,
Чтобъ кто-нибудь какъ онъ постился?
Нѣтъ, это лживый человѣкъ,

Въ немъ бѣсъ лукавый поселился!...
Но вотъ Крестителю во слѣдъ
Явился къ людямъ самъ Мессія,
Обѣтованный много лѣтъ
Черезъ пророчества святыя;
Сойдя съ небесъ спасти людей.
Къ завѣтной цѣли шелъ онъ прямо,
Во лжи корилъ учителей
И выгналъ торжниковъ изъ храма.
Онъ словомъ вѣру зажигалъ
Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
И воскрешалъ изъ гроба мертвыхъ
Незримыхъ язвъ духовный врачь,
Онъ небылъ глухъ къ мольбамъ злодѣя,
Услышанъ имъ Маріи плачъ
И вопль раскаянья Заклея...
И что-жъ? На площади опять
Учители и Фарисеи
Пришли Израиля смущать
И зашипѣли словно змѣи:
„Бѣгите ложнаго Христа!
„Пусть онъ слова теряетъ праздно,
„Его крамольныя уста
„Полны раздора и соблазна.
„И какъ взгляните, онъ живетъ?

„Мірскимъ весь преданный заботамъ,
„Онъ ѣсть, онъ бражничаетъ, пьетъ
„И исцѣляетъ по субботамъ.
„Онъ кинулъ камень въ божество,
„Законъ отвергнулъ Моисеевъ
„И кто межъ насъ друзья его,
„Окромѣ блудницъ и злодѣевъ?“

1849.

Московскому Генералъ-Губернатору.

Ты не молодъ, не глупъ, и ты не безъ души,
Зачѣмъ-же въ городѣ и толки, и волненья?
Зачѣмъ-же роль играть россійскаго паши,
И объявлять Москву въ осадномъ положеньи?
Вѣдь нами управлять ты могъ на старый ладъ,
Не тратя времени въ безсмысленной работѣ,
Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ
И вѣрноподданно гніемъ въ своемъ болотѣ.
Какой-же думаешь ты учредить законъ,
Какіе новые установить порядки?
Ужъ не мечтаешь-ли, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ перевести иль посягнуть на взятки?
За это не берись; остынетъ гордый пылъ
И сокрушится власть подобно хрупкой стали;
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ,
Вѣдь это съ молокомъ мы матери всосали.

Но лишь за то скажу спасибо я теперь,
Что кучеръ Беринга не мчится своевольно,
И не реветъ ужъ какъ разъяренный звѣрь
По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной,
Что Берингъ самъ позналъ величія предѣлъ;
Окутанный въ шинель ужъ онъ съ отвагой дикой
На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ
Несомый бурею на лодкѣ Петръ великой.

Русскій Богъ.

Богъ ухабовъ, Богъ мятелей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ ночлеговъ безъ постелей
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Богъ холодныхъ, Богъ голодныхъ,
Нищихъ вдоль и поперегъ,
Богъ имѣній боздоходныхъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Богъ пришельцевъ, иноземцевъ,
Перешедшихъ нашъ порогъ,
Богъ въ особенности Нѣмцевъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Богъ всѣхъ съ Анною на шеѣ,
Богъ лакеевъ безъ сапогъ,

Баръ служащихъ какъ лакеи,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Къ глупымъ полонъ благодати,
Къ умнымъ черезъ мѣру строгъ,
Богъ всего что есть не кстати,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскіи Богъ.

Пророчество.

Пусть преклоняются предъ палкою народы!
Пусть попранъ и презрѣнъ законъ!
Пусть равенство, и братство, и свободу
Считаютъ за нелѣпый сонъ!
Безсмертна истина! не поколеблютъ люди
Ея несокрушимый храмъ;
Ея огонь зажжетъ опять ихъ груди
И поселится тамъ...
Кто передъ истиной колѣна преклоняетъ,
Кто вѣритъ въ Бога своего,
Тотъ безъ завѣсъ грядущее читаетъ
И людямъ возвѣститъ его...

Какъ злые коршуны надъ пищею кровавой
Сидѣли надъ своей добычею цари.
И власть была свята; развратъ былъ ихъ забавой;
Народъ страдалъ, молчалъ, и ждалъ своей зари.

И вотъ она взошла: и бури взволновали
Дремавшій издавна народовъ океанъ;
Престолы рухнули, и кровью искупляли
Тогда цари земли свой вѣковой обманъ.
Но утомилися народы отъ волненій:
Напитокъ равенства хмѣленъ былъ для дѣтей.
Міръ задремалъ: надъ нимъ вознесся деспотъ-геній;
Онъ палъ, и сонный міръ сталъ вновь рабомъ царей.
И много лѣтъ прошло. И снова кличъ свободы
Отъ Сены береговъ пронесся черезъ свѣтъ,
И встали мощные предъ тронами народы
Грозя царямъ бѣдой и требуя отчетъ.
Монархи, трепеща на ненадежномъ тронѣ,
Для усмиренія разгнѣванныхъ судей
Бросали имъ права, министровъ и короны,
Блюсти во вѣкъ законъ клялись душой своей.
Но деспотъ сѣвера склонился къ ихъ моленью;
Тяжелый бросилъ мечь онъ на вѣсы судьбы.
„Оставте“ онъ сказалъ „мечту освобожденья:
Царямъ — отъ Бога власть; народы — ихъ рабы!“
Возстали всѣ цари по слову властелина:
Толпа слугъ-воиновъ ихъ окружила тронъ,
Забывши для наградъ призванье гражданина,
И повторили всѣ: „свобода — это сонъ!“
Какъ хитрый жидъ-торгашъ, какъ ябедникъ-подъ-

ячій

Цари нарушили священный договоръ,
Отъ слова отреклись, надъ клятвою горячей
Смѣялись, и права вонъ вымели какъ соръ...
И самый тотъ народъ, свободы проповѣдникъ,
Забылъ свои права, призванью измѣнилъ;
Безславный — имени великаго наслѣдникъ,
Постыдное ярмо на гражданъ наложилъ.
Страхъ подлый обуялъ, оцепенилъ народы
И безпрепятственно нарушенъ былъ законъ...
„Изгнаніе и смерть защитникамъ свободы!“
И повторили всѣ: „свобода — это сонъ!“

Нѣтъ! отгоните прочь коварное сомнѣнье,
Не вѣрьте слугамъ зла, невѣжества и тьмы!
То не мечта, за что страдали поколѣнья,
Къ чему стремилися великіе умы...
Ударитъ часъ: придетъ неправды наказанье;
Придетъ для всей земли желанная пора;
Стократною цѣной искупятся страданья:
Настанетъ торжество свободы и добра...
А вы, цари земли! вы пастыри народа!
Падучею звѣздой промчится ваша власть,
И вамъ проклятіе предетъ изъ рода въ роды!
Спѣшите выситься, чтобы страшнѣй упасть!
Готовьтесь! скоро васъ настигнетъ наказанье:
Придутъ къ вамъ мстители потребовать отвѣтъ,

И не помогутъ вамъ пустыя обѣщанья:
Клятвопреступникамъ ужъ не повѣритъ свѣтъ...
Да грянетъ вѣчное, тяжелое проклятье
Свободы хищникамъ, Европы королямъ!
Забыли вы свой долгъ, и то что люди братья:
Вы беззаконные цари — проклятье вамъ!
И ты, сынъ случая, избранникъ милліоновъ,
Воздвигшій власть свою по трусости людей,
Измѣнникъ Франціи, присягѣ, врагъ законовъ!
Потомсто изрѣчетъ стыдъ памяти твоей!
И вѣчный стыдъ всѣмъ тѣмъ, которые кручину
Отчизны въ страшный часъ, смѣясь, пренебрегли,
Присягу воина — присягѣ гражданина,
Приказъ начальника — закону предпочли!
Стыдъ вѣчный воинамъ — опорамъ самовластья!
Стыдъ вѣчный знамени отечества бичей!
Убійцамъ братій стыдъ, безъ мысли и безъ страсти
Провозгласившимъ власть свободы палачей!...

И ты, одинъ изъ всѣхъ не дрогнувшій понынѣ,
Полміра властелинъ, самодержавный царь!
Для подданныхъ твоихъ, твои слова — святыня,
Желаніе — законъ, и твой престолъ — алтарь.
Внѣ правъ твоихъ — нѣтъ правъ; ты выше всѣхъ законовъ;
Безпрекословною, безсмысленной толпой

Разноплеменные десятки милiоновъ
Во прахѣ ногъ твоихъ лежатъ передъ тобой.
Монархамъ Запада ты подаешь совѣты;
На сонмѣ королей Европы ты глава;
Стоокою толпой стоятъ твои клевреты,
Въ народѣ сторожа и мысли и слова...
И вѣришь ты въ свое божественное право:
Ты вѣришь что престолъ твой непоколебимъ,
Что какъ утесъ средь бурь стоитъ твоя держава,
Что ввѣкъ твои слава законъ рабамъ твоимъ.
Но и для нихъ придетъ пора освобожденья
Когда лучь истины проникнетъ ихъ умы:
Не вѣченъ будетъ сонъ; настанетъ пробужденье,
И устыдится Русь невѣжественной тьмы,
Признаетъ русскiй царь народныя права,
Къ гражданской доблести воскреснутъ поколѣнья,
Свободно потекутъ и мысли и слова.
Молись, чтобы тогда не выстрадали внуки
За все величiе, за всѣ твои дѣла!
Молись, чтобы безъ слезъ, безъ крови и безъ муки
Освобожденiя минута перешла!
Молись, чтобъ лучь одинъ теперешней святыни
Въ печальный часъ твоихъ потомковъ осѣнилъ!
Чтобы грѣхи отца не наказались въ сынѣ!
Молись, чтобы тебя народъ твой позабылъ!

Когда надъ обществомъ господствуетъ порокъ
Въ годину злую испытанья,
Встаетъ среди людей восторженный пророкъ;
Чтобъ братьямъ облегчитъ страданья,
Спокойно будушность указываетъ онъ:
Пусть мчатся годы за годами
Пусть торжествуетъ зло, — божественный законъ
Вновь воцарится надъ умами.
Не сомнѣвайтеся, отчаяніе грѣхъ!
Постигнутъ кары святотатство —
И будетъ лишь одинъ тогда законъ для всѣхъ:
Свобода, равенство и братство!

(Января, 1852.)

Русскому народу.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Хомяковъ.

„Меня поставилъ Богъ надъ русскою землею,
Сказалъ намъ русскій царь.
Во имя Божіе склонитесь предо мною,
Мой тронъ — Его алтарь.
Для русскихъ не нужны заботы гражданина —
Я думаю за васъ;
Усните: сторожитъ глазъ зоркій властелина
Россію всякій часъ.
Мой умъ васъ оградитъ отъ чуждыхъ нападеній,
Отъ внутренняго зла;
Пусть ваша жизнь вдали заботъ въ смиреньи,
Спокойна и свѣтла.
Совѣты не нужны помазаннику Бога:
Мнѣ Онъ даетъ совѣтъ;
Народъ идетъ за мной невидимой дорогой,
Одинъ я вижу свѣтъ.

Гордитесь, русскіе, быть царскими рабами:
Законъ вамъ — мыслъ моя;
Отечество вамъ — флагъ надъ царскими дворцами;
Россія — это я."

Мы долго вѣрили: въ грязи восточной лѣни
И мелкой суеты
Покорно цѣловалъ рядъ русскихъ поколѣній
Прахъ царственной пяты.
Бездѣйствіе ума надъ нами тяготѣло:
За грудами бумагъ,
За перепискою мы забывали дѣло
Въ присутственныхъ мѣстахъ.
Въ защиту воровства, въ защиму нерадѣнья
Мы ставили законъ;
Подъ буквою его скрывалось преступленье,
Но пунктъ былъ соблюденъ.
Своимъ директорамъ, министрамъ мы служили,
Россію пазабывъ,
Предъ ними ползали, чиновъ у нихъ просили
Крестовъ наперерывъ;
И стало воровство намъ дѣломъ обыденнымъ:
Кто могъ схватить, тотъ бралъ,
И между нами тотъ былъ болѣе почтеннымъ
Кто болѣе укралъ.

Разводъ опредѣлялъ познанье генерала,
Онъ глупъ или уменъ,
Церемоньяльный маршъ и выправка рѣшала
Чего достоинъ онъ.
Бригадный генералъ былъ лучшій губернаторъ
Искуснѣйшій стратегъ,
Отличный инженеръ, правдивѣйшій сенаторъ,
Честнѣйшій человѣкъ.
Начальникъ, низшаго права не соблюдая,
Былъ деспотъ, полубогъ,
Безсмысленный сатрапъ былъ царскій бичъ для края'
Губилъ, вредилъ гдѣ могъ.
Сталъ конюхъ цензоромъ, шутъ царскій — адмираломъ,
Клейнмихель — графомъ сталъ;
Россія роздана въ аренду обираламъ....
Чтожъ Русскій?... Русскій спалъ...

Кряхтя несъ мужичекъ какъ прежде господину
Прадѣдовскій оброкъ;
Кряхтя помѣщикъ клалъ вторую половину
Имѣнія въ залогъ;
Кряхтя, по прежну дань Русскіе платили
Подъячимъ и властямъ;
Шептались межъ собой, ворчали, говорили
Что это стыдъ и срамъ,

Что правды нѣтъ въ судѣ, что тратятъ милліоны
— Россіи кровь и потъ —
На путешествія, кіоски, павильоны,
Что плохо все идетъ;
Потомъ за ералашъ садились по полтинѣ
Косясь по сторонамъ,
Рашели хлопали, бранили Фреццолини,
Лорнировали дамъ,
И низко кланялись продажному вельможѣ,
И грызлись за чины,
И спали, жизнь свою заботой не тревожа
Отечества сыны;
Иль удалялись въ глушь прадѣдовскихъ имѣній
Въ бездѣйствіи жирѣть,
Мечтать о пирогѣ, бесѣдовать о сѣнѣ,
Животнымъ умереть...
А если кто нибудь, средь общей летаргіи,
Мечтою увлеченъ,
Ихъ призывалъ на брань за правду и Россію,
Какъ былъ бѣднякъ смѣшонъ!
Какъ ловко надъ его безумьемъ издѣвался
Чиновный фарисей!
Какъ быстро отъ него, блѣднѣя, отрѣкался
Вчерашній кругъ друзей.
И, подъ анаѳемой общественнаго мнѣнья,
Средь смрада рудниковъ

Онъ узналъ, что грѣхъ прервать оцѣпенѣнье
Тяжелый сонъ рабовъ...
И онъ былъ позабытъ. Порой лишь о безумцѣ
Шептали здѣсь и тамъ:
„Быть можетъ онъ и правъ... да, жалко вольнодумца...
Но что за дѣло намъ?“

Гордились мы однимъ: могуществомъ Россіи
Въ собраньи королей;
„Что намъ — мы думали — ихъ укоризны злыя,
Мы все таки сильнѣй.“
Когда на площади предъ царскою коляской
Шли стройные полки,
Знамена вѣяли, блестѣли грозно каски
И искрились штыки,
И надъ колоннами окрестность оглашая,
Гремѣлъ привѣтный кликъ. —
Мы вѣрили на мигъ: сильна страна родная
И русскій царь великъ.
Мы вѣрили, гордясь необозримымъ краемъ,
Милльонами штыковъ:
„Не любятъ насъ за то, что мы преобладаемъ
Надъ сонмищемъ враговъ.“
И вотъ ударилъ часъ: британскіе витіи
Пустили въ оборотъ

Народовъ ненависть давнишнюю къ Россіи
И наступилъ расчетъ...
И бросилъ Францію въ кровавый путь сраженій
Вѣнчанный интриганъ,
И стала Австрія готовиться къ измѣнѣ:
Всталъ врагъ отъ всякихъ странъ...
А мы?... смѣялись мы началу непогоды:
Мы гордо шли на бой.
„Пусть — говорили мы — безумствуютъ народы;
Силенъ нашъ край родной.
Предвидѣлъ русскій царь давно уже волненье
Все приготовилъ онъ,
И міровой борьбы ждетъ тяжкое мгновенье
Спокоенъ и силенъ."
И крѣпче прежняго сбирались мы вкругъ трона
Внимая бранный кликъ:
Давали богачи отчизнѣ милліоны,
Свой грошъ давалъ мужикъ...

И чтожъ? засталъ въ расплохъ насъ взрывъ
вражды народной;
Въ тяжелый, мрачный часъ
Объялъ посланниковъ сонъ глупости природной:
Всѣ обманули насъ.
Куда дѣвался солдатовъ милліоны?
Гдѣ былъ готовъ отпоръ?

Мы все не вѣрили, а слышались ужъ стоны
Изъ за кавказскихъ горъ;
Предѣлы русскіе война ужъ раззоряла,
Уже страдалъ народъ,
Съ креста Исакія Россія различала
Британскій гордый флотъ.
Одинъ курьеръ идти впередъ несъ приказанье,
Другой идти назадъ,
И двигались войска безъ цѣли, безъ сознанья —
То былъ ужъ не парадъ...
И было мало насъ вездѣ гдѣ врагъ являлся;
Солдатъ нашъ грудью бралъ:
Глупѣе прежняго за то распоряжался
Парадный генералъ.
Тамъ отступали мы отъ фортовъ Силистріи
Съ потерей и стыдомъ,
Здѣсь унижали мы достоинство Россіи
Предъ габсбрурскимъ орломъ;
Тутъ берегъ финскій весь былъ преданъ разграбленью;
Тамъ гордый адмиралъ —
Амфібія, герой проигранныхъ сраженій
Своей земли не зналъ;
Толпой любимчиковъ ничтожныхъ окруженный,
Онъ погубилъ нашъ флотъ,

Паркетный бонмотистъ, шутъ колкій и надменный,
Злой геній — для остротъ...
Онъ защищаетъ Крымъ, высочествамъ съ почтеньемъ
Онъ раздаетъ кресты...
А русскихъ кровь течетъ... врагъ ближе къ у-
крѣпленьямъ...
Россія! гдѣ же ты?

Проснись, мой край родной, изъѣденный ворами,
Подавленный ярмомъ,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпіонствомъ, ханжествомъ!
Отъ сна невѣжества, отъ бреда униженья,
Отъ лѣни вѣковой
Возстань и посмотри: вездѣ кипитъ движенье,
Чередъ ужъ за тобой!
Давно гнетутъ тебя наслѣдники Батыя;
Нѣтъ права для тебя...
Не въ звучномъ пѣніи торжественнаго клира
Предъ ликомъ золотымъ,
Въ живой душѣ ищи глаголъ владыки міра,
Внимай словамъ живымъ!
Встань: ты предъ идоломъ колѣна приклоняешь
Внимаешь духу лжи,

Свободный, вѣчный духъ ты рабствомъ оскверняешь...
Оковы развяжи!
Возстань свободная предъ силой беззаконной
Предъ хаосомъ властей!
Отъ неурядицы спасенье, оборону
Ищи въ душѣ своей!
Припомнимъ, Русскіе, печальную годину
Пору великихъ смутъ,
Когда бояринъ-князь по слову мѣщанина
Шелъ на кровавый судъ,
Когда Полякъ царилъ надъ матушкой Москвою,
Огромнымъ пустыремъ
Лежала наша Русь; шла челядь злой толпою
За тушинскимъ царемъ...
Но въ день безвластія просмулась Русь родная
Сознаніемъ сильна;
Живой глаголъ прошелъ отъ края и до края,
И поднялась она...
Встань на анархію чиновныхъ мандариновъ
Теперь, какъ подъ Москвой,
На крамолу бояръ, на Ляховъ и Литвиновъ
Ты шла живой стѣной!
Предъ тономъ деспота, безъ криковъ и проклятій
Предстань судьей, народъ!

За славу русскую, за кровь всѣхъ падшихъ братій
Пускай онъ дастъ отчетъ...

Скажи ему: не Богъ вознесъ тебя надъ нами;
Твой тронъ — не Божій тронъ;
Не Онъ насъ осудилъ твоими быть рабами;
Нѣтъ! рабство не законъ!
Гдѣ знаки твоего божественнаго права?
Гдѣ чудеса твои?
Гдѣ кротость голубя — свидѣтель нелукавый?
И мудрость гдѣ зміи?
Россія облекла тебя верховной властью,
Ты на землѣ былъ Богъ —
Владѣлъ ли ты собой? повелѣвалъ ли страстью?
Все-ль совершилъ что могъ?
Читаешь ли ты, царь прозрѣніемъ пророка
Въ ушахъ, въ сердцахъ людей?
Ты ненавидишь ли слугъ лести и порока?
Живешь ли для дѣтей?
Ты слушаешь ли, царь, гласъ Божій — гласъ народа?
Зовешь ли въ свой совѣтъ
Ты крѣпкихъ доблестью — не знатностію рода,
Не древностію лѣтъ,
Не раболѣпныхъ слугъ, не алчныхъ чинолюбцевъ
Клеветниковъ, ханжей,

Продажныхъ обиралъ, развратныхъ сластолюбцевъ,
Безчувственныхъ судей?
Нѣтъ! увлекался ты невѣденьемъ и страстью;
Ты прямодушье гналъ;
Въ опасную игру своею игралъ властью;
И Русь позабывалъ;
Ты дѣлалъ все смотры; ты отмѣнялъ султаны;
На перекоръ уму
Подъ предложеніемъ невѣжды, шарлатана
Писалъ „быть по сему!“
Ты собралъ ценсоровъ презрѣнную породу,
Чтобъ сонъ твой охранять,
Чтобы не видѣть слезъ, не слышать стонъ народа,
Чтобъ правдѣ не внимать...
Ты предалъ истину на тяжкія мученья,
На смерть ее обрекъ:
Распни, распни ее! кричали въ иступленьи
Безумство и порокъ.
Она истерзана, оплевана рабами,
Въ ночи погребена;
На камень гробовой нечистыми руками
Печать наложена,
И стражу строгую надъ грозною могилой
Поставилъ Фарисей,

И деспотъ говоритъ, гордясь своею силой:
„Нельзя воскреснуть ей.“
Но видишь ли: заря зажглася на востокѣ —
То третій день насталъ...
Давно тотъ свѣтлый день провидѣли пророки;
Довольно міръ страдалъ...
Ты видишь ли: въ огнѣ несутся херувимы
Съ пылающихъ небесъ...
Ты слышишь ли: гремитъ ихъ гласъ незаглушимый:
Христосъ, Христосъ воскресъ!
Воскресла истина! на судъ сбирайтесъ строгій,
Предъ скипетромъ ея;
Монахи-деспоты, земные полубоги!
Грядетъ вашъ судія!
Предстань, царь, предъ судомъ исторіи, закона,
Предъ божіимъ судомъ!
Ты правду отвергалъ, ты попиралъ свободу,
Ты былъ страстей рабомъ;
Россію погубилъ ты гордостью пустою
И міръ вооружилъ...
Смирись предъ братьями, предъ родиной святою:
Ты немощенъ и хилъ.
„Простите мнѣ, — скажи — мое забвенье, братья!
Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ;

Откройте грѣшнику народныя объятья —
Другой опоры нѣтъ...“
Смирись! летятъ часы; пройдутъ дни испытанья
Исторія не ждетъ...
И грозно подъ тобой волнуется въ молчаньи
Проснувшійся народъ.

И—ру.

Die Rothweine regen die Kreislaufsorgane stark auf.
(Фармакологія Курта Шпренгеля).

Въ унынья медленномъ недуга и леченья
Скучаетъ умъ, молчатъ уста
И жду я съ жадностью минуты исцѣленья,
Конца тяжелаго поста.
Удастся-ль помянуть намъ доблестное время
Упругихъ мышцъ и свѣжихъ силъ,
Когда безъ устали ночей безсонныхъ бремя
Нашъ бодрый возрастъ выносилъ?
До устъ, взлелѣянныхъ вакхической отвагой,
Коснется-ль снова, жаръ тая,
И мягкимъ запахомъ и бархатною влагой
Вина пурпурная струя?
Садись! Достану я изъ подъ сѣдаго слоя
Бутылку мшистую мою
И на бокъ наклоня — съ падучаго отстоя
Въ стаканы бережно солью.

Но годы ужъ не тѣ! И кровь напиткомъ жгучимъ
Безплодно въ жилахъ разогрѣвъ,
Уже мы не пойдемъ въ волненіи могучемъ
На праздникъ сладострастныхъ дѣвъ.
Ни плечи бѣлыя, ни косы развитыя,
Ни взоръ полу-приподнятой —
Уже не пробудятъ въ насъ страсти прожитыя
И тѣла трепетъ молодой.
Отъ Фавна стараго таятся робко дѣвы
Въ зелено-свѣжей мглѣ дубровъ
И внемлятъ юношей влюбленные напѣвы
Сквозь шумъ колеблемыхъ листовъ.

Боюсь не вызвать бы, средь нашихъ возліяній
Перебирая жизни даль,
И горечь ѣдкую иныхъ воспоминаній,
И современную печаль?
Не вспомнить бы людей враждующія лицы,
И злобы грубыя черты,
И ихъ любовь дряблей изношенной тряпицы —
Прикрытье жалкой клеветы?
Не встрѣтить бы въ вѣкахъ насилій и стяжанья
Неисцѣлимую болѣзнь?
Не вспомнить бы утрать могильныя преданья
И счастья смолкнувшую пѣснь?

Скорѣй — давай шутить! Пусть шутки даръ нескромный
Дасть волю блесткамъ острыхъ словъ,
Яркомелькающихъ — какъ искры ночью темной
Надъ пепломъ тлѣющихъ костровъ.
Да! шутка насъ спасетъ. Ее мы за послугу
Сравнимъ съ красавицей больной,
Въ предсмертный часъ еще дарящей другу
Привѣтъ улыбки молодой.

Отвѣтъ на посланіе Пушкина.

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ,
Изъ искры возгорится пламя,
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей
И радостно вздохнутъ народы.

На родинѣ.

Роскошны вы, хлѣба заповѣдные
Родимыхъ нивъ —
Цвѣтутъ, ростутъ колосья наливные,
А я чуть живъ!
Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
Нейдетъ мнѣ въ-прокъ!

Н. Н.

Русскій пѣвецъ.

При раздѣлѣ міра
Мнѣ сказалъ Зевесъ:
„Вотъ тебѣ, братъ, лира,
Вотъ клочокъ небесъ.
Полную свободу
Дамъ тебѣ кругомъ:
Пой себѣ природу
И Романовъ домъ.“

Полонъ мощной вѣры,
Я пошелъ въ лѣса:
Надо мною сѣры
Были небеса;
Тучи, какъ въ дремотѣ
Плыли надъ рѣкой:
Городъ на болотѣ
Всталъ передо мной.

Звѣзды генераловъ
Озаряли путь,
Нѣсколько журналовъ
Силились раздуть
Гдѣ то въ тьмѣ безличья
Тлѣвшій огонекъ
Русскаго величья
Маленькій залогъ.

На плацу солдаты;
Дѣлалъ царь разводъ.
Пастырь бородатый
Поучалъ приходъ.
Подъ кнутомъ боярскимъ
Взятку давъ властямъ,
Рабъ кадилъ о царскомъ
Здравьи ѳиміамъ.

Прелесть царской власти
Въ сердцѣ ощутивъ,
Укротилъ я страсти
Бѣшеный порывъ.
Къ нѣжнымъ пѣснямъ склонность
Вдругъ я возъимѣлъ
И цѣпей законность
Сладостно воспѣлъ.

Рабства всѣ разряды,
Каждый звукъ цѣпей,
Взятки, мракъ, парады,
Шалости царей,
Крѣпостное право —
Пѣлъ въ поту лица,
И облекся славой
Русскаго пѣвца.

Нынче будто стали
Строже къ соловью:
Громовержецъ! я ли
Безъ усердья пью
Изъ фонтанки воду,
Чтобы пѣть потомъ
Сѣрую природу
И Романовъ домъ.

* *
*

Чуть-чуть не говоря: „ты сущая ничтожность!“
Стиховъ моихъ печатный судія
Совѣтуетъ большую осторожность
Въ употребленьи буквы „я.“
Винюсь: ты правъ, усердный мой цѣнитель
И общихъ мѣстъ присяжный расточитель, —
Противъ твоей я публики грѣшу,
Но только я не для нея пишу.
Увы! писать для публики, для свѣта
Удѣлъ не всякаго поэта...
Друзья мои по тяжкому труду,
Но Музѣ гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою бѣду
Пою для васъ... Не правда ли, отрадно
Несчастному несчастіе въ другомъ?
Кто болѣнъ самъ тотъ весело и жадно
Внимаетъ вѣсти о больномъ...

Н. Н.

Пьяница.

Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда не хороша!
Въ томительномъ борeніи
Сама съ собой душа,
А умъ въ тоскѣ мучительной...
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Все та же хата бѣдная
Становится бѣднѣй,
И мать — старуха блѣдная —
Еще блѣднѣй, блѣднѣй.
Запуганный, задавленный,
Съ поникшей головой,
Идешь какъ обезславленный,
Гнушаясь самъ собой.
Сгараешь злобой тайною...
На скудный твой нарядъ
Съ насмѣшкой не случайною

Всѣ, кажется, глядятъ.
Все, что во снѣ мерещется,
Какъ будто бы на зло,
Въ глаза вотъ такъ и мечется
Роскошно и свѣтло!
Все — поводъ къ искушенію,
Все дразнитъ и язвитъ
И руку къ преступленію
Нетвердую манитъ...
Ахъ! еслибъ часть ничтожную!
Старушку полечить,
Сестрамъ бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелаго
Гнетущаго труда, —
Быть-можетъ, буйну голову
Сносилъ бы я тогда!
Покинувъ путь губительный,
Нашолъ бы путь иной,
И въ трудъ иной — свѣжительный —
Поникъ бы всей душой.
Но мгла отвсюду черная
На встрѣчу бѣдняку...
Одна открыта торная
Дорога къ кабаку.

Н. Н.

Французамъ.

Народъ смѣявшійся надъ всѣмъ безъ исключенья,
Какъ ты въ нашъ вѣкъ смѣшно упалъ.
Къ чему вели тебя всѣ бунты, всѣ волненья?
Ты изъ огня да въ полымя попалъ,
Гдѣ эта спорная, несчастная свобода,
Изъ-за чего свою вы проливали кровь?
Гдѣ братство, равенство, права народа,
Гдѣ ваша къ вольности любовь?
Теперь вы новому властителю такъ рады,
Вы голову предъ нимъ рѣшились преклонить.
Зачѣмъ же строили вы ваши баррикады,
Зачѣмъ же огородъ вамъ было городить?
Нѣтъ, видно не бывать утопіи на свѣтѣ,
И правду — матку говоря —
Вы не сыны отечества, вы дѣти,
Лягушки вы, просящія царя!
Давно ли президентъ казался вамъ чурбаномъ,
Давноль какъ надъ шутомъ смѣялись вы надъ
нимъ?

И чтожъ? — Облеклись царскимъ саномъ,
Онъ цаплей сдѣлался на зло врагамъ своимъ.
А вы всѣ съежились, хвосты свои поджали,
Склѣили для него опять разбитый тронъ
И раболѣпно закричали:
Да здравствуетъ Наполеонъ!
Кричите громче! Бѣсноваться
Не въ первый разъ Французамъ безъ пути.
Наполеона вамъ втораго не дождаться,
А съ третьимъ вамъ не далеко уйти.

Вѣчевой колоколъ.

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волоховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
Не мѣняютъ ли снова посадника?
Не волнуется-ль Чудь непокорная?
Не вломились ли Шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотниковъ
Взять неволей иль волей съ Югоріи
Серебро и мѣха драгоцѣнные?
Не пришли ли товары ганзейскіе,
Или снова послы сановитые
Отъ великаго князя московскаго
За обильною данью пріѣхали?
Нѣтъ? уныло гудитъ-поетъ колоколъ...
Поетъ тризну свободѣ печальную;
Поетъ нѣсню съ отчизной прощальную:
„*Ты прости,* родимый Новгородъ!

Не сзывать тебя на Вѣче мнѣ,
Не гудѣть ужъ мнѣ по прежнему:
Кто на Бога? Кто на Новгородъ?
Вы простите храмы божіи,
Терема мои дубовые!
Я пою для васъ въ послѣдній разъ,
Издаю для васъ прощальный звонъ.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты языкъ чугунный мой,
Ты разбей края имъ мѣдные,
Чтобъ не пѣть въ Москвѣ далекой мнѣ
Про мое ли горе-горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтобъ не тѣшить пѣснью грустною
Мнѣ царя Ивана въ теремѣ.

„Ты прости, мой братъ названный, буйный Волховъ мой, прости!
Безъ меня ты празднуй радость, безъ меня ты и грусти.
Пролетѣло это время... не вернуть его ужъ намъ,
Какъ и радость, да и горе мы дѣлили пополамъ,
Какъ не разъ печальный звонъ мой ты волнами заглушалъ,
Какъ не разъ и ты подъ гулъ мой, буйный Волховъ мой плясалъ!
Помню я, какъ подъ ладьями Ярослава ты шумѣлъ,

Какъ напутную молитву я воинамъ твоимъ гудѣлъ!
Помню я, какъ Боголюбскій побѣжалъ отъ нашихъ стѣнъ,
Какъ гремѣли мы съ тобою: смерть вамъ Суздальцы иль плѣнъ!
Помню я: ты на Ижору Александра провожалъ;
Я моимъ хвалебнымъ звономъ побѣдителя встрѣчалъ.
Я гремѣлъ бывало звучный — собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Нѣмцы рижскіе блѣднѣли, и заслышавши меня
Погонялъ Литовецъ дикій быстроногаго коня.
А я городъ, а я вольный звучнымъ голосомъ зову
То на Нѣмцевъ, то на Шведовъ, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая: наступило время бѣдъ!
Еслибъ могъ — я бъ растопился въ рѣки мѣдныхъ слезъ; да нѣтъ —
Я не ты, мой буйный Волховъ! я не плачу — я пою!
Промѣняетъ ли кто слезы и на пѣсню — на мою?
Слушай: нынче, старый другъ мой, по тебѣ я поплыву;
Царь Иванъ меня отвозитъ во враждебную Москву.
Собери скорѣй всѣ волны, всѣ волуны, всѣ струи —

Разнеси въ осколки, въ щепки ты московскія ладьи,
А меня на днѣ песчаномъ синихъ водъ твоихъ сокрой
И звони въ меня по чаще серебристою волной:
Можетъ быть изъ водъ глубокихъ, вдругъ услыша голосъ мой,
И за вольность и за Вече встанетъ городъ нашъ родной."

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ- поетъ колоколъ.
Волховъ плещетъ и бьется и пѣнится
О ладьи Москвитянъ острогрудыя,
А на чистой лазури, въ поднебесьи,
Главы храмовъ святыхъ бѣлокаменныхъ
Золотистыми слезками свѣтятся.

Арестантъ.

Ночь темна. Лови минуты!
Но стѣна тюрьмы крѣпка,
У воротъ ея замкнуты
Два желѣзные замка.
Чуть дрожитъ вдоль корридора
Огонекъ сторожевой
И звѣнитъ о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

„Часовой!“ — „Что, баринъ, надо?“
„Притворись, что ты заснулъ:
Мимо-бъ я, да за ограду
Тѣнью быстрою мелькнулъ!
Край родной повидѣть нужно,
Да жену поцаловать,
И пойду подъ шелестъ дружный
Въ лѣсъ зеленый умирать!...“

„Радъ помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь чай тожъ и я!
Пуля, баринъ, ничего бы,
Да боюся батожья!
Посѣдѣлъ подъ шумъ военный...
А сквозь полкъ какъ проведутъ
Только комъ окровавленный
На тѣлежкѣ увезутъ!“

Шопотъ смолкъ... Все тихо снова...
Гдѣ то Богъ подастъ пріютъ?
Толь схоронятъ здѣсь живаго?
Толь на каторгу ушлютъ?
Будетъ вѣчно цѣпь надѣта,
Да начальство станетъ бить...
Ни ножа! ни пистолета!...
И конца нѣтъ сколько жить!

* *
*

Когда нашъ Новгородъ великій
Отправилъ за море пословъ,
Чтобъ испросить себѣ владыку
Для буйной вольницы головъ,
Онъ съ откровенностію странной
Велѣлъ сказать чужимъ князьямъ:
Нашъ край богатый и пространный,
Но не дался порядокъ намъ.
Съ тѣхъ поръ родъ Рюрика владѣетъ,
А все порядка не видать.
О Несторъ, Несторъ! кто посмѣетъ
Тебя во лжи изобличать,
Когда на первой же страницѣ
Печать ты правды положилъ;
Ни вѣки буйною станицей,
Ни Петръ желѣзною десницей,
Никто тебя не сокрушилъ.
Все тотъ же Руси жребій странный:
И край богатый и пространный,
И Нѣмцевъ эка благодать,
А все порядка не видать!

Къ П.....

На нашъ союзъ святой и вольный —
Я знаю — съ злобою тупой
Взираетъ свѣтъ самодовольный,
Бродя обычной колеей.

Грозой намъ вѣетъ съ небосклона!
Уже не разъ терпѣла ты
И кару дряхлаго закона,
И кару пошлой клеветы.

Съ улыбкой грустнаго презрѣнья
Мы вступимъ въ долгую борьбу,
И твердо вытерпимъ гоненья
И отстоимъ свою судьбу.

Еще не разъ весну мы встрѣтимъ
Подъ говоръ дружныхъ намъ лѣсовъ

И жадно въ жизни вновь отмѣтимъ
Счастливыхъ нѣсколько часовъ.

И день придетъ: морскія волны
Опять привѣтъ заплещутъ намъ
И мы умчимся, волей полны,
Туда — къ свободнымъ берегамъ.

Кавказскому Офицеру.

Огни, и музыка, и балъ!
Красавицъ рой, кружась, сіялъ.
Среди толпы, кавказскій воинъ,
Ты мнѣ казался одинокъ!
Твой взглядъ былъ грустенъ и глубокъ,
Отъ тайнаго мученья неспокоенъ.

Тупой ли долгъ, любви ль печаль
Тебя когда то гнали въ даль?
Или безвыходное горе?
Иль жажда молодой мечты —
Увидѣть горные хребты
И посмотрѣть на югъ и сине-море?

И возвратясь изъ тѣхъ сторонъ
Ты, можетъ, мыслью удученъ,
Что рабъ безумія и вѣка —
Ты на войнѣ былъ полачемъ,
И стало жаль тебѣ потомъ,
Что ни съ чего зарѣзалъ человѣка?

А впрочемъ — можетъ быть, что ты
Питомецъ праздной пустоты —
Сидѣлъ усталый и бездушный,
А я сочувствіе къ тебѣ
Смѣшно натягивалъ въ себѣ —
По прежнему мечтатель простодушный.

Двуглавый Орелъ.

Я нашелъ, друзья, нашелъ,
Кто виновникъ безтолковый
Нашихъ бѣдствій, нашихъ золъ.
Виноватъ во всемъ гербовый,
Двуязычный, двуголовый
Всероссійскій нашъ орелъ.

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость вѣковъ:
Двуголовье — эмблема, основа
Всѣхъ убійцъ, идіотовъ, воровъ.
Не вступая и въ споры съ глупцами,
При смущающихъ душу рѣчахъ,
Сколько разъ говорили вы сами:
„Да ни какъ ты о двухъ головахъ!“

Я нашелъ, друзья, нашелъ и проч.

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьемъ,
Что у насъ каждый штофъ за печатью
Заклейменъ двуголовымъ орломъ,

Нашъ братъ Русскій — ужъ если напьется,
Нѣтъ ни связи, ни смысла въ рѣчахъ:
То цалуется онъ, то дерется —
Оттого, что о двухъ головахъ.
Я нашелъ, друзья, нашелъ и проч.
Взятки — свойство гражданскаго міра,
Вѣдь у нашихъ чиновныхъ ребятъ
На обоихъ бортахъ вицмундира
По шести двуголовыхъ орлятъ.
Ну! и спитъ идіотъ безголовый —
Предъ зерцаломъ внушающимъ страхъ —
А ужъ грабитъ, такъ грабитъ здорово
Нашъ чиновникъ о двухъ головахъ.
Я нашелъ, друзья, нашелъ и проч.
Правды нѣтъ оттого въ русскомъ мірѣ,
Недосмотры вездѣ оттого,
Что всевидящихъ глазъ въ немъ четыре,
Да не видятъ они ничего;
Оттого мы къ шпіонству привычны,
Оттого мы храбры на словахъ,
Что мы всѣ, господа, двуязычны,
Какъ орелъ нашъ о двухъ головахъ.
Я нашелъ, друзья, нашелъ,
Кто виновникъ безтолковый и проч.

И——ру.

О! еслибъ ты подумать только могъ,
Что пробудилъ во мнѣ твой голосъ издалека,
Какъ вызвалъ тьму заглохнувшихъ тревогъ,
Какъ рану старую разбередилъ глубоко!
Въ испугѣ ты и съ воплемъ бы ко мнѣ
На шею кинулся, любя меня какъ прежде;
Но свидясь вновь мы въ скорбной тишинѣ
Уже не ввѣримся ребяческой надеждѣ.
Нѣтъ! проклятъ будетъ этотъ вѣкъ,
Гдѣ торжествуетъ все, что низко и лукаво
И гдѣ себѣ хорошій человѣкъ
Страданья пріобрѣлъ убійственное право.
Но всежъ впередъ! Быть можетъ намъ дано
Прожить еще года въ безплодномъ этомъ спорѣ
И — какъ святыня глупая — одно
Для насъ останется — безвыходное горе!

Годъ 1848.

Упованіе.

Anno cholerae morbis.

Всѣ говорятъ, что нынѣ страшно жить,
Что воздухъ зараженъ и смертью вѣетъ;
На улицу боятся выходить,
Кто встрѣтитъ гробъ — трепещетъ и блѣднѣетъ,
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Такъ не отдамъ. Всей жизнью человѣка
Еще дышу я, всею мыслью вѣка
Я жизненно проникнутъ до ногтей,
И впереди довольно много дѣла,
Чтобъ мысль о смерти силы не имѣла.
Что мнѣ чума? — Я слышу чуткимъ слухомъ
Со всѣхъ сторонъ знакомыя слова:
Вблизи, вдали однимъ все полно духомъ,
Всѣ воли ищутъ! Тихо голова
Приподнялась, проходитъ сонъ упрямый

И человѣкъ на вещи смотритъ прямо.
Встревоженъ онъ. На немъ такъ много лѣтъ
Рука преданья дряхлаго лежала,
Что страшно страшенъ новый свѣтъ сначала.
Но свыкнись узникъ! Изъ тюрьмы на свѣтъ
Когда выходятъ — взору трудно, больно,
А послѣ станетъ ясно и раздольно!
О! изъ глуши моихъ родныхъ степей
Я слышу васъ далекіе народы
И что-то бьется тутъ въ груди моей
На каждый звукъ торжественный свободы.
Мнѣ съ юга моря синяя волна
Лелѣетъ слухъ внезапнымъ колыханьемъ...
Роскошныхъ сновъ лѣнивая страна —
И ты полна вновь юнымъ ожиданьемъ!
Еще унылъ ave Maria гласъ
И дремлетъ вкругъ семи холмовъ поляна,
Но втайнѣ Цезарю въ послѣдній разъ
Готовится проклятье Ватикана.
Чтожъ? Начинай! Ужъ гордый Рейнъ возсталъ
Отъ долгихъ грезъ очнулся тихъ, но страшенъ,
Упрямо воли жаждущій вассалъ
Грозитъ остаткомъ феодальныхъ башенъ.
На западѣ какимъ-то новымъ днемъ,
Изъ хаоса корыстей величаво
Какъ разумъ свѣтлое восходитъ право,

И нѣтъ заставъ, земля всѣмъ общій домъ.
Какъ волхвъ хочу съ востока въ путь суровый
Идти и я, дабы вѣщать о томъ,
Что видѣлъ я какъ міръ родился новый!
И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тутъ
Зналъ сердцу свѣтлыхъ нѣсколько минутъ,
Еще за то, что вмѣстѣ изнывая
Съ тобою я и плакалъ и страдалъ
И цѣпью насъ одною рокъ связалъ, —
И ты подъ сводъ дряхлѣющаго зданья,
Въ глуши трудясь, подкапываешь взрывъ!
Что скажешь міру ты? Какой призывъ?
Не знаю я! Но всѣ твои страданья
И весь твой трудъ готовъ дѣлить съ тобой,
И вѣрю, что пробьюсь, какъ нашъ народъ родной,
Въ терпѣніи и съ твердостію многой,
На новый свѣтъ невѣдомой дорогой!

1849 годъ.

Вы внаете: побѣда дряхлой власти
Свершилася. Погибло какъ мятежъ
Свободы дѣло, рушилось на части
И деспотизмъ помолодѣлъ и свѣжъ.
Безропотно, какъ маленькія дѣти,
Они свободу отдали тотчасъ,
Въ смущеніи боясь отцовской плети,
И весь восторгъ какъ шалость въ нихъ погасъ.
Вы знаете: въ Европѣ уже нынѣ
Не сыщется ни однаго угла,
Гдѣ-бъ наша жизнь вѣрна своей святынѣ
Свѣтло и мирно кончиться могла.
Вы не зарѣзались? Еще быть можетъ
Жить хочется? Такъ что-жъ? Скорѣй, скорѣй
Бѣгите въ степь, гдѣ развѣ вихрь тревожитъ,
Въ Америку — туда, гдѣ нѣтъ людей!
И до сѣдинъ безплодно доживая,
Съ отчаяньемъ въ груди умрите тамъ,

Забыть стараясь и не забывая,
Что все, что въ жизни было свято вамъ,
Мечты свободы, ваши убѣжденья
Ненужны никому — и всѣ замрутъ,
Какъ всякія безумныя мученья,
Какъ всякій мозга безполезный трудъ

Совершеннолѣтіе.

Спокойно вижу я годовъ минувшихъ даль,
Грядущее встрѣчаю безъ волненья,
И нѣтъ разкаянья, и прошлаго не жаль,
Нѣтъ передъ тѣмъ что будетъ — опасенья,
На грезы юности смотрю я безъ презрѣнья,
Пусть было многое въ нихъ жалко и смѣшно,
Но подлости на нихъ не брошено пятно;
Развратъ, любовь, иль трудъ — пусть все безплодно
Въ душѣ кипѣло, но все было благородно.

Съ ошибкой дѣтскою раздѣлаться я радъ
И веселѣй встрѣчаю горечь истинъ
Чѣмъ малодушіе мечтательныхъ отрадъ;
Я въ дѣлѣ счастья гордъ и безкорыстенъ!
Но міръ, который мнѣ какъ гнусность ненавистенъ,
Міръ угнетателей, обмана и рабовъ —
Его пока я живъ подкапывать готовъ

Съ горячимъ чувствомъ мести или права,
Не думая о томъ — что гибель ждетъ иль слава.

Пусть иногда тоска тѣснить мнѣ жизнь мою
И я шепчу проклятья или пени,
Но сердцемъ молодъ я. Еще я жизнь люблю,
Люблю я видѣть синей ночи тѣни
И мирный проблескъ дня; люблю внимать средь лѣни
Волны плесканіе, лѣсовъ зеленыхъ шумъ,
Съ восторгомъ предаюсь работѣ ясной думъ
И все что живо полюбилъ когда-то —
Осталось мнѣ на вѣкъ и сладостно и свято.

Искандру.

Я ѣхалъ по полю пустому,
И свѣжъ и сыръ былъ воздухъ и луна
Скучая шла по небу голубому
И плоская синѣлась сторона,
Въ моей душѣ мѣнялись скорбь и сила
И мысль моя съ тобою говорила.

Все степь, да степь! нѣтъ ни души, ни звука!
И ѣду въ даль я гордъ и одинокъ —
Моя судьба во мнѣ. Ни скорбь, ни скука
Не утомятъ меня. Всему свой срокъ,
Я правды рѣчь велъ строго въ дружномъ кругѣ —
Ушли друзья въ младенческомъ испугѣ.

И онъ ушелъ — котораго какъ брата,
Иль какъ сестру такъ нѣжно я любилъ!

Мнѣ тяжела какъ смерть его утрата;
Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
Имѣлъ онъ сердце нѣжное какъ ласка
И дружба съ нимъ мнѣ памятна какъ сказка.

Ты мнѣ одинъ остался неизмѣнный,
Я жду тебя. Мы въ жизнь вошли вдвоемъ;
Таковъ остался нашъ союзъ надменный!
Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,
Объ истинѣ глася неутомимо
И пусть мечты и люди идутъ мимо.

Конь.

У Ѣздока, наѣздника лихова
Былъ Конь, какого
И въ табунахъ степныхъ на рѣдкость поискать.
Какая стать,
И ростъ, и красота, и сила!
Такъ щедро всѣмъ его природа одарила!
Какъ онъ прекрасенъ былъ съ Наѣздникомъ въ бояхъ!
Какъ смѣло въ пропасть шелъ — и выносилъ въ горахъ!
Но съ смертью Ѣздока, достался онъ другому
Наѣзднику, да на бѣду — плохому.
Тотъ приказалъ его въ конюшню свесть,
И тамъ, на привези, довать и пить, и ѣсть,
А за усердіе, за службу удалую
Вѣкъ не снимать съ него уздѣчку золотую.
Вотъ годы цѣлые безъ дѣла Конь стоитъ,
А сѣсть боится,
Чтобъ не свалиться.

И сталъ нашъ Конъ въ лѣтахъ,
Потухъ огонь въ глазахъ
И спалъ онъ съ тѣла.
И какъ, вскормленному въ бояхъ, не похудѣть
безъ дѣла!
Коня всѣмъ жаль; и конюхи плохіе,
Да и наѣздники лихіе
Между собою говорятъ:
Ну, ктобъ Коню такому былъ не радъ
Кабы другому онъ достался?
Въ томъ и хозяинъ сознавался;
Да для него вотъ та бѣда,
Что Конь въ возу не ходитъ никогда.
И въ правду есть Кони ужъ отъ природы,
Такой породы —
Скорѣй его убьешь
Чѣмъ запряжешь.

А. Крылова.

Шарманка.

По дворамъ таскалъ старикъ
Тридцать лѣтъ шарманку,
Онъ вертѣть ее привыкъ:
Вертитъ спозаранку,
Въ плоть до полночи глухой,
На потѣху людямъ;
Той шарманки пискъ и вой
Мы не позабудемъ,
Что за музыка, ей, ей,
Не поймешь хоть тресни!
И всего то было въ ней
Три плохія пѣсни:
Бога славила одна,
А царя другая,
Третья — ужасъ какъ длинна —
Честь роднаго края
Многихъ не было въ ней нотъ,
Такъ что слушать гадко,

Все визжитъ, брянчитъ, скребетъ,
Не выходитъ гладко,
И не то чтобъ старъ ужъ такъ
Инструментъ потѣшный:
Сколотилъ его Варягъ
Сѣверянъ, не здѣшній,
Имъ вертѣть потомъ пошла
Русопетовъ стая,
Что за музыка была,
Безтолочь родная!
Наконецъ имъ завладѣлъ
Удалой Татаринъ
И шарманку завертѣлъ
Молодецъ, какъ баринъ.
Съ нею пробовалъ потомъ
И Полякъ возиться
Но ни силой, ни трудомъ
Ладу недобиться,
Все фальшивила она
Шла въ разладъ со свѣтомъ, —
Инструмента ли вина?
Мастера ли въ этомъ?
Лѣшій самъ не разберетъ!
Вскорѣ отъискался
Для шарманки доброхотъ
И чинить принялся.

Придалъ ей онъ новый видъ
И покрой нѣмецкій,
А шарманка все скрипитъ
И пищитъ по дѣтски.
Вотъ шарманкой завладѣлъ
Нашъ шарманщикъ ярый,
Повернулъ, пересмотрѣлъ,
Пѣсни больно стары.
Онъ навелъ на крышку лакъ,
Починилъ снаружи,
А внутри осталось такъ,
Даже стала хуже;
Самъ онъ видитъ, что она
Ужъ пришла въ негодность,
Что въ ней лопнула струна,
Пѣвшая народность,
Что осипла въ ней давно
Пѣсня православья,
Что поправить мудрено
Хрипъ самодержавья.
Вѣдь починка трудъ большой,
А на вѣкъ мой станетъ!
Да и внутрь шарманки той
Врядъ ли кто заглянетъ!
Такъ шарманщикъ разсуждалъ, —
Видно что дубина, —

И шарманку ту взвалилъ
Онъ на плечи сына.
Сынъ справляетъ день и ночь
Старую работу,
Хоть вертѣть ему не вмочь,
Да и не въ охоту,
Въ томъ трудѣ не быть пути,
Такъ и жди — порвется,
И ужъ какъ ты не верти,
А чинить придется.
Благо есть теперь досугъ,
Взяться бы за разумъ,
Хуже будетъ если вдругъ
Распадется разомъ,
Если ты подъ звукъ заснешь
Льстиваго напѣва,
Иль забывшись повернешь
Справа да налѣво.

Н. Н.

Филантропъ.

Частью по излишней честности,
Частію по простотѣ,
Проподалъ я въ неизвѣстности —
Пресмыкался въ нищитѣ.
Мѣсто я имѣлъ доходное,
А доходу не имѣлъ:
Безкорыстье благородное!
Да и брать-то не умѣлъ.
Въ Провіантскую Коммиссію
Поступивши, напримѣръ,
Покупалъ свою провизію —
Вотъ какой милліонеръ!
Не взыщите! честность ярая
Одолѣла до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Вѣдь имѣлъ ужъ и дѣтей!
Говорятъ за эти качества
Я бы въ честь теперь попалъ;

Но была пора подъячества,
Какъ я службу начиналъ.
Сожалѣли по Житомiру:
„Ты-де нищимъ кончишь вѣкъ
И семейство пустишь по-міру,
Безпокойный человѣкъ!“
Я не слышалъ. Сожалѣнья
Въ недовольство перешли:
Оказались упущенiя,
Я сплошалъ — и упекли!
День деньской тоскался въ люди я,
Ночью не жалѣлъ чернилъ,
Не добился провосудья;
Только сапоги добилъ.
Совершилося пророчество,
Благомыслящихъ людей:
Холодъ, голодъ, одиночество,
Перемѣнчивость друзей —
Все мы, бѣдные, извѣдали,
Чашу выпили до дна:
Плачутъ дѣти — не обѣдали, —
Убивается жена,
Проклинаетъ поведенiе,
Гордость глупую мою;
Я брожу какъ привидeніе,
Но — свидѣтель Богъ — не пью!

Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлѣбъ...
Такъ мы десять лѣтъ равнехонько
Бились, волею судебъ.
Вдругъ — извѣстье незабвенное! —
Получаю письмецо,
Что въ столицѣ есть отмѣнное,
Благородное лицо;
Мужъ, которому подобнаго,
Можетъ быть, не знали мы,
Сердца ангельски — незлобнаго
И умнѣйшей головы.
Славенъ не короной графскою,
Не пріѣздомъ ко двору,
Не звѣздою станиславскою
А любовію къ добру.
О народномъ просвѣщеніи
Соревнуя, пять частей,
Въ популярномъ изложеніи,
Напечаталъ повѣстей;
Продавалъ въ большомъ количествѣ
Ихъ дешевле пятака,
Вразумить объ электричествѣ
Въ нихъ стараясь мужика.
Въ русскомъ духѣ, малодецкая
Какъ по маслу рѣчь текла,

Хоть фамилія нѣмецкая
У особы той была.
Словно съ равными бесѣдуя,
Онъ и съ нищими учтивъ,
Намъ терпѣнье проповѣдуя,
Какъ Сократъ краснорѣчивъ.
Онъ мое же поведеніе
Мнѣ какъ будто объяснилъ,
И ко взяткамъ отвращеніе
Я тогда благословилъ;
Пересталъ стыдиться бѣдности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидѣтельство зловредности,
А скорѣе — правоты!
Снова благородной гордости
(Человѣкъ самолюбивъ),
Упованія и твердости
Я почувствовалъ приливъ.
„Намъ Господь послалъ спасителя“ —
Говорю тогда женѣ —
„Нашимъ крошкамъ покровителя!“
И бѣдняжка вѣритъ мнѣ.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Все, какъ слѣдуетъ, развѣдали
И въ столицу поскорѣй.

Прикатили прямо къ сроднику,
Не пустилъ — я въ нумера...
Вся семья моя угоднику
Въ ночь молилась. Со двора
Вышелъ я чѣмъ свѣтъ. Дорогою,
Чтобъ участіе привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совмѣстилъ въ такую рѣчь:
„Оттого-де нынѣ съ голоду
Умирая, словно тварь,
Что былъ глупъ и честенъ съ молоду,
Зналъ, что значитъ Богъ и Царь.
Не скажу: по справедливости
(Не великъ я генералъ),
По ребяческой стыдливости
Даже съ праваго не бралъ —
И погибъ... Я горе мыкаю,
Я работаю за двухъ,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрѣпляю слабый духъ,
Защитите!“... Не заставили
Ждать минуты ни одной;
Вотъ въ пріемную поставили,
Доложили чередой;
Вотъ идутъ — остановилися.
Я сробѣлъ, чуть живъ стою:

Замеръ духъ, виски забилися
И забылъ я рѣчь свою.
Тёръ и лобъ и переносицу;
Въ потолокъ косилъ глаза,
Бормоталъ лишь околёсицу,
А о дѣлѣ — ни аза!
Изумились, брови сдвинули;
„Что вамъ нужно?“ говорятъ.
— Нужно мнѣ... Тутъ слезы хлынули
Совершенно не впопадъ.
Просто вещь непостижимая
Приключилася со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладѣла всей душой.
Все, чѣмъ жизнь богата съ младости
Даже въ нищенскомъ быту —
Той поры счастливой радости
Попросту сказать: мечту, —
Все, что кануло и сгинуло
Въ треволненьяхъ жизни сей,
Все я вспомнилъ, все прихлынуло
Къ сердцу... Жалкій дуралей!
Подъ вліяніемъ прошедшаго,
Кулакомъ ударя въ лобъ,
Взвылъ я въ родѣ сумашедшаго
Предъ особой изъ особъ...

Видя плачъ сей уморительный
И въ мундиришкѣ изъянъ;
Человѣкъ благотворительный
Заподозрилъ, что я пьянъ...
Камердинера, холопа-ли
Попрекнули, что пустилъ.
И ногами какъ затопали...
Я лишился чувствъ и силъ.
Жаль, однимъ не осчастливили —
Сами не дали пинка...
Пьяницу съ почетомъ вывели
Два огромныхъ гайдука.
Словно кипяткомъ ошпаренной,
Я бѣжалъ, не слыша ногъ,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальныхъ дрогъ,
Мимо магазина швейнаго,
Мимо бань, церквей и школъ,
Вплоть до зданія питейнаго —
И ужъ дальше не пошелъ!
Дальше нечего разсказывать!
Минетъ сорокъ лѣтъ зимой,
Какъ я щеку сталъ подвязывать,
Отморозивши хмѣльной.
Чувства словно какъ заржавѣли,
Одолѣла страсть къ вину;

Дѣти пьяницу оставили,
Схоронилъ давно жену.
При отшествіи къ родителямъ,
Хоть кротка была весь вѣкъ,
Попрекнула покровителемъ.
Точно: странный человѣкъ!
Верстъ на тысячу въ окружности
Повѣстятъ свой добрый нравъ,
А осудятъ по наружности:
Неказистъ — такъ и не правъ!
Пишутъ, какъ бы свѣтъ весь за-ново
Къ общей пользѣ измѣнить,
А голоднаго отъ пьянаго
Не умѣютъ отличить...

Двѣ пѣсни крымскихъ солдатъ.

Какъ восьмаго Сентября
Мы за вѣру и царя
  Отъ Французъ ушли. (bis)
И такъ храбро отступали,
Что всѣхъ раненыхъ бросали
  Умирать въ степи.
Меньшикъ умный адмиралъ
Суденушки потоплялъ
  Въ морѣ — пучинѣ.
Молвилъ: „счастія желаю,“
Самъ ушелъ къ Бакчисараю,
  Ну васъ всѣхъ къ...
Сентъ-Арно позакопался,
Онъ учтиво обращался
  Сзаду обощелъ.
Кабы намъ да въ этотъ вторникъ
Не помогъ святой угодникъ,
  Всѣхъ бы насъ забралъ.

Съ моря, съ суши обложили,
Севастополь нашъ громили
Изъ большихъ маркелъ.
Духовенство все молило,
Чтобъ Француза потопило,
Бурю Богъ послалъ.
Была сиверка большая,
Но Французъ не унывая
На морѣ стоялъ.
И князья къ намъ пріѣзжали,
Да Француза не спужали,
Все палитъ съ маркелъ.
Штуцеровъ мы поджидали,
Да гвардейцы ихъ забрали
Видно имъ нужнѣй.
Изъ подъ града Кишинева
Ждали войска мы большаго;
Войско подошло.
Даненбергу поручили,
Его очинно просили,
Войска не жалѣть.
Павловъ, Соймоновъ ходили,
Круты горы восходили,
Вмѣстѣ не сошлись.

А Липранди хоть видалъ,
Какъ Французъ одолѣвалъ,
Руку не подалъ.
Тысячъ десять положили
Отъ царя не заслужили
Милости большой.
Князь изволилъ разсердиться,
Нашъ солдатъ де не годится,
...у показалъ.
Изъ сраженія большаго
Вышло только два героя,
Ихъ Высочества.
Имъ повѣсили Егорья,
Повезли назадъ на взморье,
Въ Питеръ на показъ.
Зимой вылазки чинили,
Много войска положили.
Все изъ за туровъ.
Меньшикъ проситъ подкрѣпленья,
Царь ему во утѣшенье
Сакена послалъ.
Меньшикъ умный адмиралъ,
Царю прямо отписалъ:
„Батюшка нашъ царь

„Ерофѣичъ твой не крѣпокъ,
Отъ твоихъ же малолѣтокъ,
„Толку ничего.“
Царь на Меньшика серчалъ,
И въ ту пору захворалъ
На одномъ смотру.
И отправился на небо
Видно въ немъ была потреба
И давно пора!
А когда же умиралъ,
Сыну крѣпко наказалъ:
„Ты теперь смотри!“
Сынъ же къ Меньшику писалъ:
„Ты мой милый адмиралъ,
Къ чорту братъ тебя.
Я пошлю туда другаго,
Того Князя Горчакова,
Къ Турку что ходилъ;
Много войскъ ему не надо,
Будетъ пусть ему награда
Красные штаны.“
Посылали хоть Хрулева
Выгнать Турку изъ Козлова,
Наша не взяла.

На Федюхины высоты
Насъ всего пришло двѣ роты,
А пошли полки.
Енаралъ то Ушаковъ,
Тотъ ужъ вовсе не таковъ,
Все чего-то ждалъ.
Долго ждалъ онъ дожидался
Пока съ духомъ не собрался,
Рѣчку перейти.
А Бѣлявцевъ енаралъ
Тотъ все знаменъ потрясалъ,
Вовсе не къ лицу.
Наше войско не большое,
А Французовъ ровно вдое,
И сикурсу нѣтъ.
Ждали — выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ.
А тамъ Сакенъ енаралъ,
Все акаеисты читалъ
Богородицѣ.
И пришлось намъ отступать,
. . . . . .
Кто куда водилъ?!

Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большомъ листу.
Чисто писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
Какъ по нимъ ходить.
Выѣзжали Князья, Графы,
А за ними Топографы,
На большой редутъ.
Князь сказалъ; „ступой Липранди!“
А Липранди —“ нѣтъ, атанде,
Я ужъ не пойду;
Туда умнаго не надо
А пошли-ка ты Реада,
А я посмотрю.“
А Реадъ — возьми, да спросту —
Поведи насъ прямо къ мосту,
„Ну-ка на уру!“
Веймарнъ плакалъ, умолялъ,
Чтобъ немножко обождалъ!
„Нѣтъ, ужъ пусть идутъ.“
И ‚уру‘ мы прошумѣли,
Да резервы не поспѣли,
Кто-то перевралъ.

На Федюхины высоты
Насъ всего пришло двѣ роты,
А пошли полки.
Енаралъ то Ушаковъ,
Тотъ ужъ вовсе не таковъ,
Все чего-то ждалъ.
Долго ждалъ онъ дожидался
Пока съ духомъ не собрался,
Рѣчку перейти.
А Бѣлявцевъ енаралъ
Тотъ все знаменъ потрясалъ,
Вовсе не къ лицу.
Наше войско не большое,
А Французовъ ровно вдое,
И сикурсу нѣтъ.
Ждали — выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ.
А тамъ Сакенъ енаралъ,
Все акаѳисты читалъ
Богородицѣ.
И пришлось намъ отступать,
. . . . . .
Кто куда водилъ?!

А какъ перваго числа,
Ждали батюшку царя
Мы у Фотъ-Сала.
И въ усердномъ умиленьи,
Ждали всѣ мы награжденья
Не далъ ничего.

Конецъ.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Пецъ.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ.

Сцены списанная съ натуры.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Ridendo castigat mores.

Изданіе

ЮРІЯ ПРИВАЛОВСКАГО.

с. 971 в.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

1858.

[illegible]

СОДЕРЖАНІЕ.

Дѣйствіе первое:

ПРІѢЗДЪ ГУБЕРНАТОРА.

Дѣйствіе второе:

РЕВИЗІЯ ПРИСУТСТВЕННЫХЪ МѢСТЪ.

Дѣйствіе третіе:

ОБѢДЪ У ПРЕДВОДИТЕЛЯ И БАЛЪ ВЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Алексѣй Петровичъ Громоносовъ, Начальникъ Губерніи.

Панкрасъ Ивановичъ Взяткинъ, Секретарь его.

Модестъ Павловичъ Нулинъ, Уѣздный Предводитель Дворянства.

Тарасъ Кузьмичъ Трусинъ, Городничій.

Людмила Григорьевна Трусина, жена его.

Климъ Владиміровичъ Зябкинъ, Уѣздный Судья.

Кирила Петровичъ Мокрокурицынъ, Земскій Исправникъ.

Харитонъ Петровичъ Пѣтуховъ, Секретарь, Уѣзднаго Суда.

Сидоръ Антіоховичъ Чернилинъ, Секретарь Земскаго Суда.

Иванъ Степановичъ Варона Протоколистъ Дворянской Опеки.

Артамонъ Андреевичъ Водопьяновъ откупщикъ.

Степанида Агафоновна Водопьянова, жена его.

Ѳедоръ Александровичъ Войновъ, отставной Подполковникъ.

Квартальный Каврышкинъ.

Становой Приставъ Дудкинъ.

Дамы, кавалеры, прислуга, музыканты.

Дѣйствіе происходитъ въ Уѣздномъ городѣ..... ской губерніи.

Дѣйствіе первое.

ПРІѢЗДЪ ГУБЕРНАТОРА.

Театръ представляетъ квартиру Городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій Трусинъ, Судья Зябкинъ, Исправникъ Мокрокурицынъ, Секретарь Пѣтуховъ, Секретарь Черпилинъ.

Трусинъ.

Ну господа, насталъ для насъ день тяжкаго испытанія. Вамъ еще памятна прошлогодняя первая ревизія новаго нашего Правителя губерніи: какъ вспомнишь, — такъ и морозъ по кожѣ подираетъ. Губернаторъ, какъ говорятъ, человѣкъ, прямой, безкорыстный, но уже нашего брата служащаго дворянина, ни въ копѣйку не ставитъ. Попадись ему подъ гнѣвъ, какъ разъ разобидитъ, да еще такими словами что ни устами ни перомъ передать не возможно. А, на бѣду мою, онъ из-

бралъ самую ненастную погоду чтобы посѣтить городишко мой, который и въ сухое время трудно содержать въ чистотѣ.

Пѣтуховъ.

Помилуйте Тарасъ Кузьмичъ, да развѣ Губернаторъ человѣкъ безъ разсудка? Можетъ ли онъ требовать чтобы въ ноябрѣ, при безпрерывныхъ дождяхъ, черноземъ не превратился въ море грязи? Что же касается до употребленія нѣкоторыхъ выраженій, которымъ и въ лексиконахъ мѣста нѣтъ то я, какъ человѣкъ новый въ вашихъ мѣстахъ, не имѣлъ еще случая испытать этого на дѣлѣ; однако надѣюсь на себя, что когда дойдетъ дѣло до меня, Губернаторъ, если и сдѣлаетъ замѣчаніе, то не выступитъ изъ предѣловъ благопристойности: все зависитъ — какъ кто себя держитъ. — Птица видна по полету.

Мокрокурицынъ.

Толкуй себѣ, толкуй: видно что ты новичекъ, Харитонъ Петровичъ. А какъ только Его Превосходительство привѣтствуетъ тебя по своему, то ты, мой другъ, также какъ и мы грѣшные, смолчишь, проглотишь и еще пре низко поклонишся. Мы люди малые, а я, признаюсь, какъ пуганая ворона, куста боюсь. Взойдите въ мое

положеніе, господа: уже про дѣла земскаго суда и не говорю, есть къ чему придраться: но, дороги, мосты, гребли вездѣ повреждены: вы видите, какая у насъ стоитъ погода. Вчера, я, по дождю, цѣлый день летѣлъ отъ одного мѣста къ другому, чтобы при себѣ все было приведено въ исправность, промокъ до костей, лихорадка всю ночь трясла: а что вы думаете? возобновись сегодня вчерашняя погода, то какъ бы мнѣ еще не попасться подъ судъ за этотъ не своевременный дождь. Ужъ эта исправническая должность: хуже нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ напримѣръ, Тарасъ Кузьмичъ, почтеннѣйшій нашъ городничій, какія у него хлопоты? Но и онъ охаетъ, и дрожитъ всѣми членами; а у него, всего только одинъ городишко, который на ладонѣ моей помѣстится; у меня же, огромный уѣздъ — цѣлая провинція — какъ вы полагаете? вѣдь не много менѣе Америки, даже и самой Баваріи? и я одинъ долженъ вертѣть такою огромною массою: голова кругомъ пойдетъ.

Зябкинъ.

По крайнѣй мѣрѣ, господа, если вамъ и будетъ нагоняй, то все-таки не безъ всякой причины. Ваше дѣло полицейское, а полиція любитъ чистоту; вмѣсто чистоты, у васъ грязь, могло бы быть

ствуетъ благотворно на его расположеніе духа. Счастлива ваша мысль Тарасъ Кузьмичъ. — Между тѣмъ прощайте, утро вечера мудренѣе (уходитъ и возвращается.) — Да, вотъ еще забылъ вамъ объявить программу на завтрашній день. Губернаторъ будетъ вѣроятно рано утромъ. Въ 9 часовъ, общее представленіе всѣхъ чиновниковъ Его Превосходительству. Ревизія займетъ время до обѣда. — Въ 4 часа покорнѣйше прошу ко мнѣ откушать. — А вечеромъ, какъ уже вамъ извѣстно, балъ въ дворянскомъ собраніи. (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же кромы Нулина.

Зябкинъ.

А что неговори Г. Предводитель, страхъ беретъ когда вспомнишь о томъ что угрожаетъ. И то если бы еще на единѣ, но публично, разбранить, разобидѣть....

Пѣтуховъ.

Да если въ самомъ дѣлѣ начальникъ нашъ таковъ, то нельзя ли для избѣжанія еще худшихъ послѣдствій, подѣйствовать на него посредствомъ какой нибудь приближенной особы. Говорятъ, что секретарь его Панкрасъ Ивановичъ не совсѣмъ чистъ на руку.

Трусинъ.

Правда: да какъ къ нему подъѣхать? узнаютъ....

Пѣтуховъ.

Повѣрьте, что тотъ кто привыкъ брать, знаетъ какъ и руку протягиваютъ.

Зябкинъ.

Я съ вами согласенъ, что этимъ средствомъ пренебрегать не должно. Утопающій за соломинку хватается. Мнѣ оно хотя и накладно потому что я взятокъ не беру, но лучше еще пожертвовать чѣмъ-нибудь, нежели переносить оскорбленіе.

Трусинъ.

А между тѣмъ пойдемте-ка господа взглянуть на наши дѣла: вѣдь всего не усмотришь. — У меня пожарная команда несовсѣмъ исправна (Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Квартира откупщика водопьянова.

Водопьяновъ и жена его, потомъ Дудкинъ.

Водопьяновъ

(расхаживаетъ, потираетъ руки и хохочетъ).

Умора да и только. Какой паническій страхъ обнялъ всѣхъ нашихъ судейскихъ, когда они уз-

нали о пріѣздѣ Губернатора. — Трусинъ дрожитъ какъ осиновый листъ. У Зябкина, фигура на полъ-аршина вытянулась; а Мокрокурицынъ всѣхъ уморительнѣе. Такую мерзкую и кислую физіономію себѣ сотворилъ, что безъ смѣха нельзя на него глядѣть. — Каковъ же нашъ старый знакомый Алексѣй Петровичъ? Когда онъ былъ Титулярнымъ, да ухаживалъ за нашею Кузиною Пашенькою, тогда ничего не предвѣщало въ немъ Алексѣя грознаго. — Ха, ха, ха, ха.

Водопьянова.

Ну, чему же ты тутъ радуешся? развѣ весело дворянину претерпѣть ругательство на равнѣ съ послѣднимъ мужикомъ, и не смѣть пикнуть? — А ты, какою ты запоешь пѣснею, если у тебя Губернаторъ спроситъ, — сколько ты подливаешь воды въ вино?

Водопьяновъ.

Это не его дѣло. На то есть казенная палата.

Водопьянова.

Какъ не такъ: а развѣ теперь Губернаторы не во всё вмѣшиваются? Нѣтъ, тѣ времена прошли.

Водопьяновъ.

Будетъ ему надъ-кѣмъ потѣшиться и безъ меня.

(Вбѣгаетъ Становой Приставъ Дудкинъ).

Дудкинъ.

Не видали ли вы Г. Исправника?

Водопьяновъ.

Онъ, кажется, не давно еще былъ въ земскомъ судѣ. Да что же случилось?

Дудкинъ.

Помилуйте, Губернаторъ сей часъ будетъ, и никто не встрѣтилъ его на границѣ Уѣзда. Разсыльчный прискакалъ ко мнѣ изъ 2го стана съ этою вѣстью, и я ищу Исправника. Въ земскій судъ заходилъ: сказали, только что вышелъ. Пойду искать. — (уходитъ).

Водопьяновъ.

Пойду же я по своимъ питейнымъ домамъ и заверну въ винный подвалъ, остановить разсироповку. — Въ самомъ дѣлѣ какъ бы не вздумалось Губернатору заглянуть въ мою питейную часть. Чего добраго? (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Водопьянова (одна).

Все думаю какъ бы угомонить этого неугомоннаго Алексѣя Петровича. Онъ старый нашъ знакомый; вѣрно не забылъ Пашеньку. Такіе проказы мужчины не забываютъ, но и не любятъ чтобы о нихъ имъ напоминали. Впрочемъ попытаюсь: у меня въ головѣ созрѣваетъ планъ. Говорятъ будто въ прошломъ году Губернаторъ частенько поглядывалъ на Людмилу Григорьевну Трусину. Волокита онъ вѣдь самый отчаянный. Кстати, у городничаго, ему отведена квартира. Тутъ есть изъ чего составить сантиментальный романъ, который принесетъ пользу многимъ, да и самому Трусину не во вредъ послужитъ. — Пойду-ка, похлопочу: вѣдь надобно ближнему помогать, да и себѣ добра искать. (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Квартира Трусина.

Трусинъ и жена его, потомъ квартальный.

Трусинъ.

Смотри же, жена моя, чтобы все было у тебя убрано какъ слѣдуетъ, опрятно, изящно, чтобы

Его Превосходительство остался доволенъ. Постель мягкую приготовь: не вынуть ли болшую перину изъ кладовой?

Трусина.

Полно суетиться мой другъ, вѣдь къ утру только ожидаютъ Губернатора.

Трусинъ.

Да, по маршруту, оно такъ. Предводитель велѣлъ намъ въ 9 часовъ собраться для представленія Его Превосходительству.

(Вбѣгаетъ Квартальный Кавришкинъ).

Кавришкинъ.

Вашему Высокоблагородію честь имѣю донести Губернаторъ сей-часъ будетъ.

Трусинъ (въ испугѣ).

Что? Губернаторъ?..... сей-часъ будетъ? Вздоръ: откуда ты такую вѣсть почерпнулъ. Что пугать ли меня ты хочешь?

Кавришкинъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Эту вѣсть передалъ мнѣ становой приставъ Дудкинъ, чтобы я поспѣшилъ васъ увѣдомить; самъ онъ ищетъ исправника, который исчезъ.

Трусинъ.

Вотъ новая бѣда. Недоставало еще чтобы никто не встрѣтилъ Губернатора на границѣ уѣзда. Воображаю какой порядокъ онъ нашелъ, пріѣхавъ неожиданно. — Кавришкинъ, бѣги скорѣе въ Городническое Правленіе, прикажи чтобы сей-часъ прислали человѣкъ шесть солдатъ вымести подъѣздъ, дворъ вычистить. Да прикажи навозить песку по больше.

Кавришкинъ.

Да гдѣ же прикажите взять песку? вездѣ мокро, грязь.

Трусинъ.

И то правда. — А, очень грязно?

Кавришкинъ.

Да, почти по колѣно-съ.

Трусинъ.

Съ ума можно сойти. Бѣги, же распорядись какъ умѣешь. Если что будетъ не такъ, то взыщу съ тебя. (Кавришкинъ уходитъ). Охота же въ такую адскую погоду объѣзжать губернію, и еще пріѣзжать полу-сутками ранѣе назначеннаго времени.

Трусина.

Ну, бѣда еще не велика. Погода не въ нашей власти. А ты уже такъ захлопотался, что и забылъ про мундиръ.

Трусинъ.

Правда твоя, я совсемъ теряюсь. Пойду, облекусь въ парадную форму, и поѣду къ заставѣ ожидать Его Превосходительство. (уходитъ поспѣшно).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Трусина (одна).

Не знаю что ихъ всѣхъ такъ напугало въ нашемъ Губернаторѣ. Я его всего раза два видѣла въ прошломъ году, и онъ показался мнѣ прелюбезнымъ кавалеромъ, пріятной наружности, а, для Губернатора, еще молодъ. Говорятъ и 35ти ему нѣтъ. — Жаль что не удалось мнѣ съ нимъ познакомиться, а казалось мнѣ, что я будто понравилась ему. Увидимъ, ошиблась-ли я. — Да что я вижу? — Степанида Агафоновна?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Трусина, Водопьянова.

Водопьянова.

Да, любезнѣйшая Людмила Григорьевна, я слышала что Губернаторъ останавливается въ ва-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Водопьянова.

А вотъ видите, Людмила Григорьевна какъ это случилось. У меня жила въ домѣ кузина моя, Пашетъ, бѣдная сирота, но красавица дѣвушка. Алексѣя Петровича мы часто встрѣчали въ лѣтнемъ саду. — Узнать кто мы, отыскать нашу квартиру, завести знакомство, было ему не трудно. — Мужъ мой имѣлъ дѣла въ томъ департаментѣ, гдѣ служилъ Алексѣй Петровичъ. Тутъ началось ихъ знакомство. — Потомъ онъ сталъ ходить къ намъ чаще да чаще, а въ послѣдствіи каждодневно.

Трусина.

А потомъ?

Водопьянова.

А потомъ..... скажу я вамъ это по секрету, но, ради Бога, никому не говорите. Разъ, какъ-то, кузина моя отпросилась у меня въ гостиный дворъ, и что же вы думаете? Съ того времени мы уже болѣе ее не видали, не благодарную.

Трусина.

А Алексѣй Петровичъ?

Водопьянова.

Алексѣй Петровичъ?... отгадать не трудно:

онъ пересталъ къ намъ ѣздить. — Я давно смѣкнула, что привлекаетъ его къ намъ, не наша бесѣда, а красота Пашиньки.

Трусина.

Слѣдовательно онъ большой обожатель прекраснаго пола?

Водопьянова.

Да и какой еще. Ни одного хорошенькаго личика не пропуститъ, чтобы не поволочиться. — Да вѣдь вы его видѣли въ прошломъ году?

Трусина.

Да, раза два всего, и то мелькомъ.

Водопьянова.

И вы не замѣтили ничего?

Трусина.

Да что же могла бы я замѣтить?

Водопьянова.

А люди такъ замѣтили.

Трусина.

Что же они замѣтили?

Водопьянова.

Они замѣтили, что онъ съ васъ глазъ не спускалъ, и что вы ему очень понравились. Знаете

что? скажу вамъ откровенно, и отъ искренняго участія. Губернаторъ съ своими чиновниками, человѣкъ пре суровый, взыскательный, заносчивый, какъ разъ разобидетъ дворянина. Вамъ бы здѣсь можно играть роль усмиряющую. Вѣдь не разъ случалось что прелестные очи укрощали самые свирѣпые нравы. — Добрая жена должна беречь мужа. Тарасъ Кузьмичъ человѣкъ добрый, но робкій, какъ разъ смутится, если только Губернаторъ прикрикнетъ на него.

Трусина.

Такъ вы думаете, что я могу придать ему храбрости.

Водопьянова.

Нѣтъ, не въ томъ сила: но вы можете отъ него отвратить грозу.

Трусина.

Слѣдовательно быть громовымъ отводомъ? —

Водопьянова.

Для чего же нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже, Кавришкинъ, потомъ Трусинъ.

Кавришкинъ (кричитъ).

Губернаторъ у заставы.

Трусинъ (выбѣгаетъ застегивая мундиръ).

У заставы, говоришь.... неужели. — Перо, чернилъ: рапортъ подписать. (Подписываетъ) бѣда, опоздалъ.... уже теперь нечего ѣхать встрѣчать. — Что еще Кавришкинъ?

Кавришкинъ.

У заставы Губернаторъ пошелъ осматривать острогъ, а я поспѣшилъ къ вамъ, сказавъ ямщику куда везти Его Превосходительство.

Трусинъ.

А смотритель острога, вѣрно спитъ?

Кавришкинъ.

Не знаю-съ. (слышанъ колокольчикъ).

Трусинъ (ухватываясь за голову).

Ахъ! вотъ и колокольчикъ предвѣстникъ моей погибели.

Водопьянова (тихо Трусиной).

И вы не сжалитесь надъ нимъ?

Трусинъ (съ досадою).

Степанида Агаѳоновна, Людмила Григорьевна, теперь вамъ здѣсь не мѣсто: идите прочь (про себя). Безъ свидѣтелей, все какъ будто легче. (Бѣжитъ съ рапортомъ на встрѣчу Губернатру).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Слышенъ издали голосъ Губернатора: Пошелъ вонъ. Губернаторъ въ мундирномъ сюртукѣ, Секретарь его Взяткинъ, и Городничій Трусинъ.

Губернаторъ (бросая рапортъ на столъ).

Прекрасно, порядокъ чудесный: ни въ уѣздѣ, ни въ городѣ никто не встрѣчаетъ. Лошади, дороги, мосты, гребли, все гадко, скверно; сорокъ верстъ тащусь по грязи, и ни гдѣ не видѣнъ Исправникъ. У заставы хочу заглянуть въ острогъ: смотрителя не добудишся. Городничій, важная особа, преспокойно ожидаетъ меня на моей квартирѣ (обращаясь къ нему). А знаешъ ли ты, требухою набитая дурачина, что у тебя въ городѣ меня чуть чуть не вывалили въ яму? (Трусинъ дрожитъ). Здѣсь, у крыльца, я подскользнулся отъ грязи. — Такъ-то ты принимаешь начальника губерніи? всю поганую твою морду искрошу на куски. — (Трусинъ хочетъ стать на колѣни) прочь отъ меня, негодяй. Завтра увидимъ что ты за птица, коршунъ или голубица? (Всяткину). Чтобы до завтрашняго утра никто не смѣлъ меня безпокоить, (Трусинъ уходитъ).

шемъ домѣ, и я пришла раздѣлить съ вами заботы ваши по хозяйству.

Трусина.

Чувствительно благодарю васъ, Степанида Агафоновна, но я не суетливаго нрава, и полагаю что Губернаторъ не взыщетъ, если мы въ чемъ нибудь ему не угодимъ. Къ тому же и времени не станетъ на приготовленія; вы знаете, что каждую минуту ожидаютъ Губернатора.

Водопьянова.

Слышала, Людмила Григорьевна; это не безъ намѣренія онъ дѣлаетъ. Онъ любитъ поражать внезапностью. Словомъ сказать, заставать въ расплохъ.

Трусина.

А вы развѣ знали его прежде?

Водопьянова.

А какъ же? Мы съ Артамономъ Андреевичемъ жили долго въ Петербургѣ. — Г. Громоносовъ былъ тогда мелкимъ чиновникомъ, служащимъ въ Департаментѣ Министерства, кажется военнаго, и посѣщалъ насъ очень часто.

Трусина.

По какому же случаю онъ такъ часто бывалъ у васъ?

Водопьянова.

А вотъ видите, Людмила Григорьевна какъ это случилось. У меня жила въ домѣ кузина моя, Пашетъ, бѣдная сирота, но красавица дѣвушка. Алексѣя Петровича мы часто встрѣчали въ лѣтнемъ саду. — Узнать кто мы, отыскать нашу квартиру, завести знакомство, было ему не трудно. — Мужъ мой имѣлъ дѣла въ томъ департаментѣ, гдѣ служилъ Алексѣй Петровичъ. Тутъ началось ихъ знакомство. — Потомъ онъ сталъ ходить къ намъ чаще да чаще, а въ послѣдствіи каждодневно.

Трусина.

А потомъ?

Водопьянова.

А потомъ..... скажу я вамъ это по секрету, но, ради Бога, никому не говорите. Разъ, какъ-то, кузина моя отпросилась у меня въ гостиный дворъ, и что же вы думаете? Съ того времени мы уже болѣе ее не видали, не благодарную.

Трусина.

А Алексѣй Петровичъ?

Водопьянова.

Алексѣй Петровичъ?... отгадать не трудно:

онъ пересталъ къ намъ ѣздить. — Я давно смѣкнула, что привлекаетъ его къ намъ, не наша бесѣда, а красота Пашиньки.

Трусина.

Слѣдовательно онъ большой обожатель прекраснаго пола?

Водопьянова.

Да и какой еще. Ни одного хорошенькаго личика не пропуститъ, чтобы не поволочиться. — Да вѣдь вы его видѣли въ прошломъ году?

Трусина.

Да, раза два всего, и то мелькомъ.

Водопьянова.

И вы не замѣтили ничего?

Трусина.

Да что же могла бы я замѣтить?

Водопьянова.

А люди такъ замѣтили.

Трусина.

Что же они замѣтили?

Водопьянова.

Они замѣтили, что онъ съ васъ глазъ не спускалъ, и что вы ему очень понравились. Знаете

что? скажу вамъ откровенно, и отъ искренняго участія. Губернаторъ съ своими чиновниками, человѣкъ пре суровый, взыскательный, заносчивый, какъ разъ разобидетъ дворянина. Вамъ бы здѣсь можно играть роль усмиряющую. Вѣдь не разъ случалось что прелестные очи укрощали самые свирѣпые нравы. — Добрая жена должна беречь мужа. Тарасъ Кузьмичъ человѣкъ добрый, но робкій, какъ разъ смутится, если только Губернаторъ прикрикнетъ на него.

Трусина.

Такъ вы думаете, что я могу придать ему храбрости.

Водопьянова.

Нѣтъ, не въ томъ сила: но вы можете отъ него отвратить грозу.

Трусина.

Слѣдовательно быть громовымъ отводомъ? —

Водопьянова.

Для чего же нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже, Кавришкинъ, потомъ Трусинъ.

Кавришкинъ (кричитъ).

Губернаторъ у заставы.

Трусинъ (выбѣгаетъ застегивая мундиръ).

У заставы, говоришь.... неужели. — Перо, чернилъ: рапортъ подписать. (Подписываетъ) бѣда, опоздалъ.... уже теперь нечего ѣхать встрѣчать. — Что еще Кавришкинъ?

Кавришкинъ.

У заставы Губернаторъ пошелъ осматривать острогъ, а я поспѣшилъ къ вамъ, сказавъ ямщику куда везти Его Превосходительство.

Трусинъ.

А смотритель острога, вѣрно спитъ?

Кавришкинъ.

Не знаю-съ. (слышанъ колокольчикъ).

Трусинъ (ухватываясь за голову).

Ахъ! вотъ и колокольчикъ предвѣстникъ моей погибели.

Водопьянова (тихо Трусиной).

И вы не сжалитесь надъ нимъ?

Трусинъ (съ досадою).

Степанида Агаѳоновна, Людмила Григорьевна, теперь вамъ здѣсь не мѣсто: идите прочь (про себя). Безъ свидѣтелей, все какъ будто легче. (Бѣжитъ съ рапортомъ на встрѣчу Губернатру).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Слышенъ издали голосъ Губернатора: Пошелъ вонъ. Губернаторъ въ мундирномъ сюртукѣ, Секретарь его Взяткинъ, и Городничій Трусинъ.

Губернаторъ (бросая рапортъ на столъ).

Прекрасно, порядокъ чудесный: ни въ уѣздѣ, ни въ городѣ никто не встрѣчаетъ. Лошади, дороги, мосты, гребли, все гадко, скверно; сорокъ верстъ тащусь по грязи, и ни гдѣ не видѣнъ Исправникъ. У заставы хочу заглянуть въ острогъ: смотрителя не добудишся. Городничій, важная особа, преспокойно ожидаетъ меня на моей квартирѣ (обращаясь къ нему). А знаешъ ли ты, требухою набитая дурачина, что у тебя въ городѣ меня чуть чуть не вывалили въ яму? (Трусинъ дрожитъ). Здѣсь, у крыльца, я подскользнулся отъ грязи. — Такъ-то ты принимаешь начальника губерніи? всю поганую твою морду искрошу на куски. — (Трусинъ хочетъ стать на колѣни) прочь отъ меня, негодяй. Завтра увидимъ что ты за птица, коршунъ или голубица? (Всяткину). Чтобы до завтрашняго утра никто не смѣлъ меня безпокоить, (Трусинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Губернаторъ, Взяткинъ.

Губернаторъ.

Мочи нѣтъ — усталъ. Отдохну, и завтра, собравшись съ силами, пойду распекать здѣшнюю сволочь. (Взяткину). Да у кого намъ отвели квартиру?

Взяткинъ.

Городничій уступилъ Вашему Превосходительству свой домъ, и перебрался съ женою своею на заднюю половину.

Губернаторъ.

Неужели? — (про себя). Мнѣ помнится, что у него жена довольно миловидная. Тогда не случилось съ нею познакомиться. А на этотъ разъ, (съ улыбкою) есть надежда что знакомство съ городничихою доставитъ мнѣ нѣкоторое развлеченіе отъ заботъ службы.

Конецъ перваго дѣйствія.

Дѣйствіе второе.

РЕВИЗІЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Губернаторъ (пьетъ чай и куритъ трубку). Взяткинъ.

Взяткинъ (подаетъ записку).

Губернаторъ.

Что такое?

Взяткинъ.

Памятная записка о здѣшнихъ служащихъ лицахъ.

Губернаторъ.

Давай: народъ частью уже знакомый, но не худо освѣжить память (читаетъ).

Уѣздный Предводитель дворянства отставной Гвардіи Поручикъ Нулинъ человѣкъ тихій, скромный, ума ограниченнаго,

дѣла ничего не понимаетъ, ввѣрился Протоколисту Ворѳнѣ, который его обманываетъ. Уѣздный Судья Коллежскій Ассессоръ Зябкинъ: человѣкъ честный и добрый, но не расторопный. — Секретарь Уѣзднаго Суда 10 класса Пѣтуховъ. Присланъ изъ С. Петербурга на мѣсто отрѣшеннаго Секретаря Коршунова: служилъ Повытчикомъ въ Надворномъ Судѣ: о себѣ много воображаетъ, какъ всякій петербургскій житель, перенесенный въ провинцію. Исправникъ, Губернскій Секретарь Мокрокурицынъ. — Слабъ, глупъ и неспособенъ. Секретарь Земскаго Суда 14го класса Чернилинъ. На немъ лежитъ вся обязанность членовъ Земскаго Суда. Дѣло понимаетъ, но плутоватъ. — Городничій 7 класса Трусинъ. — Такъ робокъ и боязливъ, что о немъ разсказываютъ, что онъ разъ какъ-то своей тѣни испугался до того, что пролежалъ мѣсяцъ больной. Впрочемъ человѣкъ добрый: подарковъ отъ купцовъ не вымогаетъ, но что поднесутъ, — не отвергаетъ. По должности довольно слабъ и оплошенъ, отъ чего въ городническомъ правленій вкрались безпорядки. Откупщикъ Водопьяновъ. Какъ всѣ его собратья, продаетъ вино пополамъ съ водою.

Губернаторъ (про себя).

Водопьяновъ... что-то знакомая фамилія. (Взяткину) Панкрасъ Ивановичъ; прежде нежели соберутся сюда здѣшніе служащіе, не мѣшало бы мнѣ принять особо хозяевъ дома.

Взяткинъ.

Ваше Превосходительство вѣрно изволили забыть, что хозяинъ дома самъ Городничій.

Губернаторъ.

Ни мало. Теперь я его прійму какъ хозяина дома, въ которомъ я стою, а ужо какъ Городничаго. Ступай, попроси эту чету ко мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Губернаторъ (одинъ).

Всю ночь, я не могъ замкнуть глазъ, тревожимый мыслію, что подлѣ меня, подъ однимъ кровомъ, покоится милая Городничиха. Сколько могу припомнить, она казалась не совсемъ равнодушною моимъ взглядамъ, въ прошедшемъ году. — Это одно воспоминаніе приводитъ меня въ восторгъ. Но мужъ ея... мужъ?... такъ что-же? вѣдь онъ Городничій преплохой. — Не мѣшало бы арестовать на сутки.... Впрочемъ увидимъ. Но вотъ они идутъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Губернаторъ, Трусинъ съ женою.

Трусинъ.

Мы такъ осчастливлены посѣщеніемъ Вашего Превосходительства.....

Губернаторъ.

Мое посѣщеніе есть дѣло службы, но я радъ случаю, который доставилъ мнѣ знакомство съ доброю и милою хозяйкою дома.

Трусинъ (про себя).

Какъ онъ сегодня благосклоненъ!

Губернаторъ.

Весело ли вы, сударыня, проводите время въ вашемъ городѣ? Вамъ-бы украшать и не такое мѣстечко.

Трусина (присѣдая).

Вы льстите.

Губернаторъ (съ жаромъ).

Никогда. Я откровененъ. Что на сердцѣ, то и на устахъ. (Жметъ ей тихонько руку).

Трусинъ.

Осмѣлюсь Вашего Превосходительства всепокорнѣйше просить, дозволить мнѣ идти присоединиться къ прочимъ товарищамъ моимъ, которые

должны имѣть счастіе представиться Вашему Превосходительству.

Губернаторъ.

Идите, идите, я васъ не задерживаю (про себя). Каковъ городничій? умѣетъ жить.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Губернаторъ, Трусина.

Трусина (откланиваясь).

Позвольте.....

Губернаторъ.

Куда же вы спѣшите, милая, очаровательная Людмила Григорьевна! Посидите минуточку, побесѣдуемте (подаетъ ей стулъ и садится близко рядомъ). О! еслибы вы знали, что за каторжная жизнь наша, вы пожалѣли бы о мнѣ, и не подумали бы покинуть меня въ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда я не озабоченъ службою.

Трусина.

Чѣмъ могу я угодить Вашему Превосходительству?

Губернаторъ.

Чѣмъ? Да уже однимъ вашимъ присутствіемъ вы меня дѣлаете счастливѣйшимъ изъ смертныхъ (съ жаромъ цѣлуетъ ея руку). Взглядъ вашъ, черты,

цвѣтъ лица, цвѣтъ волосъ, вся особа ваша приводитъ меня въ неизъяснимый восторгъ.

Трусина.

Повѣрю ли я, чтобы простая малообразованная дворянка какъ я, словомъ сказать, жена Городничаго, могла понравиться высокому сановнику, управляющему сотнями-тысячами народовъ, и который на каждомъ шагу встрѣчаетъ женщинъ гораздо болѣе обворожительныхъ чѣмъ я?

Губернаторъ.

О вѣрьте, вѣрьте любви моей; она уже давно гнѣздится въ сердцѣ моемъ. — Еще въ минувшемъ году, вы меня плѣнили своей красотою, но я тогда не имѣлъ случая изъяснить вамъ всѣ чувства, которыя вы во мнѣ возбудили. — Съ нетерпѣніемъ прождалъ я цѣлый годъ, чтобы узрѣть васъ опять. Вы не можете себѣ представить, какую скуку я претерпѣвалъ, томясь такъ долго, далеко отъ васъ. Теперь я сто кратъ вознагражденъ за всѣ мои страданія тѣмъ, что бесѣдую съ вами, сижу подлѣ васъ, цѣлую ваши прелестныя ручки. — Но раскажите мнѣ, моя красота, какими судьбами вы заброшены въ здѣшнемъ городкѣ, и достались въ удѣлъ счастливѣйшему изъ смертныхъ Городничему Трусину.

Трусина.

Матери моей лишилась я въ дѣтствѣ, я не помню ее́. Отецъ мой, изувѣченный на службѣ, пользовался пенсіономъ, который онъ проживалъ здѣсь. — За заслуги его, я удостоилась быть казеннокоштною воспитанницею въ институтѣ. — Года три назадъ, я кончила свое воспитаніе и пріѣхала въ родительскій домъ. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отецъ мой кончилъ жизнь и я осталась одна на свѣтѣ... беззащитная сирота. — Тарасъ Кузьмичь сжалился надъ моею участью: онъ предложилъ мнѣ свою руку, онъ мой благодѣтель.

Губернаторъ.

О! возьмите меня въ покровители ваши: все, что вы говорите, еще болѣе привязываетъ меня къ вамъ (хочетъ взять ее за талію).

Трусина (поспѣшно встаетъ).

Не забудьте, Ваше Превосходительство, что здѣсь и стѣны имѣютъ глаза и уши.

Губернаторъ.

Успокойся, дитя мое, я никогда, въ жизни моей, не компрометировалъ женщины, и не начну съ тебя, ангелъ красоты. Разстаюсь съ тобою,

въ надеждѣ скораго свиданія. — Теперь время принимать весь здѣшній чиновническій причетъ. Гдѣ же я тебя увижу, дитя мое?

Трусина.

Неосчастливите ли вы сегодня посѣщеніемъ вашимъ наше благородное собраніе? — Въ честь вашу дается балъ.

Губернаторъ.

Какъ? сегодня балъ въ городѣ? Очень радъ: непремѣнно буду; (тихо). — Но для тебя одной, дитя мое, для тебя одной. Приглашаю на первую кадриль (цѣлуетъ руку).

Трусина.

Много чести.

(Уходитъ въ одну сторону, Губернаторъ въ другую).

ЯВЛЕНІЕ V.

Взяткинъ; за нимъ входятъ: Нулинъ, Зябкинъ, Трусинъ, Мокрокурицынъ, Ворона, Пѣтуховъ и Чернилинъ.

Взяткинъ.

Господа, прошу васъ подождать здѣсь. Пойду доложу Его Превосходительству (уходитъ).

Трусинъ.

Вы не повѣрите, господа, какъ благосклоненъ

былъ сегодня нашъ губернаторъ. Обласкалъ насъ, и мою Людмилу Григорьевну какъ расхвалилъ.

Пѣтуховъ (про себя).

Эка рогатая скотина.

Мокрокурицынъ.

То что вы говорите Тарасъ Кузьмичъ, дѣйствуетъ какъ цѣлебный бальзамъ на мою душу. Всѣ несчастія совокупились надъ моею головою. Вчера, какъ вамъ извѣстно, отправился я встрѣчать Губернатора. — Ночь темная, зги не видать; въ десяти верстахъ отъ города я сбился съ дороги и меня опрокинули въ глубокій ровъ. — Поднять некому, кучеръ да я, всего только двое, дождь проливной, а уже грязь, не приведи господи видѣть подобную. Вдругъ послышался колокольчикъ: что же? Это Губернаторъ ѣдетъ, полусутками ранѣе нежели по маршруту значится. — Я притаился во рву, и далъ въ нѣсколькихъ шагахъ Губернатору промчаться со всею его свитою. — Хотѣлъ было побѣжать, и встать хоть на запятки, но куда? изъ грязи не вылезу, да и весь перепачкался отъ головы до ногъ. Въ такомъ незавидномъ положеніи пролежалъ я во рву до разсвѣта, и тогда, сѣвъ па пристяжную верхомъ безъ сѣдла, кое-какъ дотащился до города. Теперь

долженъ предстать предъ Его Превосходительствомъ въ старомъ, изношенномъ, запачканномъ мундирѣ, а о новомъ уже не говорю, поминай какъ звали. Не миновать мнѣ бѣды.

Пѣтуховъ.

Да, казусъ достойный смѣха и сожалѣнія.

Мокрокурицынъ.

Лишъ бы не брàни и ругательства.

Чернилинъ.

Не уйдешь.

Нулинъ.

Потише говорите, господа: Губернаторъ въ сосѣдней комнатѣ — все слышитъ.

Взяткинъ (отворяя двери).

Его Превосходительство.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Губернаторъ и Взяткинъ.

(Губернаторъ входитъ важно не кланяясь никому.)

Нулинъ.

Позвольте имѣть честь представить Вашему Превосходительству.....

Губернаторъ.

Не трудитесь, Модестъ Павловичъ, вѣдь это

знакомая прошлогодняя ракалья? (всматривается въ нихъ.) Кажется однако, между ними появилась новая рожа. (Указывая на Петухова.) Эта что за хара

Пѣтуховъ
(поспѣшно выступаетъ впередъ, вытягиваясь во всю мочь).

Осмѣливаюсь доложить Вашему Превосходительству: я не харя, а Коллежскій Секретарь Петуховъ, изъ дворянъ, присланный изъ столичнаго города С. Петербурга, для исправленія погрѣшностей моего предмѣстника, отрѣшеннаго Секретаря уѣзднаго суда Коршунова.

Губернаторъ.

Ахъ ты Петербургскій пѣтухъ, дрянь, мерзавецъ; живаго тебя зарою въ первую кучу навоза; вишъ — какъ расхорохорился болванъ: вонъ, сей часъ.

(Пѣтуховъ нехотя уходитъ, ворча).

Ты еще вздумалъ ворчать, бездѣльникъ, вонъ скорѣе, пасквильная тварь, или я тебя уничтожу. (уходитъ.)

Трусинъ (про себя).

Ой худо!

Губернаторъ (громко).

Исправникъ!

Исправникъ
(откликаясь какъ солдатъ на перекличкѣ).

Я.

Губернаторъ.

Подойди-ка поближе (поворачиваетъ его на всѣ стороны и осматриваетъ съ головы до ногъ). Полюбуйтесь, господа, что за фигура? Можно на ярмарку везти за деньги показывать въ особо устроенномъ болаганѣ. Запачканъ какъ малороссійскій чумакъ. Гдѣ ты пропадалъ вчера, сапатый меринъ? отвѣчай.

Мокрокурицынъ (дрожащимъ голосомъ).

Пролежалъ во рву.

Губернаторъ.

Пьяный?

Мокрокурицынъ.

Ей-Богу нѣтъ: опрокинули ночью....

Губернаторъ.

Жаль что не раздавили. Дороги, мосты, гребли, лошади, все у тебя гадко, скверно. — Другой разъ прикажу изъ тебя соорудить метло и рожею твоею сгребать грязь по дорогамъ. — Понимаешь скотина?

Мокрокурицынъ.

Слушаю-съ.

Губернаторъ.

На свое мѣсто. (Исправникъ дѣлаетъ на лѣво кругомъ по военному и становится съ прочими). А вы Г. Зябкинъ, исправляете ли свои недостатки?

Забкинъ.

Всѣми силами стараюсь, Ваше Превосходительство.

Губернаторъ.

Тото: прошу у меня держать ухо востро.

(Во все это время Взяткинъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ, бокомъ къ зрителямъ, держа руки за спиною. Трусинъ тихонько подкрадывается къ нему, и кладетъ ему въ руки пукъ ассигнацій. Всѣ прочіе, кромѣ Нулина, дѣлаютъ тоже, каждый въ свою очередь, наблюдая чтобы Губернаторъ этого замѣтить не могъ. Взяткинъ стоитъ какъ вкопанный, будто это до него не относится. — Когда подаяніе кончилось, онъ вынимаетъ преспокойно платокъ, сморкается, и завернувъ не примѣтно деньги, кладетъ опять платокъ въ карманъ.)

Губернаторъ.

Модестъ Павловичъ и вы всѣ господа, выслушайте отеческое мое къ вамъ наставленіе. Вамъ должно знать чего я требую отъ чиновниковъ мнѣ подчиненныхъ. Воперыхъ: Взяточниковъ я не терплю ни подъ какою личиною: ихъ го-

товъ я преслѣдовать до гроба. Отъ себя я успѣлъ ихъ всѣхъ прогнать; у моего предмѣстника они было завелись, но у меня на нихъ такое тонкое чутье, что я ихъ за сто верстъ нюхаю. И такъ: безкорыстіе первое правило. — Второе: неусыпная дѣятельность. — Третіе: безпристрастіе и нелицепріятіе. — Четвертое: вѣжливость въ обращеніи съ подчиненными и челобитчиками. Пятое: добропорядочная жизнь въ семейномъ быту, ибо супругъ вѣрный, бываетъ вѣренъ во всемъ. — Сколько могу, стараюсь подавать примѣръ собою. — Г. Трусинъ: я съ вами видѣлся дома какъ съ хозяиномъ моимъ, и обошелся съ вами по дружески; но если найду по вашей части упущеніе или оплошность, не прогнѣвайтесь. — на гауптвахту. — А если что по важнѣе откроется, то, милости просимъ, вонъ (обращаясь къ Чернилину). А ты негодная чернильная тварь, достойный секретарь мерзавца исправника, всѣ твои продѣлки мнѣ извѣстны. Какъ я пойду писать по твоей спинѣ, то ты не найдешь мѣста куда укрыться отъ моихъ чернилъ: помни же негодяй. Вотъ вамъ господа въ короткихъ и ясныхъ словахъ мое наставленіе. — Скоро увижу васъ на дѣлѣ, исправились ли вы въ теченіе истекшаго года. Теперь можете убираться.

Нулинъ.

Не окажете ли вы мнѣ честь Ваше Превосходительство откушать сего числа у меня и вечеромъ осчастливить наше благородное собраніе вашимъ посѣщеніемъ?

Губернаторъ.

Очень радъ, Модестъ Павловичъ; кстати уже приглашу васъ на первый кадриль визави. Не задерживаю васъ господа: скоро послѣдую за вами. (Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Губернаторъ (одинъ).

Какъ бы отдѣлаться скорѣе отъ этой несносной ревизіи и приняться за дѣла сердечныя! Дѣдо пойдетъ, кажется, на ладъ. Уже не влюблень ли я подлинно? сердце такъ и бьется отъ пріятнаго ожиданія. — Но еще предстоитъ возиться съ этими олухами. Чортъ ихъ побери, не они у меня теперь на умѣ. — Но, это, что за женское твореніе подкрадывается ко мнѣ?

(Тихо и оглядываясь входитъ Водопьянова).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Водопьянова.

Какъ я рада, что застаю васъ однѣхъ. — Вы не узнаете меня, Алексѣй Петровичъ?

Губернаторъ.

Знакомое лицо.... но не припомню....

Водопьянова.

А Пашиньку... вы помните?

Губернаторъ.

Вотъ встрѣча неожиданная. — Степанида Агафоновна? какими судьбами здѣсь?

Водопьянова.

Я теперь въ этомъ городѣ постоянно живу; мужъ мой здѣшній откупщикъ.

Губернаторъ.

Какъ же я васъ въ прошедшемъ году здѣсь не вилѣлъ?

Водопьянова.

Я ѣздила на богомолье въ Воронежъ. Ну, а скажите-ка мнѣ, куда вы дѣвали Пашетъ?

Губернаторъ.

Давно выдалъ ее замужъ. — Прощу однако про такія вещи не говорить.

Водопьянова.

Да я ни кому о томъ и не думала говорить. — А что Алексѣй Петровичъ, по прежнему все также любите поволочиться?

Губернаторъ.

Послѣ приключеній моихъ съ вашей Кузиною я много остепенился и составилъ себѣ совсѣмъ другія правила. Дѣвущка — для меня существо святое, но когда выйдетъ за мужъ — прошу не прогнѣваться — ни кому спуску — кромѣ-дурныхъ.

Водопьянова.

Большіе же успѣхи вы сдѣлали по нравственной части. Ваши акціи пятидесятью процентами возвысились. Похвальню. — Однако, есть надежда что и здѣсь вы не откажетесь выступить на поприще волокитства.

Губернаторъ.

Здѣсь? въ этомъ паршивомъ городишкѣ? Да есть ли тутъ презентабельныя фигуры?

Водопьянова.

Ну, ужъ — пожалуйста — хитрите, да не сомною. — А хозяйка-то ваша!

Губернаторъ.

Ну, что же, хозяйка моя?

Водопьянова.

А будто вы уже такъ равнодушны къ ней? Полно-те: знаемъ гдѣ раки зимуютъ. — Будьте

откровеннѣе; меня вы не проведете. — А можетъ-быть и нашъ благой совѣтъ вамъ пригодится.

Губернаторъ.

Точно: нечего скрывать отъ васъ тайну сердца. Признаюсь, я влюбленъ въ Людмилу Григорьевну; обладать ею есть верхъ моего желанія.

Водопьянова.

Не забудьте что вы первая особа, нетолько въ этомъ городѣ, но и во всей губерніи. — Всѣ глаза устремлены на васъ. — Въ прошедшемъ году нашлись люди, которые замѣтили что вы не спускали съ нея глазъ. — Все возможно, только осторожно, говоритъ пословица.

Губернаторъ.

Это-то меня и безпокоитъ. А какъ вы думаете устроить все къ лучшему?

Водопьянова.

Сообщите мнѣ прежде вашъ планъ; можетъ быть придется только нѣкоторое измѣненіе придумать.

Губернаторъ.

Да я самъ ни начто еще не рѣшился. Вотъ видите. Трусинъ Городничій преплохой, арестовать его на однѣ сутки, я имѣю тысячи предлоговъ.

Водопьянова.

Куда какъ удачно придумали? и никто, вы полагаете, не догадается? Нѣтъ: если уже у Трусина отбивать жену, то и поберечь его надобно. — Вотъ вамъ мой совѣтъ. — Отправьте сей часъ городничаго на слѣдствіе въ уѣздъ. Исправника нечего жалѣть: онъ до того глупъ, что въ уѣздъ не ѣздитъ потому что боится скотскаго падежа: остряки надъ нимъ подшучиваютъ, а онъ вѣритъ. — И такъ дайте порученіе Тарасу Кузьмичу: этимъ знакомъ довѣрія вы его ободрите. На время отсутствія мужа, жена его переберется ко мнѣ. У меня особый флигель, ни кѣмъ теперь не занятый: приличія будутъ сохранены, потому что не пристойно молодой хорошенькой дамѣ оставаться безъ мужа подъ однимъ кровомъ съ обворожительнымъ кавалеромъ, который при томъ еще и Гражданскій Губернаторъ. Весь городъ одобритъ вѣрную супругу, и этимъ мы заткнемъ ротъ крикунамъ и недоброжелателямъ. Подъѣздъ во флигель съ улицы.... вы понимаете?.....

Губернаторъ.

Кажется, понялъ. Спасибо, тысячу разъ спасибо за совѣтъ. — Такимъ образомъ и волки сыты и овцы цѣлы. Нельзя было лучше придумать.

Но беретесь ли вы приготовить хозяйку мою къ исполненію придуманнаго плана.

Водопьянова.

Постараюсь, но съ однимъ только условіемъ.

Губернаторъ.

Какое?

Водопьянова.

Прошу не заглядывать въ нашъ подвалъ.

Губернаторъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. — Вамъ не хочется чтобы я видѣлъ какъ вода въ вашихъ рукахъ превращается въ звонкую монету.

Водопьянова.

Отгадали, услуга за услугу: прощайте, иду для васъ хлопотать.

Губернаторъ.

Желаю добраго успѣха, а я спѣшу на брань. (Водопьянова уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Губернаторъ (одинъ).

Вотъ лихая расторопная баба: люблю такихъ. Если бы въ каждомъ уѣздномъ городѣ было ихъ побольше, нашему брату Губернатору веселѣе было бы отправляться на ревизію. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

(Квартира откупщика Водопьянова.)

Водопьяновъ (одинъ).

Жена моя хотѣла повидаться съ губернаторомъ. Любопытно должно было быть ихъ свиданіе. По старому нашему знакомству, она несомнѣнно упроситъ его, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ наши питейныя дѣла. Вѣдь онъ у насъ нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ; не захочетъ же онъ чтобы о немъ разгласили молву. — До сихъ поръ мы свято хранили тайну....

ЯВЛЕНІЕ XI.

Водопьяновъ, Войновъ.

Водопьяновъ.

А, добро пожаловать Ѳедоръ Александровичъ. Откуда Богъ несетъ?

Войновъ.

Я пріѣхалъ изъ деревни къ вамъ на высокія почести. Модестъ Павловичь не могъ собрать никого изъ дворянъ къ обѣду, даваемому имъ въ честь Губернатора. Кто на охотѣ, кто на именинахъ; кто и вовсе не дорожитъ обѣдать съ Его Превосходительствомъ. Всѣ предпочитаютъ балъ. Я, человѣкъ свободный, не зависимый, не захо-

тѣлъ огорчить нашего предводителя, и явился на его приглашеніе. — А какъ теперь происходитъ еще ревизія, то я воспользовался этимъ досужнымъ временемъ чтобы посѣтить васъ, старый знакомый мой, Артамонъ Андреевичъ.

Водопьяновъ.

Очень благодарю за честь и удовольствіе. — Ну-что слышно? какъ идетъ ревизія? Злополучно или благополучно?

Войновъ.

Кажется по обыкновенному, однако видно и здѣсь нѣтъ правила безъ исключенія. — Проходя мимо земскаго суда, я встрѣтиль городничаго Трусина, который выбѣгаетъ въ восторгѣ и объявляетъ, что Губернаторъ откомандировалъ его на какое-то важное слѣдствіе въ уѣздъ, какъ чиновника расторопнаго и благонадежнаго.

Водопьяновъ.

Ну, не ожидалъ такихъ почестей нашъ скромный Тарасъ Кузьмичъ. Дай ему Богъ, онъ человѣкъ добрый, его надобно только ободрить; и будетъ изъ него прокъ. Но уже исправнику это пощечина препорядочная. — А о прочихъ какая молва?

Войновъ.

Только что началась потѣха.

Водопьяновъ.

Тутъ-то посыпется картечь самихъ отборныхъ привѣтствій, какъ вы думаете?

Войновъ.

Вѣроятно. Не одобряю я въ этомъ отношеніи Алексѣя Петровича Громоносова. — Кто ему далъ право бранить и ругать дворянъ такимъ безпощаднымъ образомъ? Если чиновникъ не исправенъ по службѣ; взыщи съ него, арестуй; отдай подъ судъ; по мнѣнію моему, — повѣсь, если онъ того заслужилъ. А брань самую низкую непотребную, извергать изъ устъ, сквернитъ того кто её произноситъ, гораздо болѣе нежели чернитъ того кому она говорена. Человѣкъ благовоспитанный отличается вѣжливостію въ обращеніи съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Сильному оскорблять слабаго подъ защитою власти ввѣренной ему правительствомъ, есть отпечатокъ необразованности и отсутствіе благородныхъ чувствъ. — Это принадлежность временщиковъ. — Нѣтъ въ цѣломъ законодательномъ мірѣ того уложенія, которое дозволяло бы употреблять бранныя слова противъ кого бы-то нибыло. Я служилъ во фрон-

тѣ, былъ употребленъ по разнымъ порученіямъ въ Новороссійскомъ краѣ, взыскивалъ строго съ подчиненныхъ, взыскивали и съ меня, но, никогда, я не слыхалъ и не употреблялъ не приличныхъ выраженій. — А еще предосудительнѣе бываетъ это злоупотребленіе власти когда обида нанесена бѣдному беззащитному дворянину: голодъ, нищета заставляютъ терпѣть такое униженіе. Небось, не нападетъ Его Превосходительство на какого нибудъ Князька, или матушкина сынка, хотя бы они и болѣе провинились тѣхъ, надъ которыми сыпятся ругательства. У этихъ-то можетъ быть и самъ будетъ искать, чтобы родня заговорила о великихъ достоинствахъ правителя губерніи. — Этому, Артамонъ Андреевичь, я самъ видѣлъ примѣры, отъ того-то, это меня за живое беретъ.

Водопьяновъ.

Ну, исполатъ тебѣ, Ѳедоръ Александровичъ, мастерски высказалъ правду: вотъ истинныя чувства русскаго дворянина: жаль только что онѣ теперь не въ модѣ. — А вотъ и жена моя возвращается къ намъ. — Не принесетъ ли она какихъ либо новостей?

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже, Водопьянова.

Водопьянова (Войнову).

Ѳедоръ Александровичъ, какъ я рада васъ видѣть. (Войновъ цѣлуетъ руку).

Водопьяновъ.

Ну, что новинькаго? Степанида Агафоновна?

Водопьянова.

По порядку разскажу: начну съ того что до насъ относится. Людмила Григорьевна переѣзжаетъ къ намъ во флигель на время отсутствія мужа, который откомандированъ по какому-то важному сдѣдствію въ уѣздъ. — Посуди самъ мой другъ, Губернаторъ человѣкъ молодой, влюбчивый, какъ ты знаешь, неприлично молодой супругѣ городничаго оставаться съ нимъ безъ мужа въ томъ же домѣ. Недоброжелающихъ, людей и клеветниковъ вездѣ много. — Пожалуй, скажутъ еще что Губернаторъ не безъ намѣренія усладъ мужа. Хорошо ли я сдѣлала, что предложила ей перебраться къ намъ?

Водопьяновъ (цѣлуетъ жену въ лобъ).

Ты примѣрная жена, всегда умѣешь сохранить приличіе, и другихъ наставлять къ добру (на ухо) а наше дѣло? уладила?

Водопьянова (тихо).

Дѣло въ шляпѣ.

Водопьяновъ.

Дай тебя поцѣловать еще разъ; ты не женщина, а министръ. — А далѣе что? —

Водопьянова.

Ревизія кипитъ. Исправника Губернаторъ переименовалъ въ становые, чтобы жилъ въ уѣздѣ и скотскаго падежа не боялся. Впрочемъ и становымъ можно безбѣдно прожить: еще не разрѣшенъ вопросъ, что выгоднѣе? Быть исправникомъ или становымъ приставомъ. Непремѣннаго члена и секретаря земскаго суда, Губернаторъ разбранилъ какъ нельзя хуже, но такими умори-тельно фамиліарными ругательствами, что говорятъ присутствующіе съ трудомъ удерживались отъ смѣха, да и мы сами, которымъ адресовались эти привѣтствія не знали какую себѣ сотворить физіономію: обидно и смѣшно. Проказникъ большой Алексѣй Петровичъ. Судьѣ досталось за безпечность, а секретарю такой нагоняй заданъ, что другой разъ хорохориться не подумаетъ. Впрочемъ ревизія сошла съ рукъ гораздо благополучнѣе нежели въ прошломъ году; говорятъ что Панкрасъ Ивановичъ Взяткинъ помогалъ не мало нашимъ

господамъ, и даже будто нѣкоторыя погрѣшности искусно онъ умѣлъ скрыть. — Въ дворянской опекѣ Губернаторъ видимо былъ не доволенъ только ни слова предводителю не сказалъ: а какъ взглянулъ на протоколиста, такъ и засверкали его глаза. Этотъ взглядъ стоилъ брани. Впрочемъ слухъ несется, что Губернаторъ пригласилъ къ себѣ предводителя съ протоколистомъ: полагаю не даромъ. И такъ всѣхъ лучше отдѣлался нашъ городничій. — По счастію онъ сейчасъ и отправился на слѣдствіе, а то и ему не уйти бы отъ упрековъ. Губернаторъ замѣтилъ, что многіе домà не оштукатурены, вопреки его приказанія. — Въ городническомъ правленіи онъ сквозь пальцы на всё смотрѣлъ; правда что Панкрасъ Ивановичъ всё представлялъ въ лучшемъ видѣ: кажется не дешево это обошлось нашимъ господамъ.

Водопьяновъ.

Да: такъ водится, печего дѣлать, давай коли хочешь быть цѣлъ. Такъ ли Ѳедоръ Александровичъ?

Войновъ.

По несчастію оно такъ, но лучше о томъ и не думать: у благороднаго человѣка кровь кипитъ, когда видитъ что при всѣхъ стараніяхъ мудраго

и попечительнаго монарха, честность, самоотверженіе, прямодушіе не могутъ быть единственными руководителями посвящающихся на царскую службу. Но время проходитъ, ревизія должна быть окончена; я долженъ быть на обѣдѣ у г. предводителя. — Прощайте, желаю вамъ быть здоровымъ.

Водопьяновъ } Прощайте почтеннѣйшій Ѳедоръ.
Водопьянова } Александровичъ.

(Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Квартира Губернатора.

Губернаторъ (одинъ).

Ну! слава Богу! всѣ дѣла сбылъ съ рукъ. Гора съ плечъ свалилась. — Остается сдѣлать замѣчаніе предводителю за его безпечность и откатать порядкомъ протоколиста Ворону. Для того я ихъ призвалъ къ себѣ. Но вотъ они идутъ: справлюсь съ ними, и потомъ пущусь утопать въ упоительныхъ мечтахъ которыя надѣюсь осуществить скоро.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Губернаторъ, Предводитель Нулинъ, Протоколистъ Ворона.

Губернаторъ.

Модестъ Павловичъ, я васъ пригласиль къ себѣ въ сопровожденіи этого негодяя потому что васъ какъ предводителя дворянства, я не хотѣлъ огорчить при свидѣтеляхъ. — Но здѣсь, наединѣ, я долженъ вамъ высказать мое мнѣніе. Дѣла у васъ въ безпорядкѣ и чрезвычайно запущены вотъ этимъ мерзавцемъ, котораго я только ради васъ давече неотхлесталъ какъ слѣдуетъ. Указы о взятіи имѣній въ опеку лежатъ безъ всякаго исполненія; отчеты отъ опекуновъ не требуются, или которые представлены не обревизованы. Такое положеніе терпимо быть не можетъ. — Вы человѣкъ скромный, тихій; но неопытность ваша велика, и вы ввѣрились негодному протоколисту, который васъ не бережетъ. — А ты Ворона, видно еще мало напуганная, мошенникъ перваго разряда, если ты мнѣ всѣ дѣла не приведешь въ должный порядокъ къ новому году непремѣнно, я тебя каналью прикажу привязать за ногу къ первому фонарному столбу въ городѣ головою внизъ и предоставлю твою гнусную персону клевать воронамъ.

Понимаешъ ли ты разбойникъ (треплетъ его за воротникъ). Будешъ ли помнить бездѣльникъ?

Ворона.

Виноватъ. Простите (падаетъ на колѣни).

Губернаторъ.

Такъ убирайся же къ чорту. (Ворона убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Губернаторъ, Нулинъ.

Губернаторъ.

Вотъ, любезнѣйшій Модестъ Павловичъ, какъ надобно съ такими канальями обходиться. — Увидите если все небудетъ исправлено къ сроку. Извините меня: дружба-дружбою, — служба-службою. Теперь ревизію я почти окончилъ: можемъ предаться увеселеніямъ. Взяткина я не беру обѣдать къ вамъ потому, что онъ занятъ дѣлами. Не хочу васъ задерживать болѣе; черезъ полчаса буду у васъ.

Нулинъ.

Не знаю какъ благодарить Ваше Превосходительство за благосклонное ваше вниманіе ко мнѣ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Губернаторъ (одинъ).

Добрый малый, но дуракъ, и не на своемъ мѣстѣ. Остается полчаса до обѣда. Золотое время не должно терять. — Кажется она еще здѣсь. (Подходитъ тихонько къ дверямъ Трусиной, и легко стучится. — Выходитъ Трусина).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Губернаторъ, Трусина.

Губернаторъ.

Ангелъ красоты, простите, если я васъ обезпокоилъ. Я бы желалъ побѣсѣдовать съ вами до обѣда.

Трусина.

Вы предупредили мое желаніе.

Губернаторъ.

Не ужели, дитя мое, я такъ счастливъ?

Трусина.

Вамъ угодно было дать моему мужу важное порученіе: такое вниманіе ваше къ службѣ его я чувствую вполнѣ и желаю лично возблагодарить Ваше Превосходительство, но не рѣшалась идти; безъ мужа..... какъ-то не-ловко.....

Губернаторъ (съ выразительною улыбкою).

А безъ мужа, по моему, гораздо ловчее..... (жметъ ей руку). Неправда ли? (минута выразительнаго молчанія). О, вы будете моей?....

Трусина.

Ваше Превосходительство ожидаютъ у предводителя дворянства, а мнѣ предстоитъ перебираться на другую квартиру, — на все время отсутствія моего мужа.

Губернаторъ.

Въ домѣ откупщика?... во флигелѣ?... подъѣздъ съ улицы? — Не такъ ли?

Трусина.

Кажется такъ.

Губернаторъ.

Милѣе тебя нельзя быть, дитя мое... На балу далѣе перваго кадриля я не остаюсь: что мнѣ тамъ дѣлать съ этими олухами. А у тебя, дитя мое, заболятъ зубы.... ты оставишь балъ.... а я.... я..... отправляюсь... въ дорогу... Такъ ли?

Трусина (робко подымая взоры).

Вы начальникъ губерніи. — Вамъ приказывать, намъ повиноваться. (Уходитъ, Губернаторъ провожаетъ цѣлуя у нея руку).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Губернаторъ (одинъ).

Я въ восторгѣ: милѣе женщины я не встрѣчалъ; какъ это скоро уладилось: пріѣхалъ, увидѣлъ, побѣдилъ. — Счастливый же ты смертный Алексѣй Петровичъ (смотритъ въ зеркало). Въ самомъ дѣлѣ не дуренъ кавалеръ. — Два раза въ годъ буду ревизовать здѣшніе присутственные мѣста.... Тутъ бездна безпорядковъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

Дѣйствіе третіе.

ОБѢДЪ И БАЛЪ ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ СОБРАНІИ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Квартира предводителя: столъ накрытъ).

Нулинъ (входятъ постепенно). Войновъ, Судья, Исправникъ, Протоколистъ, Секретари, члены Земскаго и Уѣзднаго Суда.

Нулинъ.

Поздравляю васъ, господа: ревизія кажется благополучно сошла съ рукъ.

Мокрокурицынъ, Пѣтуховъ (вмѣстѣ).

Благополучно!

Зябкинъ.

И тѣмъ довольны, что никто не отрѣшенъ: хлѣбъ насущный остался.

Нулинъ.

Вотъ и Губернаторъ (встрѣчаетъ его).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже Губернаторъ.

Губернаторъ (осмотрѣвъ гостей; Нулину).

Это ваши гости?

Нулинъ.

Точно такъ-съ.

Губернаторъ.

Да развѣ кромѣ этихъ сапожниковъ, вы не нашли кого пригласить.

Нулинъ (сконфуженный).

Да... я.....

Губернаторъ.

Имъ мѣсто на висѣлицѣ.... а вы заставляете меня съ ними обѣдать.

Нулинъ.

Прикажете? — я ихъ вышлю.

Губернаторъ.

Вотъ еще лучше: позвали, такъ накормите дураковъ (видитъ книгу на столѣ) а, ревизоръ, Гоголя. Комедія умно написана, не неправдоподобно. Займусь чтеніемъ до обѣда (садится и читаетъ).

Нулинъ (про себя).

Вотъ попался въ просакъ: нельзя-ли помочь бѣдѣ? (думаетъ). Прекрасно: счастливая мысль.— Отдѣлю три мѣста для губернатора, для Г. Войнова и для меня, а прочихъ усадимъ по далѣе-на край стола (переставляетъ самъ приборы).

Войновъ (тихо Нулину).

Что вы тутъ затѣваете, Модестъ Павловичъ?

Нулинъ.

Развѣ вы не слышали какъ разгнѣвался. Отдѣляю три мѣста: васъ съ нами посадимъ.

Войновъ.

Не безпокойтесь: я останусь между сапожниками.

Нулинъ.

Сдѣлайте одолженіе, съ нами....

Войновъ.

Покорно благодарю: я почестей не ищу. Чѣмъ я лучше этихъ сапожниковъ?

Нулинъ.

Какъ вамъ угодно.

Губернаторъ (смѣясь).

Ну! если бы ко мнѣ попались такіе взяточники какихъ описываетъ здѣсь Гоголь, давно бы

я ихъ посадилъ на колъ, по Турецки (всѣ смѣются кромѣ Войнова).

Нулинъ.

Ваше Превосходительство, кушанье подали.

Губернаторъ.

(Видя расположеніе мѣстъ, — про сѐбя).

Изобрѣтеніе достойное изобрѣтателя. (Садится).

Нулинъ.

Прошу извиненія у Вашего Превосходительства, если столъ мой не по вашему вкусу: поваръ у меня свой доморощеный.

Губернаторъ.

Я привыкъ все ѣсть. Когда каждый годъ долженъ цѣлую губернію объѣхать, то привыкнешъ ко всякому стряпанію. — Да куда вы дѣвали всѣхъ вашихъ дамъ?

Нулинъ.

Готовятся на балъ: у насъ собраніе начинается рано, не по столичному.

Губернаторъ.

А музыка откуда?

Нулинъ.

Скрыпку играетъ гарнизонный солдатъ: флей-

та и басъ принадлежатъ сосѣду моему по имѣнію, а валторнистъ мой Ванька, что подаетъ холодное.

Губернаторъ.

Слѣдовательно квартетъ?

Нулинъ.

У насъ величаютъ оркестромъ.

Губернаторъ.

А что полька?... дошла до васъ?

Нулинъ.

Непремѣнно. — У насъ её уже давно танцуютъ.

Губернаторъ.

Кто же изъ дамъ у васъ пускается въ польку?

Нулинъ.

Людмила Григорьевна въ особенности мила въ этомъ танцѣ, такъ-какъ она воспитывалась въ институтѣ.

Губернаторъ.

Ну жаль что не увижу: послѣ перваго кадриля я васъ оставляю.

Нулинъ.

Неужели, Ваше Превосходительство, такъ скоро? Хоть посмотрѣли бы на польку. Можно её протанцовать сейчасъ послѣ перваго кадриля.

Губернаторъ.

Развѣ такъ. Вотъ видите: у меня всѣ часы расчитаны; двѣнадцать уѣздовъ не бездѣлица объѣхать въ такое ненастье. (Замѣчаетъ не знакомое лицо за столомъ). Скажите пожалуйста, Модестъ Павловичъ, кто это незнакомое лицо въ военномъ мундирѣ, который скрывается за толстымъ сосѣдомъ своимъ, я его кажется въ первый разъ вижу?

Нулинъ.

Здѣшній помѣщикъ, Ѳедоръ Александровичъ Войновъ; служилъ съ отличіемъ до подполковника, за ранами уволенъ отъ службы съ пенсіономъ, живетъ въ своей деревнѣ и пріѣхалъ по приглашенію моему, чтобы имѣть честь откушать съ Вашимъ Превосходительствомъ.

Губернаторъ.

Такъ онъ не принадлежитъ къ этой сволочи?

Нулинъ.

Сколько его неупрашивали, онъ не рѣшился по выборамъ служить.

Губернаторъ.

Зачѣмъ же вы посадили его со всею этою дряныо? (привстаетъ и громко). Ѳедоръ Александровичъ, сейчасъ только узналъ я что вы здѣшній, всѣми уважаемый помѣщикъ. Неугодно ли по-

ближе къ намъ? вотъ на это мѣсто. (Войновъ кланяется и колеблется). Не хотите? такъ мы васъ насильно пересадимъ. (Идетъ къ нему, одною рукою беретъ его тарелку, а другою тащитъ его за собою. — Нулинъ подаетъ стулъ). Вотъ, давно бы такъ. (Нулину). Вы всему виноваты.

Войновъ.

Помилуйте, Ваше Превосходительство, я тамъ былъ между дворянами, равными мнѣ..

Губернаторъ.

Есть дворяне и дворяне: мы умѣемъ ихъ различать.

Войновъ.

Сортировать ихъ — не мое дѣло.

Губернаторъ.

Вотъ вамъ бы служить по выборамъ: мы такихъ добиваемся.

Войновъ.

Не въ силахъ, Ваше Превосходительство, я гражданское судопроизводство худо разумѣю, спотыкнусь на первомъ шагу. — На другаго сваливать обязанность не въ моихъ правилахъ, а непріятностей переносить я еще не привыкъ,

Губернаторъ.

Заслуженные люди какъ вы, большимъ непріятностямъ не подвергаются.

Войновъ.

Большая или малая, все-таки непріятность: она огорчитъ меня; а еслибы мнѣ привелось услышать дерзкое слово отъ своего начальника, какъ нѣнѣ въ моду вошло, то, по горячности и вспыльчивости моей дурной натуры, тотъ который меня оскорбитъ, можетъ быть и не въ состояніи будетъ повторить это надъ другимъ; а себѣ я только уготовлю погибель.

Губернаторъ.

О, да у васъ теоріи.

Войновъ.

Можетъ быть и теоріи, но я не ишу случая осуществить ихъ на практикѣ.

Губернаторъ.

Ваша воля. А что, Модестъ Павловичъ, обѣдъ кажется конченъ. — Позвольте встать. Меня еще дѣла ожидаютъ дома. (Всѣ встаютъ, Губернаторъ прощается съ Нулинымъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, кромѣ Губернатора.

Зябкинъ.

Ну, молодецъ ты, Ѳедоръ Александровичъ. Не въ бровь, а прямо въ глазъ кольнулъ ты Его Превосходительству.

Пѣтуховъ.

А замѣтили вы, господа, какъ Губернаторъ смутился, когда Ѳедоръ Александровичъ отпустилъ ему правду?

Чернилинъ.

Да, онъ тутъ же провозгласилъ обѣдъ конченнымъ.

Нулинъ.

Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь сладкаго пирожнаго еще не подавали.

Мокрокурицынъ.

Намъ сладкое пирожное замѣнили усладительныя слова почтеннѣйшаго Ѳедора Александровича.

Пѣтуховъ.

Разскажи-ка братъ, Ворона, какъ тебя давиче пудрили? Вѣдь не даромъ Губернаторъ велѣлъ *тебѣ* явиться къ нему на квартиру?

Ворòна.

Приказалъ только исправить запоздалыя дѣла къ новому году.

Чернилинъ.

Только! а не сопровождалъ это приказаніе никакими отборными привѣтствіями, извлеченными изъ его неистощимаго лексикона краснорѣчивыхъ ругательствъ?

Ворòна.

Право не припомню. Впрочемъ жаловаться не могу.

Зябкинъ.

Объ чемъ тутъ толковать господа. — Откланяемтесь почтенному хозяину, и зайдемте ко мнѣ, выкурить по трубочкѣ, а потомъ въ собраніе (уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Нулинъ (одинъ).

Обѣдъ мой — не очень удачный. Странный человѣкъ Алексѣй Петровичъ; не знаешь какъ ему угодить. Еще спасибо ему, что онъ меня при ревизіи поберегъ: это значитъ, что онъ меня отличаетъ отъ прочихъ собратій моихъ г. г. Предводителей, которымъ, какъ говорятъ, достается иног-

да не менѣе какъ сегодня Мокрокурицыну и моему протоколисту Воронѣ. — Весь день на ногахъ и въ суетахъ, усталъ, мочи нѣтъ; а долженъ идти опять хлопотать объ устройствѣ бала (смотритъ на часы) гм, гм! да уже скоро будутъ съѣзжаться (уходитъ поспѣшно).

ЯВЛЕНІЕ V.

Квартира Трусиной у откупщика.

Трусина (одна).

(Въ бальномъ нарядѣ становится предъ зеркаломъ).

Для уѣзднаго городка, туалетъ мой, кажется не совсѣмъ дуренъ. Старалась принаровить по послѣдней картинкѣ моднаго журнала (послѣ краткаго размышленія). Можетъ быть и не хорошо дѣлаю, что рѣшилась принятъ молодаго влюбленнаго губернатора. Но какъ противустать влеченію сердца, той, которая еще никогда сердечныхъ отрадъ не испытала? Въ этомъ грязномъ уголкѣ міра, все такъ скучно, такъ пусто для души. — Тараса Кузьмича я уважаю и цѣню какъ благодѣтеля, призрѣвшаго сироту, но никогда любви къ нему я не чувствовала. Впрочемъ, если и дѣлаю худо, оно замѣнится добромъ. — Я спасаю мужа отъ большихъ *непріятностей*, и можетъ быть испрошу ему на-

граду. Онъ человѣкъ боязливый, и когда объятъ страхомъ, — совсѣмъ другой человѣкъ. — Это порученіе дастъ ему болѣе вѣса, болѣе увѣренности въ самомъ себѣ. Такія случаи рождали иногда великихъ мужей.

(Вбѣгаетъ Губернаторъ въ партикулярномъ сюртукѣ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Губернаторъ.

Я забѣжалъ къ вамъ на минуточку, чтобы познакомиться съ мѣстностью, и еще разъ насладиться вашимъ лицезрѣніемъ, очаровательная Людмила Григорьевна. Какъ вы милы въ этомъ нарядѣ.

Трусина.

Не ожидала я васъ въ эту минуту, Алексѣй Петровичъ. Вы неудобное время избрали: всѣ жители города на ногахъ теперь: всѣ готовятся на балъ. — Трудно вамъ скрыться отъ прозорливыхъ глазъ.

Губернаторъ.

Не опасайся, дитя мое: я инкогнито, и всѣ мѣры принялъ, чтобы никто меня не увидѣлъ. (Цѣлуетъ съ жаромъ ея руку).

Трусина.

Не время-ли отправляться въ собраніе? (отво-

ряетъ боковую дверь). Вотъ выходъ болѣе удобный для Вашего Превосходительства.

Губернаторъ.

Прощай, Ангелъ мой: помни же: послѣ перваго кадриля — зубы должны заболѣть.

Трусина (провожаетъ до дверей).

Вотъ выходъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Освѣщенная зала дворянскаго собранія. Предводитель распоряжается. — Гости съѣзжаются.)

Нулинъ.

Оркестръ — становись на мѣсто: приготовьте въ сосѣдней компатѣ ломберные столы съ картами. — Послѣ перваго кадриля подавать оржадъ и лимонадъ. (Входитъ Трусина).

Добро пожаловать, Людмила Григорьевна. О васъ была рѣчь за обѣдомъ. Губернаторъ спрашивалъ — танцуютъ ли польку у насъ? я отвѣчалъ что этотъ танецъ никто не танцуетъ милѣе васъ. И такъ мы на васъ надѣемся.

Трусина.

Благодарю за рекомендацію, но я не расположена много танцовать. Мужъ мой въ отсутствіи: отъ сырой погоды зубы у меня разболѣлись; если

боль не утихнетъ, придется оставить балъ, можетъ быть и не танцовавши.

Нулинъ.

Жаль, очень жаль; вы украшеніе нашихъ собраній; впрочемъ и Губернаторъ оставитъ пасъ рано. Надѣюсь что онъ съ вами протанцуетъ первую кадриль.

Трусина.

Не знаю: можетъ быть и съ другою.

Нулинъ.

Но вотъ и Его Превосходительство (входитъ Губернаторъ).

Трусина (про себя).

Какъ у меня сердце бьется!...

Губернаторъ.

Модестъ Павловичъ, прикажите начинать: вы мой визави? пойду пригласить Людмилу Григорьевну. А вы съ кѣмъ?

Нулинъ.

Я съ мадамъ Водопьяновъ.

Губернаторъ.

Bon: en pays de connaissance. Становитесь господа: музыка начинай (кадриль начинается).

(Пѣтуховъ и Чернилинъ начинаютъ шептать между собою.)

Пѣтуховъ (тихо Чернилину).

Его Превосходительство, кажется, не хочетъ оставаться въ долгу у Тараса Кузьмича. — Городничій производитъ слѣдствіе въ уѣздѣ надъ однодворцами, а Губернаторъ въ городѣ — надъ его супругою.

Чернилинъ.

Похоже на то: съ тою только разницею, что Губернаторъ по опытнѣе и по расторопнѣе — скорѣе успѣетъ въ своемъ дѣлѣ чѣмъ Трусинъ.

Пѣтуховъ.

За то, пойдетъ Трусинъ въ гòру.

Чернилинъ.

А мы, кажется съ тобою пòдъ-гору.

Пѣтуховъ.

Покрайней мѣрѣ не съ высокà рухнемся.

(Губернаторъ танцуя, видимо воспламеняется. — Трусина платкомъ придерживаетъ щеку.)

Губернаторъ.

Что съ вами?

Трусина.

Мочи нѣтъ отъ зубной боли.

Губернаторъ.

Что можетъ быть несноснѣе? совѣтую вамъ креозотъ: удивительное средство.

Трусина.

Все испытала, ничего не помогаетъ (кадриль кончается: Трусина садится въ сторону съ видомъ страданія).

Нулинъ.

Что Людмила Григорьевна? очень разболѣлись зубы?

Трусина.

Чрезвычайно. — Позвольте мнѣ оставить балъ.

Нулинъ.

Не смѣю васъ задерживать, хотя и желалось показать Его Превосходительству какъ у насъ танцуютъ польку.

Трусина.

Право, мнѣ теперь не до польки (уходитъ).

Губернаторъ

(который разговаривалъ съ Водопьяновою).

А что же? Не будетъ польки?

Нулинъ.

Не кому танцовать: Людмила Григорьевна отретировалась.

Губернаторъ.

Жаль.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже, Взяткинъ (съ кувертомъ въ рукахъ).

Взяткинъ.

Ваше Превосходительство; сейчасъ получена эстафета на имя ваше. (Подаетъ кувертъ).

Губернаторъ.

А! это отъ моей возлюбленной супруги (пробѣгаетъ письмо). Слушайте господа, какое радостное извѣстіе я получилъ изъ дома (читаетъ). „Ангелъ мой, собираю оставшія силы, чтобы увѣдомить тебя, что, вчера, въ 9 часовъ вечера, Богъ „далъ намъ сына. Онъ явился на свѣтъ какъ „Людвигъ XIV, съ двумя зубами. Цѣлую тебя „тысячу разъ, и ожидаю съ нетерпѣніемъ чтобы „представить тебѣ нашего Ростиславля. — Твоя „Надежда.“ — (Взяткину) черезъ часъ мы отправляемся: ступай, готовь все къ отъѣзду. Прощайте господа, спѣшу насладиться семейнымъ счастіемъ; (въ сторону) но, прежде, уготовленнымъ блаженствомъ. (Уходитъ поспѣшно: въ дверяхъ сталкивается съ городничимъ Трусинымъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, Трусинъ.

Губернаторъ (хватая себя за носъ).

Это что значитъ? Какъ ты здѣсь очутился?

Трусинъ (заикаясь отъ испуга).

Ваше Превосходительство, я выѣхалъ поздно, ночь настала самая темная, я проплуталъ бы въ полѣ: я подумалъ: не лучше ли мнѣ воротиться и попросить у начальника губерніи, чтобы прикомандированъ былъ ко мнѣ непремѣнный членъ.....

Губернаторъ.

Да какого же у тебя дурака непремѣннаго члена не достаетъ? Требухою набитая голова?

Трусинъ.

Видя милости ваши....

Губернаторъ.

Вотъ дамъ я тебѣ милостей ослушнику. Больно раздулся ты здѣсь лежа на боку́, ничего не дѣлая. Ѣсть, пить, да спать, только и разумѣешь: а на телѣжкѣ прокатиться отвыкъ. Въ квартальные тебя опредѣлю въ губернскій городъ, болванъ. Тутъ-то ты у меня попрыгивать будешь. Опустошу твой толстый животъ. (Тыкаетъ пальцемъ въ его брюхо). Всѣхъ выгоню отсюда гусей, цыплятъ, курапатокъ, индѣекъ, рябчиковъ. Будешь помнить, какъ ослушиваются начальника. — А, кстати объ ослушаніи. Почему не отштукатурены дома̀ въ городѣ, согласно моему приказанію?

Трусинъ.

Времена тяжкія: народъ бѣдный....

Губернаторъ.

У тебя подлеца еще отговорки: знай-же мерзкая тварь, что если я тебя самого прикажу оштукатурить отъ затылка до пятокъ, такъ это должно быть исполнено немедленно.

Трусинъ.

Слушаюсь. Радъ стараться.

Губернаторъ.

А теперь тебя разбойника посажу подъ арестъ на сутки, и то великая милость: знай это. (Городничій кланяется).

(Въ это время перепуганные гости мало по малу оставляютъ залу. Остается одинъ Нулинъ:)

Господинъ Предводитель прощу васъ..... (Губернаторъ видитъ пустую залу). Что это значитъ? Развѣ балъ конченъ?

Нулинъ.

Гости сконфузились, и не хотѣли мѣшать Вашему Превосходительству.

Губернаторъ (про себя).

Quel imbécille! (громко). Ну если такъ, то къ чему нибудь это пригодится. — Въ уваженіе того что онъ первое лицо въ городѣ, я назначаю ему

эту залу для ареста (про себя). Изъ гауптвахты пожалуй еще уйдетъ домой. — Оставайся же здѣсь, парадный шутъ. Можешь, въ теченіе сутокъ, предаться философическимъ размышленіямъ о превратностяхъ рока и мечтать о благахъ ожидающихъ тебя въ должности квартальнаго надзирателя. — Пойдемте, Модестъ Павловичъ, я его запру самъ здѣсь, возьму къ себѣ ключь и самъ выпущу; вѣдь по милости его, мнѣ придется еще весь завтрашній день здѣсь пробыть (про себя уходя) пойду утѣшать его жену (дверь запирается на замокъ)

СЦЕНА X. И ПОСЛѢДНЯЯ.

Трусинъ (расхаживаетъ въ отчаяніи, и плачетъ).

Какая нелегкая меня дернула воротиться? Пропала вся моя служба. Что скажетъ моя Людмила Григорьевна? О головушка, головушка ты моя..... (Трусинъ беретъ за голову, треплетъ волосы, отъ чего образуются у него два рога. Онъ плачетъ и смотритъ на публику съ уморительно-умилительною гримасою. — Занавѣсъ опускается.)

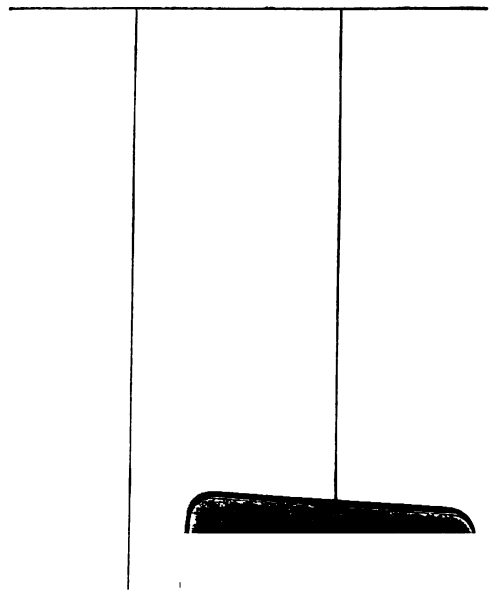
Конецъ.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Пецъ.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

Stanford University Libraries
3 6105 124 447 462

PC
323
S63

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.